Г. А. Абдурахманов

Исследование по старотюркскому синтаксису

(XI век)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Г. А. Абдурахманов

Исследование по старотюркскому синтаксису

(XI век)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1967

Монография представляет собой описание и анализ синтаксических особенностей тюркоязычных памятников XI в. «Қутадғу билиг» и «Дīвāну луғāт-ит турк».

Работа состоит из двух частей. В первой части рассматриваются словосочетания, члены предложения, структура простого и сложного предложений, типы связи между простыми предложениями в составе сложных. Определенное внимание уделяется вопросам исторического развития некоторых синтаксических категорий. Во второй части даны сравнительные таблицы, иллюстрирующие частотность употребления различных видов синтаксических конструкций некоторых тюркских языков на протяжении тысячелетия.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
доктора филологических наук
Э. В. СЕВОРТЯНА

7—1—3
170—67(I)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Синтаксис языка тюркских памятников XI в. изучен крайне недостаточно. Сочинение Махмуда Кашгарского «Живахиррун нахви фил луғāт-ит турк», посвященное синтаксису старотюркского языка, не найдено. В ряде современных работ по истории тюркских языков синтаксис языка XI в. не получил специального освещения. Синтаксические конструкции рассматриваются в них или в связи с изучением морфологии, или в плане изучения общей истории тюркских языков [1].

Настоящая работа представляет собой описание и анализ синтаксических особенностей языка памятников XI в. «Қутадғу билиг» и «Дīвāну луғāт-ит турк». Наряду с этим в работе определенное внимание уделяется вопросам развития некоторых синтаксических категорий и конструкций.

Как справедливо отмечает С. Е. Малов, «все эти памятники (т. е. памятники с V по XV в.— *Г. А.*) или языки всех этих памятников служат общим фоном, общей исторической канвой для древней истории большинства тюркских языков...» [2]. Следовательно, изучение языка таких выдающихся памятников, как «Қутадғу билиг» и «Дīвāну луғāт-ит турк», должно пролить свет на историю тюркских языков и прежде всего узбекского, уйгурского, туркменского, казахского и киргизского.

С этой целью в работе делается попытка сравнить синтаксические особенности вышеназванных памятников, с одной стороны, с особенностями памятников, написанных до и после XI в., с другой — с синтаксисом некоторых современных тюркских языков, прежде и чаще всего — с синтаксической структурой современного узбекского языка.

Работа состоит из двух частей. В первой части рассматриваются члены предложения, словосочетания и речевые конструкции, сою-

[1] См.: C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leyden, Brill, 1954; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XII вв. из Восточного Туркестана. М.— Л., 1961 и др.

[2] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951, стр. 3.

зы и союзные слова, структурные типы простого и бессоюзного сложного предложений. Вторая часть посвящена сравнительному анализу синтаксических конструкций (главным образом конструкций сложных предложений) языка памятников XI в. и синтаксических конструкций староузбекского и современного узбекского языков.

С целью определения частоты употребления различных разновидностей сложных синтаксических конструкций и показа исторического процесса развития, активизации и замены одних конструкций другими на протяжении тысячелетия во второй части работы даются сравнительные таблицы. Для сравнения используются в пропорционально равном объеме (8 п. л.) тексты из памятников «Қутадғу билиг» (XI в. Наманганская рукопись, стр. 8а—130а), «Бабур-наме» (XVI в. З. М. Бобир. Бобирнома. Ташкент, 1960, стр. 280—347 и 363—437) и повести современного узбекского прозаика А. Каххара «Синчалак» (Ташкент, 1959).

Синтаксическая функция некоторых категорий обусловливается их формальными и семантическими особенностями (например, система падежей, относительные местоимения, глагольные имена, имена действия, деепричастия, условное наклонение). Поэтому в процессе анализа синтаксических функций таких категорий пришлось остановиться на некоторых их морфологических и лексико-семантических особенностях. Однако мы не ставили перед собой цели выявить этимологию и проследить историю развития затронутых нами морфологических и морфолого-синтаксических категорий, так как история вопроса (с приведением библиографии) довольно подробно освещена в трудах ряда тюркологов [3].

При написании первой части работы автор пользовался текстом «Қутадғу билиг», подготовленным к изданию В. В. Радловым [4], Наманганским и Гератским списками «Қутадғу билиг» [5], текстом «Дīвāну луғāт-ит турк», переведенным на узбекский язык и подготовленным к печати С. Муталлибовым [6], а также текстом «Дīвāну луғāт-ит турк», подготовленным к изданию А. Рифатом [7].

---

[3] С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 303—304, 315; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.— Л., 1960; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1959; А. М. Щербак. Указ. соч.; Он же. Грамматика староузбекского языка. М.— Л., 1962; С. М. Муталлибов. Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк. Ташкент, 1959; С. Brockelmann. Указ. соч;. M. Räsänen. Materialen zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957; Т. У. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.

[4] W. W. Radloff. Das Kudatku Bilik des Jusuf-Chass Hadschib aus Bälasagun, Theil I, 1891, Theil II, 1910. St. Petersburg.

[5] «Қутадғу билиг». Наманганский список. Ин-т востоковедения АН УзССР, инв. № 1809.

[6] «Дīвāну луғāт-ит турк». Ташкент, т. I, 1960, т. II, 1961, т. III, 1963.

[7] ديوان لغات الترك, т. I и II, 1333, т. III, 1335 (по хиджре).

Перевод на русский язык «Қутадғу билиг» осуществлен в основном по тексту оригинала. В работе использован также немецкий перевод В. В. Радлова. Учитывая неточности его фонетической транскрипции [8], мы разработали новую транскрипцию текста «Қутадғу билиг». Перевод и транскрипция текстов «Қутадғу билиг» и «Дīвāну луғāт-ит турк» сверены с последним изданием критического текста указанных произведений, осуществленным в Турции [9].

Значительную трудность представлял перевод на русский язык предложений и словосочетаний со специфичной для языка XI в. синтаксической структурой. Стремясь средствами современного русского языка передать содержание указанных выше конструкций, мы использовали как смысловой, так и буквальный переводы.

Автор выражает благодарность профессору Э. В. Севортяну, рецензировавшему рукопись данной работы и сделавшему много ценных замечаний, а также М. Б. Финкельштейну, К. Каримову и Т. Рустамову, оказавшим большую помощь при подготовке рукописи к печати.

В работе приняты следующие транскрипционные знаки, сокращения и условные обозначения.

ТРАНСКРИПЦИОННЫЕ ЗНАКИ

Для гласных:

а — гласный заднего ряда нижнего подъема, нелабиализованный

ä — гласный переднего ряда нижнего подъема, нелабиализованный

ə — широкий нелабиализованный гласный нижнего подъема (специфичная фонема для языка XI в.), встречающийся в первом слоге

о — широкий лабиализованный гласный заднего ряда среднего подъема

ө — широкий лабиализованный гласный переднего ряда среднего подъема

у — узкий лабиализованный гласный заднего ряда верхнего подъема

ӱ — узкий лабиализованный гласный переднего ряда верхнего подъема

ы — узкий нелабиализованный гласный заднего ряда верхнего подъема

и — узкий нелабиализованный гласный переднего ряда верхнего подъема

Для некоторых согласных:

ж — среднеязычная аффриката, звонкая

δ — соответствует интердентальному звонкому, который в арабском начертании передается через ذ.

[8] См.: V. Thomson. Sur le system des consonnes dans la langue ouigoure. «Keleti szemle (Revue orientale)», t. II. Budarest, 1901, № 4, стр. 241—259; С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 97, 299; А. А. Валитова. К изданию критического текста и перевода «Кутадгу билик». «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», XLIV. М., 1961, стр. 78—79.

[9] Jusuf Has-hacib. Kudatgu Bilig. II. Terceme. «Türk Tarih Kurumu Yayınlarından», II seri, № 20. Ankara, 1959; «Divanu lugatit turk». Ankara, 1939—1942; R. R. Arat. Kutadgu bilig, I Metin. Istanbul, 1947.

w — губно-зубной, щелевой, звонкий, передающийся в арабской графике через ڤ
ŋ — заднеязычный носовой сонорный
ķ — глубокозаднеязычный смычный глухой
ғ — глубокозаднеязычный фрикативный звонкий
χ — гортанный придыхательный
ъ — знак, соответствующий арабскому айну и хамзе

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ДЛТ — Маҳмуд Кашгарий. Дīвāну луғāт-ит турк.
КБ — Юсуф Хас Хажиб, Қутадғу билиг.
x — примеры, заимствованные из работы: C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leyden, Brill, 1954.
* — разночтения по изданию: R. R. Arat. Kutadgu bilig. I Metin. Istanbul, 1947.

Цифры, следующие за примерами из ДЛТ, обозначают: римские — том, арабские — страницы узбекского и арабского (после дробного знака) изданий. Цифры, следующие за примерами из КБ, обозначают: римские — главы, арабские — страницы и строки (по изданию В. В. Радлова) и арабские — страницы и строки (по Наманганской рукописи).

Часть I

Глава 1

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В языке памятников XI в. «Қудатғу билиг» и «Дīвāну луғат-ит турк» членами предложения выступают имена, глаголы и наречия. Члены предложения этих памятников — главные и второстепенные — по своей структуре, по формам выражения и семантико-грамматическим особенностям в основном соответствуют членам предложения современных языков. Вместе с тем имеются отдельные особенности, характерные для членов предложения исследуемого периода [1].

П о д л е ж а щ е е выражается именем в форме основного падежа. В большинстве случаев подлежащее в предложении опускается, особенно тогда, когда оно выражено местоимением 1-го или 2-го лица. Подлежащее, выраженное глагольным именем, по своему составу бывает распространенным и нераспространенным.

С к а з у е м о е выражается всеми частями речи; по своему составу оно может быть простым, составным или развернутым. В большинстве случаев сказуемое выражается именем в форме основного падежа без каких-либо грамматических показателей. Единственным показателем предикативности подобных членов является их место в предложении: Сäринлиг кишилäр* сəwўнчи йарын 'Сдержанные люди находят завтра радость' (КБ, XXV, 54/23); Асығлиғ киши ол киши өдрўми, Бағырсақ киши ол будун көдрўми 'Человек, приносящий пользу,— избранник, он — милосердный человек, благороднейший из людей' (КБ, XVII, 174/11).

[1] Мы здесь остановимся лишь на основных особенностях членов предложения, так как более детальный их анализ будет иметь место при рассмотрении отдельных морфолого-синтаксических категорий (падежей, послелогов и функциональных форм глагола) и словосочетаний.

* R. Arat: kişining (стр. 149).

В отдельных случаях для выражения разнообразных грамматических значений (времени, лица, модальных отношений и т. п.) употребляются вспомогательные глаголы (*саны* и др.), глаголы-связки (*бол*, *эр*, *бар*, *турур*) и некоторые модальные слова (*кэрак* и др.), которые совместно с самостоятельным словом образуют составное сказуемое: Буδун қой саны 'Народ подобен овцам...' (КБ, XXVI, 58/1); Бу әр отру заҳид болур 'Этот человек становится отшельником' (КБ, XLII, 200/3); Ажун тутучы әр уқушлуғ кәрәк 'Правитель мира должен быть умным' (КБ, XLVII, 115/10).

Язык исследуемого периода в основном характеризуется употреблением сказуемого, выраженного именем без всяких показателей сказуемости. Если сказуемое подсказывается контекстом, то оно опускается: Бу ҳиммәт * билә ол киши ҳурмәти 'Благодаря этому великодушию, он добьется уважения людей' (КБ, XXXII, 91/15).

Сказуемое может быть выражено глаголом и его функциональными формами (деепричастием, повелительным или условным наклонениями). В языке памятников сказуемое обычно выражается глаголом прошедшего времени. Однородные глагольные сказуемые выражают действия субъекта, следующие одно за другим: Атын минди, әwгä йүз урды туруб. Кәлиб түшти кирди йақа қур бузуб ** 'Он сел на своего коня и направился к своему дому. Приехав, он слез [с коня], вошел, отстегнул воротник и пояс' (КБ, XLI, 190/8).

Деепричастие функционирует в качестве второстепенного сказуемого или сказуемого придаточного предложения.

Сказуемое или один из его элементов может быть общим для обеих частей простого или сложного предложения: Кичигдä ädäб йоқ улуғда билиг 'У молодежи нет благовоспитанности, у взрослых — знаний' (КБ, LXX, 183/2); Тиригликтиläр бәккä өзгä өлүм 'Желает князю жизнь, себе — смерть' (КБ, XXXIX, 169/7).

О п р е д е л е н и е выражается именем существительным, прилагательным, числительным, местоимением, глагольным именем и ставится обычно перед определяемым членом. Однако встречаются случаи инверсии. По своему составу определение может быть простым, составным или развернутым (если оно выражено глагольным именем). По своему содержанию определения делятся на согласованные (см. раздел о тюркской изафетной конструкции) и несогласованные (см. раздел о примыкании). В языке «Қутадғу билиг» определение в большинстве случаев обособляется; однородные определения употребляются чаще, чем неоднородные.

Д о п о л н е н и е может быть прямым или косвенным. Прямое дополнение выражается именем существительным, местоиме-

---

* R. Arat.: hasmet (стр. 259).
** R. Arat: yörüp (стр. 332).

нием или глагольным именем не только в форме винительного, но и в форме других падежей (см. раздел о падежах). Косвенное дополнение выражается теми же частями речи в сочетании с послелогом или именем в форме пространственных или инструментального падежей (см. соответствующие разделы). Дополнение может относиться как к глаголу, так и к имени. В языке памятников именное управление встречается чаще, чем глагольное.

Обстоятельство выражает условие протекания действия или условие пребывания субстанции в каком-либо состоянии. В языке памятников XI в. обнаруживаются все разряды обстоятельств, имеющиеся в современных тюркских языках. Вместе с тем в нем есть и свои особенности, связанные с семантикой, формой и месторасположением отдельных разрядов обстоятельств.

В функции обстоятельства выступают наречия, деепричастия и все именные части речи. Обстоятельство обычно относится к глаголу и его функциональным формам, а также к глагольным именам. По своему составу обстоятельства могут быть простыми, составными или развернутыми. Обстоятельство, выраженное глагольным именем, деепричастием или условной формой глагола, в большинстве случаев бывает развернутым и имеет известную логическую самостоятельность. Такие обстоятельства составляют второстепенный предикативный центр предложения. Место расположения обстоятельства относительно свободное.

Разряд обстоятельств пополняется главным образом за счет имен в форме пространственных или инструментального падежей или имен, управляемых послелогами. Этот процесс связан с абстрагированием конкретного значения имени, а также зависит от изменения грамматической функции падежной формы или послелога.

ПОРЯДОК РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Нормы словорасположения в языке памятников мало чем отличаются от норм словорасположения современного узбекского и других тюркских языков. Инверсия связана с изменением семантических, стилистических и функциональных особенностей членов предложения и своеобразием стихотворных строф (дву- и четверостиший), встречающихся в исследуемых памятниках. Вместе с тем наблюдаются отдельные случаи особого словорасположения в языке памятников, на которых мы и остановимся.

Место подлежащего и сказуемого. Сказуемое обычно стоит в конце предложения. Нарушение этого порядка наблюдается в следующих случаях:

1) в некоторых конструкциях с именным сказуемым: Тили йалган эрниң жафа қылқы ол 'Поступки лживого человека вероломны' (КБ, XXXI, 82/22); Қара қылқы бәккä кэräксиз йағуқ

'Природа народа не должна быть близка князю' (КБ, XXXI, 83/30); Аның йорыкы нәтәк киши билә 'Каково его отношение с людьми' (ДЛТ, III, 23/12); Кичиг душманым тәб усанма узун 'Не будь беспечным, думая, что твой враг слаб (букв.: мал)' (КБ, XLII, 198/3);

2) в отдельных восклицательных предложениях: әсиз аның йигитлиги 'Его юность достойна сожаления' (букв.: скверна)', (ДЛТ, I, 160/127);

3) в отдельных придаточных предложениях, сказуемое которых выражено глагольным именем: Чыкар жан өдиндә йитўрди йолын 'Все-таки они потеряли дорогу, когда унеслась их душа' (КБ, XLVII, 114/12);

4) в предложениях, где подлежащее может повторяться после сказуемого другими синонимичными по своей семантике и функции словами: Нәчә ма уwутлуғ, силиг, қылқы ўз, Бор ичсә отунлуқ қылур барча өз 'Все скромные, чистые, надежные по характеру люди, Если они будут пить, то предадутся распутству' (КБ, XXXIV, 96/32); повторяемое после сказуемого личное местоимение одновременно выполняет роль связки: Биз қылур биз 'Мы совершаем' (КБ, LXIII, 166/7); Қачан барса сән 'Когда ты придешь' (ДЛТ, I, 383/338); Биз ўзсә биз 'Если мы будем противодействовать' (КБ, XLVII, 115/13);

5) когда на первый план выдвигается семантика сказуемого: Барыңлар эккәгў 'Идите вдвоем' (ДЛТ, II, 50/38); Кәк көрди әр 'Человек страдал' (ДЛТ, II, 327/226).

Место определения и определяемого. В современных тюркских языках определение обычно стоит перед определяемым. В языке памятников XI в. этот порядок мог нарушаться. Изменения порядка согласованного определения с его определяемым наблюдаются в тех случаях, когда или оба компонента согласованного определительного словосочетания имеют при себе формальные признаки или формальный признак имеет только определение: Мәниндин җафасы бу дўнйа сәңә 'От меня [идут] к тебе страдания мира сего' (КБ, XXIV, 47/14); ... атың сәниң көчкў ол '... твое имя должно исчезнуть' (КБ, XVII, 174/21); Өзўм мәниң будурсын, Оты аның чақланур 'Я сам как перепелка, Ее огонь сверкает' (ДЛТ, I, 469/423); Tawap кимиң өкўлса 'У кого увеличится богатство...' (ДЛТ, I, 343/302); асығ йоқ аның 'От него нет пользы' (КБ, XXV, 49/20); ... тиләк йоқ мәниң 'У меня нет желания' (КБ, XLVII, 115/22); ... Ҳалы нәгў ол аның 'Каково его состояние'; көңўл сәниң 'твое сердце' (КБ, LXVIII, 178/16); Асғы қаны әдгу қылқым 'Где польза от моего доброго характера' (КБ, LXXI, 388/7).

Если неоформленными (аффиксами) являются оба компонента определительного словосочетания, на первый план выдвигается семантика определяемого имени. В этом случае оно располагается перед определением:... асығ йоқ өгунч 'нет пользы от раскаяния ...'

(КБ, XXVI, 56/3); Көҗүтчи өлүм кәлгү ахыр күн ол 'Путеводительница-смерть придет в последний день' (КБ, LXVIV, 174/21); Өзи қуйы оғрағы 'Сам он в (букв.: внутри) долине' (ДЛТ, III, 73/48).

В отдельных случаях сказуемое может разделять определяемое и определение: Мәниң йоқ сағынчым 'У меня нет заботы' (КБ, XXV, 51/3).

В следующих случаях наблюдается изменение порядка расположения несогласованного определения и определяемого (определение следует за определяемым):

1) если определение по своей семантике относится не только к определяемому, но и к сказуемому: Иш әдгү кәрәк 'Хорошее дело необходимо' (КБ, XXI, 38/1); Аманат йүдүрди бойунқа улуғ 'Большие обязанности [залог] возложил он на него' (КБ, XXVIII, 66/34); Байат кимгә қылса инайат улуғ 'Кому бог окажет великую милость' (КБ, XXVIII, 69/14); Қылынч әдгү әрдәм кәрәк миң түмән 'Нужны добрые дела и тысячи достоинств и умений' (КБ, XXX, 76/9); неоформленное согласованное определение, выраженное местоимением *қамуғ* или *барча*, в основном следует за определяемым: Қамлар қамуғ арwашды 'Все колдуны заклинали' (ДЛТ, I, 239/201); Әтим барча әмришти 'Все мое тело чесалось' (ДЛТ, I, 239/201); Йоқ әрсә бу ғафлат кишигә қамуғ...'Если бы у человека совсем отсутствовала эта нерадивость...' (КБ, LX, 149/10); Қадаш көңли барча сәңә қабғурар 'Сердца всех родных опечалены тобой' (КБ, XLII, 193/9);

2) если логический акцент перенесен на определяемое: Тәгди оқы өлдүрүр 'В него попала смертоносная стрела' (ДЛТ, I, 476/429); Қылынч әдгү әркә йәгү кәдгүси 'Добрые дела человеку необходимы, [так же, как] еда и одежда' (КБ, XXX, 76/10); Бу өдтә киши йоқ сәңә түш тәңиң 'В это время нет тебе равного' (КБ, XLI, 185/4) Йалаwач тәтиг ыд 'Посылай проницательного посла' (КБ, XLI, 190/4);

3) если определяемое и определение выражают единое понятие или если определение выступает в качестве приложения: Билиглиг уқушлуғ кәрәк бәк тәтиг 'Знающий, умный, проницательный князь необходим' (КБ, XXX, 75/29); Идишчи арығ 'Опрятный винодел' (КБ, XXXVIII, 166/3).

В современном языке нарушения порядка расположения примыкающего определения и определяемого не наблюдается. Нарушение порядка приводит к изменению синтаксической роли членов предложения: определение становится сказуемым.

Определение, выраженное причастием, может следовать за определяемым словом: Нәгү тәр әшитгил қары көклämиш 'Слушая, что говорит поседевший старец' (КБ, XXVI, 60/11).

В современном узбекском языке не наблюдается инверсии определения, выраженного причастием, а также не встречаются случаи инверсии определения, когда между определяемым и опре-

делением имеются вводное слово, обращение или другие члены предложения [2]: Тўзўлмäс қайу ол кишигä йawуз 'Где же зло, которое не причинило бы вреда человеку' (КБ, XXVIII, 65/11).

Несогласованное определение, выраженное причастием, в современном языке обычно располагается непосредственно перед определяемым. В языке памятников наблюдается нарушение контактного расположения компонентов определительного словосочетания, а также явление инверсии определений, выраженных прилагательными или причастиями. Крайне редко встречается инверсия определений, выраженных другими частями речи: Тўшўндä нэчä болғай арқыш кўни 'Сколько дней пробудет караван на постоялом дворе' (КБ, XXVI, 58/31); Арығлығ көр эргä нэңи өксўмäс '[Видишь ли] имущество чистого человека не уменьшается' (КБ, XXXI, 83/5); Нэгў тэр эшитгил қарышған көр эр 'Слушай, что говорит борец' (КБ, XXXI, 88/27); Эсирган* кöнўл өг эсиздä эсиз 'Отвернись-ка ты, опьяненный злодей, от зла!' (КБ, LXVIII, 178/33]; Муңар мэңзäр эмды бу байтығ оқы 'Прочти теперь подходящее к этому стихотворение' (КБ, XXVII, 66/22).

Наблюдается инверсия приложения, выраженного глагольным именем на *-гўчи*: Киши билмäгўчи ол киши эмгäги, Киши тэб атамағу 'Человека, который не знает человеческих страданий, нельзя назвать человеком' (КБ, XXXIX, 171/1).

Дополнение как правило располагается перед сказуемым. Изменение этого порядка наблюдается в тех случаях, когда логический акцент необходимо перенести на сказуемое. Тогда дополнение (обычно прямое) следует за сказуемым: Ол атты нэңни 'Он стрелял во что-то' (ДЛТ, I, 181/149); Ол аδырды нэңни 'Он выбирал вещи' (ДЛТ, I, 187/155]; Ол аңар сайратты сөзўг 'Он заставил его много говорить' (ДЛТ, II, 412/287); Атамқа бэрдим йармақ 'Я дал деньги отцу' (ДЛТ, III, 229/159). Но на этой же странице: Анамқа tawар бэрдим 'Я дал товар своей матери'.

Инверсия дополнения в языке «Қутадғу билиг» наблюдается также и в заголовках: Элиг панди Одғурмышқа 'Совет Элика Одгурмышу' (КБ, XLI, 186/8); Өгдўлмиш жавабы Одғурмыша 'Ответ Окдулмиша Одгурмишу' (КБ, XLI, 191/15).

Место обстоятельства в предложении в памятниках в основном то же, что в современном узбекском языке: обстоятельство предшествует сказуемому. Однако имеются и некоторые особенности: обстоятельство времени нередко располагается между несогласованным определением и определяемым; между обстоятельством меры или степени и сказуемым может употребляться дополнение, например: Мўңäр мэңзäр эмди бу байтығ оқы 'Читай-ка этот

[2] С другой стороны, всякая инверсия определения в современном узбекском языке приводит к его обособлению, что не обязательно для языка исследуемого периода.

* R. Arat: isiz kep (стр. 619).

стих, он подходит сюда' (КБ, XXVII, 64/32); Көзи суқ ай артуқ ажун сақнур әр 'О ты, алчный, так много думающий о мире' (КБ, LX, 150/12).

Особенностью языка исследуемого периода является тот факт, что подлежащее или дополнение могли повторяться в одном и том же предложении в различной форме. Это, по всей вероятности, связано с тем, что слово могло нести различные семантические и грамматические нагрузки: Бу *йәр* ол *мунда* киши йығылған ол 'На этом месте собирались люди' (ДЛТ, III, 62/41); Бу дунйа *нәңигә аңар* болма қул 'Не будь рабом богатств этого мира' (КБ, 58/25)[x]; *Уқуш* ол *аны* йаңлуқ өгränмäди 'Человек не научился уму-разуму' (КБ, 56/13)[x].

Как видно из приведенных примеров, нарушение обычного порядка расположения членов предложения связано главным образом с перенесением логического акцента, что исходит из особенностей языка и стиля памятников. Инверсия была свойственна как разговорному языку (см. примеры из «Дīвāна»), так и письменному литературному (поэтическому) языку (см. примеры из «Қутадғу билиг»). В работе рассмотрены только те случаи перемещения членов предложения, которые наиболее характерны для языка памятников исследуемого периода. Инверсия членов предложения, связанная с требованиями поэтического языка (размера, рифмы, ритма и т. п.), а также с прямой и авторской речью, нами не рассматривается. Эти случаи инверсии мало чем отличаются от случаев инверсии, наблюдаемых в современном языке.

ОБОСОБЛЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В языке памятников обособление членов предложения используется для передачи некоторых семантических отношений и стилистических оттенков. Обособление может быть связано со стихотворным жанром произведения. Стилистическая роль обособления сводится к выделению семантики и конкретизации единичного или развернутого члена предложения, члены предложения при обособлении приобретают смысловую самостоятельность. Обособление членов предложения осуществляется изменением обычного их порядка, введением уточняющих слов, а также благодаря наличию у второстепенного члена зависящих от него слов и другими способами. Обособленные члены предложения обычно содержат в себе оттенок добавочного сообщения. В языке «Қутадғу билиг» широко употребляются о б о с о б л е н н ы е п р и л о ж е н и я. Они расположены постпозиционно по отношению к определяемому имени. Самыми употребительными являются обособленные приложения, указывающие на лицо. Такие обособленные приложения выражаются именами существительными или глагольными именами развернутого состава: Нәгӱ тәр әшитгил

табуғ қылмыш әр, Табуғ била арзу тилак булмыш әр 'Послушай, что говорит заслуженный человек, Человек, достигший своих желаний благодаря службе' (КБ, XXI, 38/12); Бири алп атым, қурч йўрäклиг әран, Қылыч бирлä әлгä тусулур тўмäн 'Одни — [это] отважные, стрелки, смелые (букв.: со стальным сердцем) люди, Которые полезны тысячи раз государству со своим мечом' (КБ, LXIII, 168/ 15); Көрў алса йат баз кәлигли кишиг 'Пусть он принимает чужих людей, которые пришли [сюда]' (КБ, XXXIII, 94/2); Нәгў тәр әшитгил ай қылқы амул, Байат қулларыңа бағырсақ көңўл 'Слушай же, о чем говорит со спокойным характером [человек], милосердный [в своих чувствах] к рабам божьим' (КБ, XVIII, 178/39); Нәгў тәр әшитгил боғуз тыδқучы, Өзи боғзунга әрк болуп тоδқучы 'Слушай, что говорит человек, который умерен в еде (букв.: сдерживает свое горло), Сыт тем, что он хозяин своих желаний (букв.: своего горла)'.

Обособленные приложения могут употребляться в середине предложения; в некоторых случаях расположение их непосредственно за определяемым словом является необязательным (что указывает на их относительную логическую самостоятельность): Бу боδ сын йорығлы қара баш қалын 'Таких людей, странствующих, очень много' (КБ, XXVII, 64/1); Нәчä әδгў қопты бу билгä бөгў 'Как много ушло [от сего мира] хороших людей, доблестных и мудрых' (КБ, LXIX, 181/16); Байат қулларында эң оδрўндўси, Йалаwачлар әрди киши әδгўси 'Избраннейшими среди рабов божьих были посланники, наилучшие из всех' (КБ, XXXIV, 95/14).

Редко встречаются обособленные приложения, относящиеся к личным местоимениям: Илäл тәб туруб чықты Өгдўлмишä, Ол әδгў қылынч бирлä өгдўлмишä * 'Поднялся Огдюлмиш, восхваленный за свои добрые поступки и вышел, попрощавшись' (КБ, XLI, 190/7); Муну мән атасы өлўр ман 'Вот я, его отец, умираю' (КБ, XXVI, 60/6).

О п р е д е л е н и е, расположенное после своего определяемого, о б о с о б л я е т с я, если оно осложняется относящимися к нему словами или если оно выступает в предложении как однородный член при наличии других определений.

Характерной особенностью языка памятников является возможность употребления между обособленным определением и определяемым словом других членов предложения, что указывает на семантическую самостоятельность определения по сравнению с современным языком: Бу ишкä әр кәрäк кәδ силиг 'Для такого дела нужен человек совершенный и чистый' (КБ, XXXVII, 159/13); Алтун тамар арығ 'Течет золото чистое' (ДЛТ, I, 358/314); Аңар ишчи бәрўр йарақлығ бўтўн 'Тому он дает в работники человека, пригодного и совершенного' (КБ, XXVIII, 68/8); Қамуғ әрдä

* R. Arat: igdilmişe (стр. 332).

өдрӱм йалаwач кэрӓк, Билиглиг, уқушлуғ талу өбгӱрӓк * 'Посол должен быть [человеком] очень ловким, избранным, многознающим, понятливым, отличным' (КБ, XXXIV, 95/13); Ҳава нӓфс билӓ көр йағы ол улуғ 'Страсть и желания, видишь ли, большой враг' (КБ, XLII, 194/10); Қапуғдағы эр ат кичиг ма улуғ... 'Люди, находящиеся во дворце, незначительные и влиятельные,...' (КБ, 69а/7).

В функции обособленного определения в большинстве случаев употребляются причастия на *-гӱчи//-ғучы,-р//-ӓр,-ур*: Бири бош бири қул ӱмӱнч тугғучы 'Один свободный, другой — раб, питающий надежды' (КБ, XXXIX, 171/2); Нэгӱ тэр эшитгил билиг бэргӱчи, Билиг бирлӓ таат табуғ қылғучы 'Слушай, что говорит [человек], дающий знания, служащий [своими] знаниями [богу]' (КБ, XLI, 186/12); Көңӱл бӱтти рабға қамуғтын сынар 'Чувство доверялось богу во всем' (КБ, XXVIII, 69/1); Бағырсақ бири бир ақы нэң бэрӱр 'Первое — [пусть будет человек] милосерден, второе — щедр, жертвующий имуществом' (КБ, LXVII, 174/12); Бу төртӱнч кэрӓк алчы ҳийла билир 'В четвертых, нужен плут, знающий хитрости' (КБ, XXXI, 87/7).

В современном языке крайне редко встречаются обособленные определения, выраженные причастием на *-р*. Употребление подобных определений в языке того времени в роли обособленных членов, видимо, объясняется относительной логической самостоятельностью этой категории. В некоторых случаях обнаруживаем обособленное одиночное определение, выраженное причастием на *-кӱчи*, находящееся в дистантном положении по отношению к определяемому: Йана айды Элиг: бу дӱнйа ичи, Йыланы чаβаны тэлим тэккӱчи 'Снова сказал Элик: в этом мире есть много змей и скорпионов, которые жалят' (КБ, XIX, 180/35).

Обособленные определения, выраженные прилагательными, стоящими непосредственно за определяемым, употребляются шире, чем в современном языке: Анасы тэwлӱг йуwқа йапар, Оғлы тэтиг қоша қапар 'Его мать, хитрая, печет тонкие лепешки, [А] ее сын, лукавый, ест парами' (ДЛТ, III, 40/25); Өдлӓк арығ кэwрӓди 'Тощий мир (букв.: времена, судьба) ослабел' (ДЛТ, III, 48/31); Кэчдиң йазы кэрик, Қырлар эдиз бᵓдӱк 'Ты прошел широкие степи, высокие и большие холмы' (ДЛТ, I, 119/86); Эй Элиг қач ишгӓ эр өдрӱм тилӓ 'О Элик, для [таких] разных дел требуй избранных людей' (КБ, XXXVIII, 166/13); Қаны қалмады бир киши тэнрилиг 'Как так получилось, [что, ведь] не осталось ни одного, боящегося бога' (КБ, LXX, 183/8).

Широкое употребление обособленных определений объясняется тем, что выражаемые ими качественные понятия воспринимаются как неотъемлемые, постоянные признаки предмета.

---

* R. Arat: ked yürek (стр. 273).

В языке памятников встречаются обособленные обстоятельства, имеющие следующие разновидности:

1) обособленные обстоятельства, выраженные деепричастием: Кими ичрä олдуруб, Илä сywын кэчтимиз, уйгур таба башланыш, Мыңлақ элин ачтымыз 'Сев на лодки, мы переплыли через [реку] Ила, направившись в сторону уйгуров, мы покорили страну Минглак' (ДЛТ, III, 253/178);

2) обособленные обстоятельства, выраженные наречием: Тӱшӱб кирди эрсä сақынчын төгӱк 'Когда он, полон печали, затем вошел в дом...' (КБ, LXVII, 177/6);

3) обособленные обстоятельства, выраженные именем с послелогом: Эшитмäк кэδ ол сөзлämäктä көрӱ 'Лучше слушать, чем говорить' (КБ, XXIX, 73/23).

В языке памятников употребляются дополнения, обособленные посредством вспомогательного слова *mägär*. Обособленные дополнения подобной конструкции имеют значения ограничения, исключения: Сөзӱң сөзлämägил mägär өз тэңиң 'Говори только то, что тебе приличествует' (КБ, XXV, 55/1); Муну башқа элтмäс mägär кэδ киши 'Здесь нельзя никого использовать (букв.: вести, увести), кроме выдающегося человека' (КБ, XXXII, 92/15); Эwä ишлämä иш mägär дин иши 'Не спеши в своих делах, за исключением веры' (КБ, LX, 147/28).

Обособляются члены предложения, поясняющие значение другого (обычно предыдущего) члена предложения; пояснительный и поясняемый члены предложения выполняют одинаковую синтаксическую функцию.

Обособленные пояснительные дополнения: Қадашыңны ыδтым бу Өгдӱлмишиг 'Я послал [к тебе] этого твоего родственника, Огдюлмиша' (КБ, XLI, 185/7); Айур: сөзлäдиң сэн, өзӱң билмишиг 'Он говорит [ему]: ты сказал все, что ты знаешь' (КБ, LXI, 159/26]; Уйгур дақы татлақа, Оғры йawуз ытлақа, қушлар кэби учтымыз 'Мы полетели [напали] как [хищные] птицы против уйгуров и татов [т. е.] — против воров и собак' (ДЛТ, I, 446—447/401].

В языке памятников употребляются одиночные обособленные пояснительные дополнения, относящиеся к личным местоимениям или собственным именам: Йолуғ қылсу тэңри сэнä мэн қулуғ 'Пусть бог принесет меня, раба, тебе в жертву' (КБ, XXVII, 62/13).

Обособленные пояснительные определения: Азы, ики миң эр өкӱш тэлим 'Небольшое (например), двухтысячное войско [он называет] многочисленным' (КБ, XXXI, 87/14).

Как видно из примеров, обособленные пояснительные члены не только уточняют значение предыдущего члена предложения, но и выражают модальное значение.

Пояснительный член может быть выражен повторением поясняемого слова, которое как правило при себе имеет определение:

Қабуғ ачты дүнйа тақы бир қабуғ, Өлўм қапғы ачлур кирўр халқ қамуғ ‘Богатство [мир] открыло свои ворота, [но] другие ворота, ворота смерти, [также] откроются, [и] весь народ войдет [в них]’ (КБ, XLIII, 100/32).

КОНСТРУКЦИИ И СЛОВА, ГРАММАТИЧЕСКИ НЕ СВЯЗАННЫЕ С ЧЛЕНАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Вводное предложение выражает отношение говорящего к высказанной мысли в целом или к отдельным ее частям. Вводное предложение по структуре может быть самостоятельным или придаточным (сказуемое последнего обычно выражается условной формой глагола): Тиригликкä тутма, сөз айдым ача ‘Не привязывайся к жизни, я говорил откровенно тебе’ (КБ, XLIII, 102/35); Бағырсақны билсä бағырға орун ‘Если хочешь знать, место милосердного в сердце’ (КБ, XXX, 75/5); Тўгäл сөзлädим сөз мәңä бўтсä сөн ‘Я все сказал, поверь мне’ (КБ, XXV, 55/16).

В роли вводных слов выступают различные слова: *көр* (*көриң*), *бəлгўлўг*, *бил* (*билин*); самое распространенное из них — *көр* ‘видишь’, ‘видишь ли’ и *билин* ‘знай’, которые употребляются с целью подчеркнуть, привлечь внимание к содержанию предложения или отдельных его частей: Бу сөз тутмаса көр башын бəрди өз* ‘[Кто] не сдерживает это слово, смотри, тот поплатится головой (букв.: теряет голову)’ (КБ, XXXI, 97/22); Кишилик аты, көр, ики нəң турур ‘Видишь ли, то, что называется человечностью, состоит из двух вещей’ (КБ, LXVII, 174/12); Өрўңгä қара тəрк йуқар ол, көрўң ‘Смотрите, к светлому черное быстро липнет’ (КБ, XLIX, 122/3); Қалы қарны ачса, билин**, йəр ағу ‘Если он голоден, знай, он съест и яд’ (КБ, XXIV, 48/12); Эwäклик, билин, ол қамуғқа йawуз ‘Знайте, торопливость — враг всему’ (КБ, 77б/4).

Вводное слово *көр* обычно расположено в середине или в конце предложения; если оно относится к определенному члену предложения, то располагается непосредственно за ним. Наличие подобных конструкций объясняется семантической и функциональной самостоятельностью вспомогательного глагола. Вводное слово *көр* может иметь форму условного наклонения: Уқушлуғ сөзи көрсä инжў тəзи ‘Если посмотреть, слова разумного человека подобны перлам, нанизанным друг на друга’ (КБ, XXX, 77/14); Уwутсуз йўзи көрсä этсиз сўңўк, уwутсуз өзи көрсä бўтмäс өрўк ‘Если

* R. Arat: öz isin buzdi öz (стр. 281).
** R. Arat: bilip (стр. 130).

посмотреть в лицо бесстыдного человека [то это] — кости без мяса; Если посмотреть его самого — это незрелая слива' (КБ, XXX, 79/6).

Бәлгүлүг 'известно', 'конечно' в роли вводного слова указывает на степень обычности излагаемых фактов или на отношения между частями высказывания: Әлиг айды уқтум муны бәлгүлүг 'Элик сказал, я слышал это, конечно' (КБ, XXXIII, 25/8); Түгәл бай болайын тәсä, бәлгүлүг, Көңүл байлығы қул ай әрсиг күлүг 'Если ты на самом деле хочешь стать вполне богатым, то стремись к богатству мысли (букв.: сердца), о благородный, знаменитый' (КБ, XXXIV, 95/34).

Кәл, *йуры*, *бар* в роли вводных слов означают призыв к совершению действия, выраженного сказуемым: Сәниңмä йолуң бу, кәл, әдгү қылын 'Это и твой путь [жизни], давай-ка, делай добро' (КБ, LXVII, 176/3); Әсизлиг тилäсä, бар, әсиз қылын 'Если ты хочешь зла, иди-же, делай зло' (КБ, LXVIII, 179/2); Йуры эй уқушсуз уқуш ал ўлўш 'Иди же, о неразумный, возьми себе в долю разум [учись уму-разуму]' (КБ, 71б/8).

Сәзиксиз 'бесспорно', 'несомненно' в роли вводного слова выражает уверенность: ...йықылды, сәзиксиз, бу бәклиг улы 'Тогда, бесспорно, разрушатся основы господства' (КБ, XXXI, 85/20).

Адын, *ашну* (*әң ашну*), *бири* (*бир*), *ўчўнчи* и другие в роли вводных слов указывают на отношения между частями высказывания: Адын ма бу бәш нәң йырақ тутғу бәк 'С другой стороны, князь должен дальше держаться от пяти этих вещей' (КБ, XXXI, 83/11); Әң ашну йағықа кәрäк хийлä ал 'В первую очередь, против врага нужны хитрость и коварство' (КБ, XXXI, 88/4); Сәниң анда табғуң намаз ол бири, Тақы бири роза тутарсан уры 'Твоя служба там — это, во-первых, ежедневные молитвы, и еще одно [во-вторых] — ты должен соблюдать посты' (КБ, XLI, 186/17); ўчўнчи йўрäклиг кәрäк көкси кўр 'Видишь-ли, в третьих, он должен быть бесстрашным (букв.: иметь бесстрашное сердце)' (КБ, XXXV, 87/6); Бу төртўнч йawуз бәккä арғуқ қылынч, Бәшинчи йарағсиз бу йалған әринч 'В-четвертых, то, что вредит князю (букв.: худшее для князя),— интриги, в-пятых, [то, что] недостойно [князя] — это ложь' (КБ, XXXI, 83/13).

Хақиқат 'правда' указывает на степень достоверности сообщения: Ҳақиқат табынды бағырсақлығын 'Правда, он служил от всего сердца' (КБ, XXI, 43/19).

Әсизим 'мое сожаление', 'жаль' выражает сожаление автора: Әсизим бу йаңлығ кишилäр өлўр 'Жаль, [что] такие люди умирают' (КБ, 696/14).

Из приведенных примеров видно, что лишь очень незначительное количество специальных вводных слов употребляется в языке памятников. В подавляющем большинстве случаев функции вводных слов выполняют самые различные знаменательные части речи.

О б р а щ е н и е может быть названием лица (собственные имена, названия лиц по родству, нации, профессии, должности и т. п.): Айдым әмди ал Отар ‘Возьми теперь, Отар,— сказал я’ (ДЛТ, I, 349/307); Уйғур, йығач узун кәс, тәмир қысқа кәс ‘Эй, уйгур, режь палку подлиннее, железо — покороче’ (ДЛТ, II, 19/11).

Обращения широко употребляются в языке «Қутадғу билиг»; они обычно имеют при себе междометия и определения сложного состава: Муны айдым әмди ай әлиг киши ‘Вот теперь я рассказал, о повелитель’ (КБ, XXXVII, 163/3); Ай ниъмät иδиси өлўм мыхнатың, Ай мыхнат иδиси өлўм ниъмätиң ‘О ты, благословенный дарами (букв.: владелец блага), смерть — это несчастье для тебя, О ты, живущий в несчастье (букв.: владелец мучений), смерть для тебя — благодеяние’ (КБ, XIX, 180/32).

Место обращения в предложении сравнительно свободное.

В языке памятников встречаются м е ж д о м е т и я, выражающие: эмоции — *айи*, *айа* (КБ, XLIII, 101/27); *awa* (ДЛТ, I, 116/83); ответ, утверждение — *йаχ* (ДЛТ, III, 128/83); *ува* (ДЛТ, I, 75/43); *илäл* (ДЛТ, I, 107/74); *йәмӱ* (ДЛТ, III, 32/19); призыв — *қы* (ДЛТ, III, 230/159); ач (ДЛТ, I, 71/38).

Глава 2

СПОСОБЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ И РЕЧЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ

ПРИМЫКАНИЕ

Одним из основных способов связи слов в тюркских языках было и остается примыкание, т. е. соединение слов без всяких грамматических средств. Средствами связи таких конструкций являются интонация и порядок слов.

В языке памятников XI в. примыкание как грамматический вид связи употребляется шире, чем в современном языке.

Следующие части речи соединяются между собой способом примыкания.

1. Имя прилагательное с именем существительным.

Качественное прилагательное + имя существительное: көк жӱвӱт 'темноголубой цвет', 'синяя краска', ал жӱвӱт 'алый цвет', 'алая краска', қызыл жӱвӱт 'красный цвет', 'красная краска' (ДЛТ, III, 177/122); tawрақ ышчы 'быстрый, проворный работник' (ДЛТ, I, 435/390). Прилагательные в функции определения могут сливаться со своим определяемым и выражать единое лексико-семантическое целое: сарыҕ cyw 'желчь (букв.: желтая вода)' (ДЛТ, I, 355/312), қара қарақ 'зрачок' (ДЛТ, I, 363/319); көк чәтӱк 'кот' (ДЛТ, I, 369/325).

Для языка рассматриваемого периода характерно более свободное размещение качественного прилагательного по отношению к имени существительному. В следующем примере между качественным прилагательным в функции определения и определяемым именем употребляется вводное слово [3]: Төгӱк йӱз эриг сөз кӱwäз *көр* қылық, Кишиг қалқтурур 'Смотри, суровое лицо, высокие слова и гордый характер губят людей' (КБ, XXXI, 83/28).

Относительное прилагательное + имя существительное: йәмишсиз йығач 'бесплодное дерево' (КБ, XXXII, 91/10); йарынлыҕ қатыҕ 'завтрашние трудности' (КБ, XVII, 174/29); тӱнәриг йәр 'темное место [могила]' (ДЛТ, I, 450/404); ики тӱрлӱг киши 'два рода людей' (КБ, XXII, 43/21); таш тон 'верхняя одежда' (ДЛТ, III, 166/112).

2. Имя числительное с именем существительным.

[3] Подробнее об этом см. в разделе: «Порядок расположения членов предложения».

Количественные числительные + имя существительное: бир нәң ‘одна вещь’ (ДЛТ, I, 205/170); он йармақ ‘десять монет’ (ДЛТ, I, 225/188).

Собирательное числительное + имя существительное: әкägӱ ажунда ‘в обоих мирах’ (КБ, XLII, 201/16); Әкälä көзи ‘оба его глаза’ (КБ, XXII, 161/32).

Порядковое числительное + имя существительное: биринч нәң ‘первая вещь’ (ДЛТ, III, 384/276); экинди нәң ‘вторая вещь’ (ДЛТ, I, 158/125).

Имя числительное может сочетаться с нумеративным словом и вместе с ним примыкать к имени существительному: бир йӱк буғдай ‘вьюк пшеницы’ (ДЛТ, III, 10/3); бир йаршым йәр ‘участок земли’; бир йӱгрӱм йәр ‘расстояние пробега’ (ДЛТ, III, 35/12)×; бир оруш от ‘[участок, засеянный] травой, которую можно скосить за один прием’ (ДЛТ, I, 71)×; бир бөлӱк қой ‘стадо овец’ (ДЛТ, I, 322) ×.

3. Наречие с глаголом.

Непроизводные наречия + глагол или глагол + наречие: бақа көрди кәч ‘он долго смотрел’; йарытмады ҳәч ‘она совсем не осветила’ (КБ, LXVII, 177/23); ала кәл ‘приходи не спеша//тихо’ (ДЛТ, I, 118/85); тәк кәлдим ‘я пришел просто так’ (ДЛТ, I, 321/280); бат кәл ‘приходи быстро’ (ДЛТ, I, 310/268); қош көрунур ‘[Кто боится], ему [одно] кажется двойным’ (ДЛТ, III, 139/91).

Производные наречия на *-ча//-чä* и- *лайу//-лəйӱ* + глагол: төрӱчä йорыса ‘если он поступает соответственно обычаям’ (КБ, LV, 131/13); солча кәлсä ‘если [дела] идут слева [т. е. неудачно]...’ (КБ, XXVI, 57/13); Киши аржунлайу қоры ‘Как шакалы, люди собрались’ (ДЛТ, I, 148/144); Бəдӱк тутса ҳиммät көр арсланлайу ‘Пусть, как лев, высоко держит (свое) рвение’ (КБ, XXXI, 86/27).

«Окостеневшие» формы наречия + глагол: астын ‘вниз’, ӱстӱн ‘вверх’, алтын ‘вниз’ (ДЛТ, I, 133/99); кəбин‘потом’ (КБ, XLV, 107/10); йоқару турды ‘человек встал’ (ДЛТ, II, 13/6); әр тоңра тӱшти ‘человек упал навзничь’ (ДЛТ, III, 388/279); тəгрä турып ‘встав вокруг’ (ДЛТ, III, 388/279); чынла боғар‘в самом деле его задушит’ (ДЛТ, I, 113/80); әкилä соймас ‘дважды не сдирают [кожу]’ (ДЛТ, III, 262/185); ышығ йәнилä қылды ‘дело сделал заново’ (ДЛТ, III, 391/282).

4. Деепричастия, имена существительные, прилагательные и числительные в роли обстоятельств + глагол: барсун нару‘пусть идет прочь’ (ДЛТ, II, 224/152); отру кәлӱр‘идет навстречу’ (ДЛТ, III, 46/30); кəлди бару ‘пришел сюда’ (КБ, XLIV, 105/30); Билиг сөзлäйӱ билсä асғы булур ‘Если умеют говорить со знанием, то от этого находят пользу’ (КБ, XXII, 44/4); йалаwач барур әр ‘Тот, кто идет в качестве посла’ (КБ, IXXXIV, 96/19); Ағырлық булайын тəсä сән узун* ‘Если хочешь надолго найти почет’ (КБ,

* R. Arat: özün (стр. 430).

XLIX, 123/7); Бойун сувын қызыл сағды ‘Шея покрылась красным [кровью]’ (ДЛТ, III, 240/335); оттуз ичәлим ‘выпьем по три’ (ДЛТ, I, 159/126).

4. Причастие с местоимением или именем существительным: Awынчу сәwӱгләр билә awнур өз ‘Дух утешается друзьями’ (КБ, XXVI, 58/15); Әлиг айды: уқтум әшитмиш муны ‘Элик сказал: я понял услышанное’ (КБ, XXXIV, 96/9]; қайнар өкӱз ‘бурная река’ (ДЛТ, I, 371/327).

5. Местоимение с именем или глаголом: бу он нәң ‘эти десять вещей’ (КБ, XXXII, 92/11); Қач ишгә ‘для разных дел’ (КБ, XXXVII, 166/13); нәчә ақса ‘как поднимаются’ (КБ, LXVI, 172/24).

6. Деепричастие с глаголом: Өз асғы тилӓмӓс бағырсақ болуб ‘К своей собственной выгоде он не стремится, будучи милосердным’ (КБ, XXXIII, 94/26).

7. Имя существительное с именем существительным в тех случаях, когда имя существительное выражает качество другого предмета (адъективация имен) или же выполняет функцию приложения: а) кәпӓк йинҗӱ ‘мелкая [как отруби] жемчужина’ (ДЛТ, I, 371/327); барчын йаδым ‘парчовый ковер’ (ДЛТ, I, 141/107); алтун бақан ‘золотое кольцо, пряжка’ (ДЛТ, I, 379/334); кӱмӱш кӱрси ‘серебряный трон’ (КБ, 41,1)[x]; оқ йылан ‘змея-стрела’ (ДЛТ, I, 73/40); кәлин қыз ‘девушка-невеста’ (КБ, 90б/3); б) отачы ҳӓким ‘лечащий врач’ (КБ, LV, 131/27); әй давлат әбиси киши ‘о, счастливый человек’ (КБ, LXVII, 175/4); буδун башчы бәккӓ бу ҳиммат кәрӓк ‘Повелителю народа, князю, необходимо великодушие’ (КБ, 81б/12).

8. Звукоподражательные слова с глаголом: заб-заб барғыл ‘иди скорее’ (ДЛТ, I, 309/268); ол әрӱг чап-чап йәди ‘он ел персики, звонко чавкая’ (ДЛТ, I, 308/267); буқ түшди ‘он шлепнулся на землю’ (ДЛТ, III, 143/94).

9. Имя существительное в форме основного падежа может примыкать к глаголу, выполняя функцию обстоятельства: Күлӓр йӱз исиг сөз ӱлӓ нәң tawap ‘Распределяй свое добро с улыбающимся лицом и с теплыми словами’ (КБ, 91б/1); Аны ма ачуқлуғ айу мәнгӓ ‘Об этом откровенно скажи мне’ (там же, 83б/4).

УПРАВЛЕНИЕ

ИМЕНА И ИМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Падежная конструкция

В языке памятников XI в. встречаются следующие формы падежей: основной, родительный, винительный, дательно-направительный, местный, исходный, инструментальный [4]. В качестве управляющего слова выступают имена, глаголы и послелоги.

[4] См.: К. Каримов. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг».

В функции основного падежа выступают безаффиксальные формы имен и местоимений. Имя в основном падеже может быть оформлено аффиксами принадлежности, множественного числа, а также сочетаться с послелогами. Слово в форме основного падежа может выступать в функции подлежащего, сказуемого или обращения, а в сочетании с послелогами — функционировать в роли дополнения или обстоятельств. Безаффиксальная форма других падежей по своим функциям и грамматическому значению отличается от основного падежа. Поэтому безаффиксальную форму имени не следует относить к основному падежу без учета ее функции и значения [5].

В языке памятников имена в форме основного падежа употребляются в сочетании с вспомогательными глаголами и модальными словами, образуя составное сказуемое и выражая объектные или релятивные отношения:

1) с вспомогательным глаголом *көр-*: Айа тӱш йөрӱгли тӱшӱг инҗу* көр ‘О ты, отгадчик снов, считай сон принесенным тебе подарком’ (КБ, LII, 125/21); Усуқмыша сақыр қамуғ сyw көрӱнӱр ‘Жаждущему всякий мираж кажется водой’ (ДЛТ, I, 199/166);

б) с вспомогательными глаголами *бил-*, *тут-*, *ал-*: Асыҕсыз оғулны йағы бил ‘Бесполезного сына считай врагом’ (КБ, XXXIX, 172/3); Абуртасы әδгӱ киши тут арық ‘В качестве кормилицы возьми хорошего чистого человека’ (КБ, LIII, 128/30); Мән аны оқа алдым ‘Я его взял на поруки’ (ДЛТ, I, 75/43);

3) с вспомогательным глаголом *тә-*: Сәни сиз тәсәлär аны сиз тәгил ‘Если говорят тебе «Вы», то и ты говори «Вы»’ (КБ, XLIV, 123/36);

4) с вспомогательным глаголом *ата-*: Билигсиз кишиг билгä йылқы атар ‘Незнающего мудрец называет животным’ (КБ, XXII, 44/5);

5) с вспомогательным глаголом *йала-*: Олар бир әкиндигä оғры йалашды ‘Они друг друга обозвали ворами’ (ДЛТ, III, 83—84/54); Ол аңар оғры йалады ‘Он его назвал вором’ (ДЛТ, III, 98/63);

6) с модальным словом *кәрäк*: Улуг Ҳаҗыбыг ай нәтäк әр

Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962; А. М. Щ е р б а к. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 76—92; Э. В. С е в о р т я н. К истории падежной системы в тюркских языках. «Уч. зап. ВИИЯЗ, № 6, М., 1948; О н ж е. Категория падежа. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956, стр. 45—46. Ср.: C. B r o c k e l m a n n. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leyden, Brill, 1954, § 243—247; J. S c h i n k e w i t s c h. Rabγusis Syntax. «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Friedrich-Wilhelm-Universität zu Berlin». Berlin, 1917; и др.

[5] Ср.: А. М. Щ е р б а к. Указ. соч., стр. 77—78; C. B r o c k e l m a n n. Указ. соч., стр. 349—351.

* R. Arat: yincke (стр. 440).

кэрäк ‘Говори о великом Хаджибе, какой человек нужен [для этого]?’ (КБ, XXX, 90/15);

7) с вспомогательным глаголом *саны-* и *сақын-*: Қардуны йинжӱ сақынмаң ‘Льдинку не принимайте за жемчужину’ (ДЛТ, I, 396/351); Йылқы саны ‘Считай его скотом’ (КБ, XXXIX, 171/1); Буδун қой саны ол бəги қойчысы ‘Народ подобен овце, а его князь [подобен] пастуху’ (КБ, XXVI, 58/1).

Отдельные вспомогательные глаголы (например, *саны*), могли управлять именем не только в форме основного, но и в форме дательно-направительного и исходного падежей: байға санур ‘считают богатым’ (КБ, XXXIX, 95/28); Ол аны кишидäн санғарды ‘Он его считал человеком’ (ДЛТ, II, 219/148).

Имя в форме основного падежа может функционировать в роли обстоятельств места, времени и образа действия:

1) имя в функции обстоятельства места: Йоқар қопуб сəкрäлим ‘Прыгнем вверх’ (ДЛТ, I, 160/126); Ол икки киши отра аралады ‘Он помирил двоих между собой’ (ДЛТ, I, 300/252); Йуғач кəчтим ‘Я перешел на противоположную сторону долины’ (ДЛТ, III, 16/7); Тəгрä йӱр ‘Ходи вокруг’ (ДЛТ, III, 427/311);

2) имя в функции обстоятельства времени: Бу ыш оғурлуғ болды ‘Это дело сделано во-время’ (ДЛТ, I, 87/54);

3) имя в функции обстоятельства образа действия: Ажун тӱни күндӱзи йəлкин кəчär ‘Дни и ночи мира движутся, как путник’ (ДЛТ, III, 303/214); Сӱси отун орулды ‘Его войско скошено, как трава’ (ДЛТ, III, 203/169); Йалawач барур əр əδи кəδ кэрäк ‘Тот, кто идет в качестве посла, должен быть замечательным [человеком]’ (КБ, XXXIV, 96/19).

Родительный падеж

Аффиксы родительного падежа: *-ныӈ//-ниӈ, -нуӈ//-нӱӈ, -ыӈ/ⁱ/-иӈ, -уӈ//-ӱӈ, -ы//-и.*

В языке памятников XI в. имя в форме родительного падежа употребляется в функции приименного определения и сказуемого.

Имя в форме родительного падежа в функции определения выражает имя обладателя. Что касается определяемого слова, то оно оформляется аффиксом принадлежности и означает предмет обладания. Таким образом, определение в форме родительного падежа и его определяемое составляют определительное словосочетание, которое принято именовать тюркским изафетом [6]. При выражении определяемого глагольным именем или именем действия имя в форме родительного падежа называет производителя действия.

В функции сказуемого в форме родительного падежа выступают главным образом личные, возвратные, относительные и не-

[6] О тюркском изафете см. 2-ю главу настоящей работы.

которые другие местоимения: 1-е лицо — Муны сән айур сән мәниң тәп мәниң ‘Это, скажешь ты, мое, мое’ (КБ, LX, 146/35); 2-е лицо — Бу ат сәниңму? ‘Этот конь твой?’; Бу оғул сәниңму? ‘Этот сын твой?’ (ДЛТ, III 232—233/161); 3-е лицо — Аның болды дүнйа ‘Тому принадлежит мир’ (КБ, XXX, 76/7).

Другие разряды местоимений сравнительно редко выступают в роли сказуемого: Кимиң болса давлät ‘Чьим бы ни было богатство’ (КБ, XXXIX, 177/3); ... бу дүнйа нәңи кимиң болса ‘Если кто владеет достоянием сего мира’ (КБ, XLIII, 101/27); Қалмыш tawар аδынның ‘Добро, которое остается [от тебя], принадлежит другому’ (ДЛТ, III, 241/197). Довольно редко встречаются предложения, в которых местоимения в форме родительного падежа управляются глаголом: Бәрмиш сәниң бил ‘То, что ты даешь [другому], считай своим’ (ДЛТ, III, 241/167).

В современном узбекском языке показатель родительного падежа при сказуемом трансформировался в *-ники*, но в некоторых диалектах сохраняется особая его форма *-ниңки* (*пашшаниңки*) [7].

В памятниках наблюдаются случаи, когда родительный падеж употребляется в значении и функции других падежей:

1) в роли винительного падежа: Көнилиг билä ол аның булғусы ‘Они добиваются его [богатства] своей справедливостью’ (КБ, XXVIII, 67/22);

2) в роли дательно-направительного падежа: Мунуң бәрсä болғай йалawач аты ‘Он может дать ему звание посла’ (КБ, XXXIV, 97/7).

Характерно употребление местоимения в форме родительного падежа в функции обстоятельства: Тирилди бир анча йүриди буниң ‘Таким образом он жил некоторое время [в этом мире]’ (КБ, XXXIX, 178/7).

Винительный падеж

Винительный падеж имеет следующие аффиксы: *-ны//-ни*, *-н*; *-ы//-и*; *-у*; *-ығ//-иг*, *-уг//-үг*, *-г//-ғ*.

Имя или местоимение в форме винительного падежа функционирует в роли прямого дополнения и выражает объект, на который непосредственно переходит действие.

Имя в форме винительного падежа управляется переходным глаголом [8], который выражает:

---

[7] См.: К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора. «Ўзбек диалектологиясидан материаллар», 1. Тошкент, 1957, стр. 49. Употребление родительного падежа в роли сказуемого сохраняется в старо-узбекском литературном языке вплоть до конца XIX в.:... гўшти... сизнинг ва устухони менинг бўлғай деб ... (Фуркат. Танланган асарлар, II. Тошкент, 1949, стр. 132).

[8] См.: Э. В. Севортян. Об историческом положении категории переходности и непереходности. — ВЯ, 1958, № 2.

1) физическое воздействие на объект: Ол чыгрыны чәwўрди 'Он крутил чигир [колесо с черпалками для воды]' (ДЛТ, II, 86/68); Сўрди мәниң қойымы 'Он увел моих овец' (ДЛТ, II, 95—96/73); Әр болунуқ йулды 'Муж освободил пленного' (ДЛТ, III, 71/47); Кими йәргә чалса 'Кого они бросают на землю' (КБ, XLIX, 120/15);

2) психологическое воздействие на объект: Олар бир әкиндини әблашди 'Они друг друга поносили' (ДЛТ, I, 242/203); Ата ананың cawларыны қадырма 'Не отвергай слов матери и отца' (ДЛТ, I, 465/419); Нәгў қылғуңы айайын 'Расскажу-ка я, что ты должен делать' (КБ, XXV, 53/7);

3) психическое и умственное восприятие: Әр ишин туйды 'Человек понял [сущность] своего дела' (ДЛТ, III, 262/185]; Кими йақын туттум әрсә 'Кого я считал близким' (КБ, XXII, 389/14).

Слово, управляющее винительным падежом, может быть выражено не только глагольными формами (verbum finitum, причастием и деепричастием), но и местоимением: Көрклўг тонуғ өзўңә, татлығ ашығ аблынқа 'Твоя красивая одежда пусть будет для тебя, а твое вкусное блюдо — для других' (ДЛТ, I, 80/47).

Для языка памятников этого периода характерна безаффиксальная форма винительного падежа, которая употребляется в следующих случаях.

1. Если семантика и функция слова в роли винительного падежа совершенно определенна и конкретна; в этом случае безаффиксальная форма винительного падежа может иметь при себе определение или аффиксы принадлежности или выражать название географической местности:

а) Мунуң шўкри сәнқыл 'Благодарность за это возьми на себя' (КБ, XXIII, 54/20); Мәним йәним әмриди 'Он почесал мое тело' (ДЛТ, I, 273/231); Аның қаршағы көр 'Смотри, как широк его чапан' (ДЛТ, I, 431/387); Ол йанчуқ ағзы бўрди 'Он отвернул верх торбы' (ДЛТ, II, 12/16); Ол экки әр кикчўрди 'Он натравил двух людей друг на друга' (ДЛТ, II, 228/155); Бу битиг тут 'Возьми это письмо' (КБ, XXVI, 60/17); Бу бәкләр иши билди бәклиг киши 'Это дело князей знает человек власти' (КБ, XXX, 74/22);

б) Тәлим йўриб кўчи кәwдим 'Долгим преследованием я обессилил его' (ДЛТ, I, 179/146); Қайу қул қамуғтын әвўрса йўзи 'Если какой-либо раб отвернулся от всех' (КБ, LXVIII, 178/24);

в) Қара йалға кәчмә 'Не проходи через Черный Яр' (ДЛТ, III, 40/25).

2. Если конкретное значение имени известно из контекста. Многие безаффиксальные формы таких имен находятся в дистантном положении по отношению к управляемому глаголу: Өзўң абгў атлыг қылайын* тәсә 'Если хочешь создать себе доброе имя (КБ, XLIX, 120/30); Ол қағун әwгә ўлätти 'Он принес домой

* R. Arat: bolayin (стр. 422).

дыни' (ДЛТ, I, 220/184); Әр этмәк сиркәгә манды 'Он обмакнул хлеб в уксус' (ДЛТ, II, 38/25]; Ағырла киши сән 'Почитай людей ты' (КБ, XLIX, 123/7).

В современном узбекском языке во всех вышеуказанных случаях винительный падеж бывает только оформленным.

3. Во многих случаях имя в форме винительного падежа вступает в неразрывную связь с управляющим глаголом и, выражая с ним одно общее понятие, образует сложное слово. Поэтому такие имена не оформляются аффиксом винительного падежа: Ол кубаз уруглады 'Он очистил семена хлопка' (ДЛТ, I, 296/255); Ол тәри әрүклади 'Он дубил кожу' (ДЛТ, I, 177/145); Қылыч саплатты 'Он насадил рукоятку на саблю' (ДЛТ, II, 397/277).

Имя в винительном падеже также бывает неоформленным, когда оно управляется вспомогательными глаголами (подобные словосочетания являются основой для образования составных глаголов):

ал- — Ол киси алды 'Он женился (букв.: взял жену)' (ДЛТ, I, 318/276);

қыл- — Ол қул бош қылды 'Он освободил раба' (ДЛТ, I, 318/277);

бәр- — Бу ат маңа сүңүт бәрди 'Этого коня он мне дал в качестве дара' (ДЛТ, III, 374/268);

ур- — Өзгә әмгәк урур 'Причиняет/причинит самому себе страдания' (КБ, 170, 10)[x]; Йүз урды 'Он обратил лицо к...' (КБ, 27,6)[x]; Қылыч урса 'Пусть ударит саблей' (КБ, 98/20)[x];

йе- — өлум йә 'вкуси смерть' (КБ, 88,3)[x]; өкүнчлär йә 'испытывай горечь' (КБ, 60, 30)[x];

тә- — Билиг, әрдам, уз тәп* қызартмадың әң 'Ты не печалился' (букв.: заставлял краснеть) о знаниях, умениях и об искусстве' (КБ, LXIII, 164/14); Уқушсуз кишини киши тәмägү 'Неразумного человека нельзя называть человеком' (КБ, XXVIII, 70/21).

Имя, имеющее общую основу с управляющим глаголом, так называемый «внутренний объект», также имеет форму безаффиксального винительного падежа: Ол аңар ыш ышлатты 'Он заставил его работать' (ДЛТ, 1, 264/223) [9]; Өгүш өгди 'Он его долго хвалил' (КБ, 52,14)[x]; Олқулын тәпиг тәпди 'Он сильно пинал своего раба' (ДЛТ, 323, 9)[x].

Другой особенностью употребления винительного падежа было то, что винительным падежом могли управлять переходные и непереходные глаголы [10]. Такие формы имен в винительном падеже выражали своеобразные грамматические значения:

---

* R. Arat: ustep (стр. 573).

[9] Подобные сочетания необходимо отличать от сочетаний типа käsmälärin kästimiz. Ср.: C. Brockelmann. Указ. соч., стр. 346.

[10] К. Брокельман приводит довольно подробный список глаголов, управляющих винительным падежом. См.: C. Brockelmann. Указ. соч., § 243d, l, f, g, h.

1) конечный пункт, куда направлено действие: Әмди аны ким йәтәр 'Теперь кто его догонит' (ДЛТ, I, 200/166); Ол йоқару йәрин сағурды 'Он плевал вверх' (ДЛТ, II, 84/67); Ол мәни йәтти 'Он настиг меня' (ДЛТ, II 363/253); Аны йәтип 'Настигнув его' (ДЛТ, III, 414/299);

2) объект, испытывающий психологическое воздействие: бу ышығ ўнәшдилäр 'Они согласились на это дело' (ДЛТ, I, 199/165); Ол қылмыш ышын ўстäрди 'Он отказался от того дела, которое сделал' (ДЛТ, I, 226/189); Мән аны андғардым 'Я его заставил дать клятву' (ДЛТ, I, 303/261); Ол бу ышығ унады 'Он согласился на это дело' (ДЛТ, III, 273/193); Уδик мәни кўчäйўр 'Любовь одолевает меня' (ДЛТ, III, 275/194); Әсизлигиг анунма 'Не собирайся (букв.: не готовься) делать плохое' (ДЛТ, III, 176/120); Машынма аны 'Не мешай ему' (КБ, XXVI, 60/24);

3) объект, непосредственно воспринимающий действие: Сәни тәксä 'Если встретить тебя' (КБ, XXV, 54/1); Ол аның бойнын тоқутты 'Он заставил бить его по шее' (ДЛТ, II, 356/248); Бир йол бириг сатғады 'Одна дорога соединилась с другой' (ДЛТ, III, 302/214); Түнўңни уδыма 'Не спи ночами' (КБ, XXVI, 59/15);

4) назначение: Тәңриг өгўш өгдимиз 'Мы долго восхваляли бога' (ДЛТ, I, 438/392); Сәни бәрди артуқ аδын он ўлўк 'Он дал тебе в десять раз больше, чем ты' (КБ, XL, 180/5).

Функции всех указанных выше форм винительного падежа в современном языке выполняет детально-направительный падеж. В нижеследующих случаях функции винительного падежа в современном языке выполняют местный, исходный и другие падежи. В языке памятников имена в форме винительного падежа выражали различные обстоятельственные и объективные отношения:

1) место: Урδуланыδ йўксäк тағыр оғлақ чатар 'Живет на вершине горы и скрещивает козлят и ягнят' (ДЛТ, II, 340/237);

2) причину: Йалыңуқ аны таңлашур 'Люди поражаются ему' (ДЛТ, I, 375/331); Йаңшақ тәлим сайраб аны тамғақ қатар 'Если много болтовни, от этого пересыхает горло' (ДЛТ, I, 434/389); Кишилäр бу ышығ таңлашды 'Люди были удивлены этим делом' (ДЛТ, III, 407/295);

3) отношение части к целому: Кичигläрни* башлап айайын бу сөз 'Я хочу начать свою речь с маленьких' (КБ, XLVIII, 116/3).

В современном узбекском языке глаголы возвратного залога не управляют именем в винительном падеже. Но в языке памятников XI в. встречается много примеров, в которых наблюдается управление винительным падежом глаголов возвратного залога. Это, видимо, объясняется тем, что глаголы возвратного залога логически переходные: Ол бу ышығ ағруқланды 'Это дело он считал трудным' (ДЛТ, I, 304/263); Өзўңни йанылма 'Не заблуждайся (букв.: не обманывай самого себя)' (КБ, XXVI, 59/15); Ол бу әwни әwläнди 'Он этот дом считал за жилье' (ДЛТ, I, 258/218).

---

* R. Arat: kiçiglerke (стр. 407).

Хотя винительный падеж употребляется в значении дательно-направительного, местного и исходного падежей, он во всех случаях выражает свое основное грамматическое значение — указывает на объект действия. В языке памятников имеются случаи употребления формы винительного падежа в функции родительного: Тӱн кӱнӱг қаршысы ол ‘Ночь противоположна дню’ (ДЛТ, I, 399/354); бизни таба ‘в нашу сторону’ (ДЛТ, I, 119/86); аны тәк болур ‘бывает как то/тот’ (КБ, LXIX, 171/16); Сөзӱг өггӱси бар йәмә сөккӱси ‘Есть слово, достойное похвалы и [есть слово], достойное осуждения’ (КБ, XXII, 45/7); Оδғурмышығ кәлмәгӱсин ‘о неприходе Откурмыша’ (КБ, XLV, 110/10). Эта замена, по всей вероятности, является не ошибкой переписчика, а скорее всего влиянием разговорного языка. Вероятно, большинство языков тюркоязычных племен, как и современные узбекские диалекты, формально не различали винительный и родительный падежи и в большинстве случаев употребляли форму винительного падежа вместо родительного.

Дательно-направительный падеж

М. Кашгарский указывает, что дательно-направительный падеж [11] имеет следующие варианты аффикса: *-ға //-ға*, *-ӛ //-кә* [12]. Кроме них, в языке памятников встречаются другие формы направительного падежа: *-а//-ä* (көзӱмä — ДЛТ, I, 189/157; атама — ДЛТ, I, 261/221), *-ғару//-ғärӱ* (тәнригäрӱ — ДЛТ, III, 268/190; йайғару — ДЛТ, III, 294/207), *-ра//-ру* (башра — ДЛТ, II, 116/84, йоқару — ДЛТ, II, 84/67). Указательные местоимения *о*, *ол*, *бу* в дательно-направительном падеже имели форму *аңар*, *муңар*.

Дательно-направительным падежом управляют глаголы как переходные, так и непереходные, а в некоторых случаях — имена. Встречаются неполные предложения, сказуемые которых могут выражаться формой дательно-направительного падежа: а) Элиг элги барча буδунқа узун ‘Рука Элика имеет силу над всем народом’ (КБ, LIX, 143/4); б) Сөгӱт сӱлиңа қаδын қасыңа ‘Ива [крепка] своей влажностью, береза [крепка] своей твердостью’ (ДЛТ, III, 148/98).

Дательно-направительный падеж выражает следующие грамматические значения:

1) объект, куда направлено действие [13]: ташра чықыб ‘выйдя наружу’ (ДЛТ, I, 400/355); башра қақышды ‘били по голове’ (ДЛТ, II, 116/184); Йӱзгä көрмä ‘не смотри в лицо’ (ДЛТ, III, 156/105); Умунч тәнригä тут ‘Надейся на бога’ (ДЛТ, I, 152/119);

---

[11] См.: О. В. Захарова. Дательно-направительный падеж в языке «Кутадгу билик». — «Уч. зап. филол. фак-та Киргизского ун-та», вып. 3, 1957.

[12] ДЛТ, III, 299/300/158, 159.

[13] ДЛТ, III, 229/158—159.

Қыш йайғару cawланур ‘Зима говорит весне’ (ДЛТ, III, 294/207); киришкä көру ‘в соответствии с входом’ (КБ, XXV, 55/1); Кəлди мəңä тат ‘Пришел ко мне чужеземец, тат’ (ДЛТ, I, 72/39);

2) место совершения действия: Тоны башыңа сармалды ‘Халат завернулся ему на голову’ (ДЛТ, II, 271/184); Алды оғлын қойынға ‘Он взял своего сына на руки’ (КБ, XXV, 60/20); Қайуқа бу ақса ‘Куда она потечет...’ (КБ, XXXV, 97/29);

3) причину, основание того, о чем сообщается сказуемым: Ол мəни тумлығқа ўшўтти ‘Он заставил меня трястись от холода’ (ДЛТ, I, 218/182); Йигитлäр ышқа қынышды ‘Молодцы с охотой взялись за дело’ (ДЛТ, II, 127/190); Йай көркиңä ынанма ‘Не верь красоте весны’ (ДЛТ, III, 176/121);

4) принадлежность или соотнесенность: управляющее слово в таких конструкциях выражается именем существительным, прилагательным и только в редких случаях — глаголом: Саранқа сөкўш ‘Алчному — проклятия’ (КБ, XXXIX, 175/5); Озўң бəккä сəн ‘Ты принадлежишь князю’ (КБ, XLVIII, 119/25); Көзи соқ байуп ‘Если жадный станет богатым’ (КБ, LX, 153/4); Аңар йиграği ол тириг турмаса ‘Для него было бы лучше, если бы он совсем не жил’ (КБ, LII, 127/33); Көңўл кимгä бўтсä ‘Если сердце кому благосклонно...’ (КБ, LXI, 159/34); Ол мəни аңар салтурды ‘Он предоставил меня в его распоряжение’ (ДЛТ, II, 217/147);

5) осуществление действия в пользу кого-либо или чего-либо: Cyw ичирмäсгä сўт бəр ‘Дай молоко тому, кто не дает воды’ (ДЛТ, III, 142/94); Ол маңа əбгў сағынды ‘Он сделал для меня добро’ (ДЛТ, II, 178/121); Ол өзиңä тарығ экинди ‘Он посеял для себя просо’ (ДЛТ, I, 211/176); Ол аңар əбар көклäшди ‘Он помог ему крепко привязать седло’ (ДЛТ, II, 261/177); Йасы йоқ маңа ‘Мне нет от него вреда’ (КБ, XLI, 189); Аңар өксўмäз нəң ‘Для него добро не уменьшится’ (КБ, XXXVI, 158/5);

6) цель: Этмäккä тəлим киши ўшди ‘За хлебом собралось много народа’ (ДЛТ, I, 179/146); ... тəңригäрў тапғын өтäр ‘... читает молитву, обращенную к богу’ (ДЛТ, III, 268/190); Муңабтурмағыл сəн йəгў кəбгўгä ‘Не позволяй ему заботиться о пище и одежде’ (КБ, XXV, 52/22); Байат тапғынғару илинмиш өзўм ‘(Все время) я занят молитвой богу’ (КБ, 135); Ол мəңа йəр кəзишди ‘Он спорил со мной о [пешем] обходе [всей] земли’ (ДЛТ, II, 109/81);

7) средство: Ол отқа ысынды ‘Он грелся у огня (ДЛТ, I, 210/175); Кўнўңни кəчўрдиң тилäк арзуқа ‘Дни свои ты промотал в желаниях и страсти’ (КБ, XXIV, 57/21); Исиккä эрир тəрк соғуққа тоңар ‘В жаре оно расплавляется, в холоде — замерзает’ (КБ, XLII, 197/13);

8) эквивалент, замену: Атқа оғур алдым ‘Я взял [возмещение] за коня’ (ДЛТ, I, 87/54);

9) время: Сақынч кəчсä ахыр тўбингä* сəwинч ‘Если испыты-

---

* R. Arat: tüpinde (стр. 172).

ваешь [сейчас] печаль, то за ней следует радость› (КБ, XXVII, 62/7); Бəδўсä кўнингä ‹Чтобы с каждым днем он поднимался ввысь› (КБ, XXX, 79/14);

10) меру и степень: Қалы ичсä сувны төгäдў тўгäл ‹Если же воду выпивают до дна ...› (КБ, LXVI, 173/4).

Характерной особенностью в употреблении дательно-направительного падежа было то, что этот падеж часто выполнял функции местно-временного падежа. Это явление отмечает также М. Кашгарский [14]. В подобных случаях дательно-направительный падеж выражал место совершения действия или признака: Табуғқа көрўнгўнчä ‹Пока он появится на службе...› (КБ, XXXIII, 94/17); Тəлим болса эргä адаш қолдашы ‹Если у человека много друзей и помощников› (КБ, XLII, 198/12); Масалга кəлир ‹В пословице говорится...› (КБ, XLIII, 100/15); Сəвинч болса кимгä ‹Если у кого-либо радость...› (КБ, XLIX, 122/22).

Интересно отметить, что одно и то же слово, оформленное аффиксами дательно-направительного и местно-временного падежа, могло выполнять в предложении идентичные функции и быть носителем одного и того же грамматического значения [15]: Оғлан сувда чөмди ‹Мальчик нырнул в воду› (ДЛТ, III, 34/19); Өрдäк сувқа чөмди ‹Утка нырнула в воду› (Там же).

Дательно-направительный падеж мог выполнять функцию исходного падежа. В этих случаях он выражал цель, причину, средство осуществления действия, состояния или признака: Бəк йағықа пусды ‹Князь спрятался от врага в укрытие› (ДЛТ, II, 18/10); Қары өкўз балдуқа қорқмас ‹Старый вол не боится топора› (ДЛТ, III, 427/311); Ол аны ашқа тыδты ‹Он удержал его от [чрезмерного] употребления пищи› (ДЛТ, III, 444/324); Өзи қорқар эрсä байатқа қалы ‹Если он боится бога› (КБ, XXXVI, 154/10); Сў кəлди йəр йапа, Қачты аңар Алп-Айа ‹Пришло войско, покрыв всю землю, Алп-Айа убежал от них› (ДЛТ, III, 227/157); Қорқуп аңар əймäну ойнамағыл ‹Бойся его, стыдись и не вступай в любовную связь› (ДЛТ, III, 387/279).

Дательно-направительный падеж мог употребляться и в функции винительного падежа. В этом случае он выражал объект действия: Қайуға* тилäсä, тирилгил қутун ‹Куда бы ты ни желал [поехать], будь счастлив› (КБ, XLII, 100/4); ... бəк аңар оғрады ‹Князь простил его ...› (ДЛТ, I, 272/230); Бой бир-бирга чақрышды ‹Племена вызывали друг друга› (ДЛТ, II, 242/165).

Имеются случаи, когда функция и значение дательно-направительного падежа соответствуют основному падежу (в современном языке в таких случаях употребляется только форма основного падежа). Здесь очень трудно уловить какое-либо грамматическое

[14] ДЛТ, III, 229/158—159.

[15] Замена этих падежей наблюдается также в самаркандско-бухарском диалекте современного узбекского языка.

* R. Arat: kayunda (стр. 352).

значение падежной формы: Уwутқа болуп қорқлуғ алплығ қылур, Өгүнчкä болуп әр өзүн өлдүрүр 'Пристыженный трус способен на подвиги, раскаявшийся человек — на самоубийство' (КБ, XXXI, 86/5).

Переходный глагол понудительного залога мог также управлять дательно-направительным падежом (вместо винительного): Буδунға сәwитсä * 'Он должен сделаться любимцем народа' (КБ, XXXI, 83/22); Әр йағықа тәбрätти 'Человек привел врага в смятение' (ДЛТ, II, 381/265).

Безаффиксальная форма дательно-направительного падежа выражает:

1) объект действия или состояния: Әр tawары күчälди 'Проявлено насилие по отношению к имуществу человека' (ДЛТ, II, 157/108); Өйүкчим осуғлуғ болур билгälär 'Мудрецы уподоблены стране источников' (КБ, XXII, 43—26);

2) принадлежность, соотнесенность: Атасы анасы йарунғу болур 'Будет нравиться матери и отцу' (КБ, XXV, 51/5); Бу дин дäли дүнйа дäли қаршы ол 'Для веры мир безрассуден, безрассудный дворец' (КБ, LX, 150/24);

3) место: Уwут болыб тубу ағды 'Посрамленный, он поднялся на холм' (ДЛТ, I, 301/259); Ол йағуқ улады 'Он приблизился к врагу' (ДЛТ, III, 272/192); Йатғақ бу йатса 'Когда он ложится в постель' (КБ, XXIII, 93/25).

Местно-временной падеж

Местно-временной падеж имеет следующие варианты аффикса: *-дa//-дä, -тa//-тä.* Этот падеж может управляться глаголом, именем существительным, прилагательным, а также послелогами. Форма местно-временного падежа выражает следующие значения:

1) место совершения действия: ...мәндä тынар 'Успокоится во мне' (ДЛТ, II, 237/161); Уларда қой сық ол 'У них овец мало' (ДЛТ, III, 143/195); Сәндä сағ йоқ 'У тебя нет понимания' (ДЛТ, III, 168/115); Сиздä болур йақыг 'У вас найдется лекарство' (ДЛТ, I, 386/341); Ажун тәскинүр әлдä арқыш йүрип 'Путешествуя по странам, караван обходит [весь] мир' (КБ, LX, 152/16);

2) время осуществления действия; слово в форме местно-временного падежа является именем, лексическое значение которого связано с понятием времени; управляющее слово обычно выражается глаголом: Бу сөз сөңиндä айғыл 'Это слово скажи потом' (ДЛТ, III, 369/265); Билиг билсä күндä 'Если с каждым днем [он] овладевает знаниями...' (КБ, XXVIII, 70/3); Қайусы сақ әрсä йағыда обуг 'Кто осторожен и бдителен в войне' (КБ, XXXI, 88/6); Өлирдä улып йәргä чалмыш башы 'Человек при смерти вопит и бьет головой о землю' (КБ, LXVIII, 176/17);

3) проявление действия или признака в чем-либо; в таких слу-

* K. Arat: sewülse (стр. 224)

чаях управляющее слово выражается именем существительным: Ыш йарағында сарт асығында ‘Дело в свое время, а купец [думает] о своей пользе’ (ДЛТ, II, 20/10); Тәгмä ишиндä хатар ‘В каждом деле есть опасность’ (КБ, XXXI, 86/2); Тақы бир саран ол кишидä или ‘Еще одно: алчный — самый низкий из людей’ (КБ, XXVII, 65/16); Кишидä талусы будунда башы ‘Самые выдающиеся среди людей — ум (букв.: голова) народа’ (КБ, XXXII, 91/12);

4) соотнесенность: Қулқа ачты қабуғ ‘[Служба] открывает рабу ворота’ (КБ, XLII, 195/5);

5) выделение, ограничение или сравнение предметов; в этом случае управляющее слово выражается местоимением или наречием *таш*, *артық*: ... көзиндä аδын башы йоқ ‘Нет у нее, кроме как в глазу, другой болячки’ (ДЛТ, III, 165/112); Əкидä қайу əрки ... ‘какой же из них’ (КБ, XVII, 176/19); Йуғурқанда артық аδақ көсүлсä ўшийўр ‘Если протягивать ноги дальше одеяла, [то они] замерзнут’ (ДЛТ, II, 158/109); Ким əwлўг алайын тəсä төрттä таш, Аδын алмас əwлиг айа əрдä баш ‘Кто хочет жениться, пусть [тот] не берет больше четырех жен, о ты, глава мужчин!’ (КБ, LIII, 128/7);

6) причинные отношения: Əр өпкäсиндä урулды ‘Человек от злости распух’ (ДЛТ, I, 203/169); Көнилигтä булды бу байлар ўлўк ‘Богатые получают свою долю благодаря справедливости’ (КБ, XXV, 54/23); Ол мəниң бирлä бир алтунда ағышды ‘Он спорил со мной, чтобы поднять [цену] на один золотой’ (ДЛТ, I, 194/161);

7) средство, при помощи которого осуществляется действие: Тилиндä чықарма бу йалған сөзўг ‘Не позволяй лжи сходить с твоего языка’ (КБ, XXV, 55/2); Тылда чиқар əδгў сөз ‘Говори языком доброе слово’ (ДЛТ, III, 176/120); Мəңа кишидä алтун салды ‘Он прислал мне через одного человека золото’ (ДЛТ, II, 32/21);

8) объект действия: Ол аны бу ышта қызғурды ‘Он удержал его [от совершения] этого дела’ (ДЛТ, II, 225/153); Əр атта улуғсады ‘Человек захотел большого коня’ (ДЛТ, I, 296/254);

9) объект отделения, удаления: Қаны ким ашунды өδиндä кəчип ‘Где тот, кто прожил сверх своего времени ’ (КБ, XXVI, 57/5); Уwутсуз кишидä йырақ тур йырақ ‘Будь далек от бесстыдного человека’ (КБ, XXX, 79/5).

Как видно из примеров, форма местно-временного падежа во многих случаях употребляется в функции и значении исходного падежа. Кроме того, местно-временной падеж может выполнять функции дательно-направительного падежа. В этой функции форма местно-временного падежа выражает место или пункт, куда направлено действие: Əлигиндäги нəңни йəрдä урды ‘Он опустил на землю то, что было у него на руках’ (ДЛТ, I, 177/145); Ол йəрдä нəң көмтўрди ‘Он приказал зарыть в землю вещи’ (ДЛТ, II,

228/155); Суw боғазда тўглўнди ‘Вода застряла в горле’ (ДЛТ, II, 284/193).

В языке памятников встречается безаффиксальная форма местно-временного падежа, которая выражает главным образом место или время совершения действия или проявления состояния. В данной форме как правило выступают имена существительные, выражающие пространственные или временные понятия. В силу этих причин, вероятно, отпадает необходимость лишний раз подчеркивать эти значения специальной формой падежа [16]: Өчўңни алур сән қара йәр қатын ‘Свою месть ты удовлетворишь (букв.: возьмешь) под черной землей’ (КБ, XLIII, 101/19); Табуғ қобса, дўнйа тилäсä туруғ* ‘Если [люди] не служили богу и стремились остаться на свете’ (КБ, XLIII, 104/21); Адыз қум тўнäй ‘Да, я буду проводить ночи в высоких песках’ (КБ, LXXII, 389/8); Йатур гөрлäри** ‘Лежать в могиле’ (КБ, XXVI, 57/26).

Грамматические значения местно-временного падежа отчасти зависят от характера управляющего слова, что видно из следующей таблицы:

Управляющее слово	Грамматическое значение
1. Послелог	Время
2. Глагол	Место и время
3. Имя прилагательное	Сравнение

Примеры: 1) Өлўмдä кәбин... ‘после смерти...’ (КБ, LXVIII, 78/36); 2) Йәрдä қоба аδрышур ‘Поднимаясь с земли, разъединяются’ (ДЛТ, I, 237/199); Аны бәлиндä тут ‘схвати его за талию’ (ДЛТ, III, 146/97); 3) Бу от анда йик ‘эта трава лучше той’ (ДЛТ, III, 157/106); ... Әлиг мәндä йигрäк билўр ‘Элик знает лучше меня’ (КБ, XXX, 74/23); Қамуғда йарағсыз ‘Хуже всего’ (КБ, XXXI, 82/18); Тылы болса йумшақ шäкäрдä сўчиг ‘Его язык должен быть мягок и слаще сахара’ (КБ, XXXII, 91/30); Кишидä йawузы өзўң бил өзўң ‘Считай себя худшим среди людей’ (КБ, XLIV, 105/12).

Исходный падеж

Исходный падеж в языке памятников XI в. только начал выделяться как самостоятельное грамматическое явление. В функции исходного падежа в большинстве случаев выступает форма

[16] Ср. с современным языком: Чархим гув-гув этади, овози *Қўқон* етади (фольклор).

* R. Arat: tamuġ (стр. 368).

** R. Arat: yatur kör güri (стр. 158).

местного падежа. В Каирском списке «Қутадғу билиг» форма исходного падежа обозначена танвин фатхой, которая присоединяется к форме местного падежа на *-да//-дә*, *-та//-тә*. В Венском списке этот падеж имеет аффикс *-дын//-дин*, *-тын//-тин*, *-дун//-дӱн*; в Наманганском списке функции исходного падежа выполняет форма местного падежа [17].

В языке «Дӣвӑну луғӑт-ит турк» исходный падеж представлен в следующих вариантах: *-дан//-дӓн*, *-тан//-тӓн*, *-дын//-дин*, *-тын//-тин*, *-та//-тӓ*, *-да//-дӓ*. Формы исходного падежа с узким и широким гласным, видимо, были отражением особенностей различных диалектов тюркоязычных племен Средней Азии. В литературном же языке преобладало употребление формы исходного падежа с узким гласным [18]. Исходным падежом управляют в основном глаголы и имена. Имя в форме исходного падежа выступает в роли дополнения, обстоятельства и в отдельных случаях функционирует в роли сказуемого.

Форма исходного падежа выражает следующие значения:

1) предмет или лицо, от которых исходит действие; в таких случаях управляющее слово выражается именем: Киминдин эшитгӱ кэрӓк ‘От кого следует услышать’ (КБ, XXII, 44/34); Нэчӓ болмаса халққа мэндин асыг ‘Если от меня нет пользы народу...’ (КБ, XLII, 195); Сэниндин бу кун элгӓ асғы өгӱш ‘От тебя много пользы народу и государству’ (КБ, LXIII, 162/32);

2) исходный пункт действия; в этом случае управляющее слово выражается глаголом: Қамуғ булғануқтын сӱзӱлмиш киши ‘Человек, который очистился от всего грязного’ (КБ, XLIII, 103/25); ... сэниндин барайын өзӱм ‘Уйду я от тебя’ (КБ, XLV, 109/38); Сэндӓн қачар ‘Убежит от тебя’ (ДЛТ, III, 193/134);

3) место совершения действия: Балық сувда, көзи таштын ‘Рыба в воде, а ее глаза [смотрят] наружу’ (ДЛТ, I, 360/316);

4) причина или средство осуществления действия; в таких случаях управляющее слово в основном выражается глаголом: а) Мэн бу сөздӓн сыртыг булдум ‘Я понял (букв.: нашел) смысл этого слова’ (ДЛТ, I, 431/386); Тумлығдын қысташды ‘Он съежился [или: задрожал] от холода’ (ДЛТ, II, 258/175); Тон кирдӓн тоғралды ‘Халат рассыпался [разорвался] от грязи’ (ДЛТ, II, 267/181); Йағыдын тиригликтатығсыз болур ‘Из-за врагов жизнь становится несладкой [несносной]’ (КБ, XLIII, 197/15); б) Қамуғ әдгӱлӱгкӓ мунундын кэчиг ‘Ко всему хорошему можно прийти благодаря этому’ (КБ, XXIX, 71/4); Ол қойдан курут суғды ‘Он изготовил курут из овечьего молока’ (ДЛТ, II, 22/14); Тӱнлӱктӓн чықар ‘Выходит из дымохода’ (ДЛТ, II, 25/16); Ол

---

[17] См.: К. Каримов. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962.

[18] В языке А. Навои исходный падеж имеет аффикс только с узкими гласными.

өзиндин сөз йаратты ‘Он сам придумал слова’ (ДЛТ, II, 365/251); Ол мәниң бирлә арслaндан әртишти ‘Он спорил со мной о том, кто сможет пройти мимо льва’ (ДЛТ, I, 234/197);

5) объект, являющийся мерилом для сравнения: Ол әдгүни йawлақтан адырды ‘Он отличал хорошее от плохого’ (ДЛТ, I, 187/155); Ажунда өлүмдин қатықрақ қайу ‘Что в мире суровее смерти?’ (КБ, XXIV, 48/23); Башдын адын йоқ муңы ‘Кроме головы, он не имел другой заботы’ (КБ, XXVII, 69/11);

6) отношение части к целому; в этом случае управляющее слово выражается именами: Мунундын басағы ‘[Еще другое] кроме этого’ (КБ, XIX, 34/34); Уwутсуз киши ол кишидин или ‘Бесстыдный человек—самый низкий из людей’ (КБ, XXX, 78/4); Әкидән бири бол ‘Будь одним из двух’ (КБ, XLI, 186/9).

В некоторых случаях исходный падеж, обозначающий часть целого, управляется вспомогательным глаголом *сан-*: Ол аны кишидән санғарды ‘Он считал его человеком’ (ДЛТ, II, 219/148).

Встречается безаффиксальная форма исходного падежа с теми же грамматическими значениями и функциями, что и оформленный его тип: Тәңри убалмадыб ‘Не стыдясь бога’ (ДЛТ, I, 113/80); Әмлägил әмди тузақ ‘Избавь (букв.: вылечи) теперь [меня] от этой западни’ (ДЛТ, I, 361/317); ... көрмәдыб ажун чықар ‘Покидают мир, [ничего] не увидев’ (ДЛТ, I, 396—397/351); Сәwүк зүлфи болды* йоқару қобы ‘Милые локоны свисали сверху донизу’ (КБ, XLI, 190/10). Некоторые безаффиксальные формы исходного падежа с управляемым глаголом выражают единое понятие (это и есть один из способов образования составных глаголов): Йол азылды ‘Сбились с дороги’ (ДЛТ, I, 204/170); Богаз алыб түгäл боғды ‘Взяв за горло, [он] задушил его’ (ДЛТ, II, 32/20).

О «вставочном» *-н-*

В составе имен существительных в дательно-направительном, местно-временном и исходном падежах встречается так называемое «вставочное» *-н-*, которое располагается перед аффиксами падежей. Для языка памятников характерно нерегулярное употребление *-н-* (например, форма исходного падежа в большинстве случаев употребляется без него). В староузбекском языке *-н-* употребляется во всех случаях [19]. Употребление *-н-* в языке «Дйвäну луғäтит турк», памятника народного разговорного языка, указывает на то, что *-н-* употребляется не для «благозвучия» (как это недавно полагали, да и сейчас еще полагают некоторые ученые), а является остатком определенной грамматической категории.

---

* R. Arat: toldı (стр. 333).

[19] «Вставочное» *-н-* наблюдается и в диалектах современного узбекского языка, например в каракульском: *йəннында, ойиннəн.*

К числу особенностей языка исследуемого периода относится широкое употребление инструментального падежа. Этот падеж имеет вариантные формы *-н*, *-ын//-ин*, *-ун*[20]. Другая, более архаичная форма этого аффикса — *-ла//-лä* —встречается крайне редко: одно и то же слово в одном случае принимает аффикс - *ла*, а в другом случае—более употребительный вариант - *да*, выражающие одно и то же значение: *Тӱнлä* билä көчälим ‘Двинемся ночью’ (ДЛТ, II, 12/5); *Таңда* билä көрсä мәни өрдäк ‘Если на рассвете увидит меня утка...’ (ДЛТ, I, 480/434).

Инструментальный падеж выражает следующие грамматические значения:

1) средство, основание: Тағыг уқруқын әгмäс, тәңизни қайғықын букмäс ‘Горы не согнуть арканом, море не закрыть лодкой’ (ДЛТ, I, 126/92); Тилин тӱгмишни тышын йаƀмас ‘То, что завязано языком, не развязать зубами’ (ДЛТ, II, 28/18); Алын арслан тутар, кӱчӱн көснӱг тутмас ‘Хитростью можно поймать льва, но силой без хитрости не поймать даже [огородного] пугала’ (ДЛТ, II, 334/232);... өкӱндӱ тилин ‘Раскаивались в своих речах’ (КБ, XLIX, 124/22); Кӱз кәлиги йайын бәлгӱлӱг ‘Какая будет осень, видно по весне’ (ДЛТ, III, 175/120);

2) время осуществления действия: Ол қар қамуғ қышын инäр ‘Весь снег падает зимой’ (ДЛТ, II, 237/161); Йазын қатығланса қышын сәwнӱр ‘Если потрудиться летом, то будет радостно зимою’ (ДЛТ, III, 174/119), Өгӱнч бирлä әмгäр йарынғы кӱнӱн ‘В раскаянии он будет мучиться на следующий же день’ (КБ, XXI, 37/15);

3) образ действия; в подобных случаях имя в форме инструментального падежа приближается к наречию: Саңа тәгмäди бу сақынч йалңузун ‘Не одного тебя постигла такая печаль (букв.: мысль, задумчивость)’ (КБ, XXVII, 62/8); Әсäнин тирил ‘Живи в здравии’ (КБ, LV, 131/22); Tawарсызын қалыб ‘Оставшись без товара’ (ДЛТ, I, 343/302); Мәниң ышым әбгӱлӱгӱн этилгäн ол ‘Моя работа всегда выполнена добротно’ (ДЛТ, I, 173/139); Саранлықын йыглайу алтун йығар ‘Плача от скупости, копит золото’ (ДЛТ, I, 462/416);

4) сравнение, уподобление: Толун айын йӱзи ‘Ее лицо подобно полнолунию’ (ДЛТ, III, 40/25); Сӱси отун орулды ‘Его войско было скошено, как трава’ (ДЛТ, I, 203/169);

5) совместность: Танут бәкин йағылады ‘Он враждовал с Тангутским князем’ (ДЛТ, III, 338/240);

6) принадлежность, предназначение: Йарынлығ оруп әбгӱ қолса өзӱн ‘Если на завтра ты хочешь добра для себя...’ (КБ, XXXIV, 48/33);

---

[20] О фонетических особенностях этого падежа см.: К. Каримов. Указ. соч., стр. 19—20.

7) место: йалңуқ арасын ‘среди народа’ (ДЛТ, 65, 18) [x];
8) причину; указательное местоимение в форме инструментального падежа *анын* указывает на причину того, о чем сообщается сказуемым: Буδун анын ӱркӱшӱр ‘Народ от этого пугается’ (ДЛТ, I, 170/137); Отлаб анын этлänӱр ‘Пасутся и от этого становятся жирными’ (ДЛТ, I, 282/239); Кӱчи анын кəwилсӱн ‘Пусть от этого его сила убавится’ (ДЛТ, II, 20/12).

Инструментальным падежом управляет главным образом глагол, но имеются случаи, когда этим падежом управляет имя существительное или прилагательное: Кӱз кəлиги йайын бəлгӱлӱг ‘Какая будет осень, видно по весне’ (ДЛТ, III, 175/120).

В некоторых случаях слово в инструментальном падеже функционирует в роли сказуемого: Қуш қанатын, əр атын ‘Птица [сильна] своими крыльями, а мужчина своим конем’ (ДЛТ, I, 70/37).

Сфера употребления инструментального падежа с течением времени сужается (например, в языке А. Навои мы встретили лишь два-три примера), функции его переходят к послелогу *билəн//билä//лä*. Некоторые слова, употребляемые в современном узбекском языке в форме инструментального падежа (*қишин-ёзин*, *эртан-кечин*), окончательно перешли в разряд наречий.

В языке памятников XI в. форма инструментального падежа была омоформой с формой винительного падежа имен с аффиксом принадлежности 3-го лица: Нəчä миң йашаса *тилäгин* тамам, Тӱгäл өк булулмас *тилäгин* тамам [21] ‘Люди тысячелетия живут своими желаниями, но никогда не могут до конца осуществить их’ (КБ, LX, 154/16). Для различения этих омоформ использовалась замена формы инструментального падежа послелогом *билä*: Бу эки билä болды йалңуқ улуғ, Бу экин оңғарур көнилик йолуғ ‘Через две эти [вещи] человек стал великим, через них он улучшит путь к справедливости’ (КБ, XXVIII, 171/5); Өң элкин... өң элки билəн ‘Правой рукой’ (КБ, 80а/2). Если в одном предложении имеются два члена предложения, выражающие значение инструментального падежа, один из них по стилистическим соображениям принимает форму инструментального падежа, другой — сочетается с послелогом *билä*: Ол аның билä элигин имлäшди ‘Они (букв.: он с ним) рукою подавали друг другу знак’ (ДЛТ, I, 244/205).

Двойная падежная форма

В языке «Қутадғу билиг» наблюдается двойная падежная форма: перед формами пространственных падежей употребляется аффикс родительного падежа: *сəн-иң-дин*. Эти формы встречаются в основном при местоимениях: сəниндин ‘от тебя’ (КБ, XLVII, 115/2); Арыды анындын ‘Очищены от того/него’ (КБ, LX, 151/31);

---

[21] Ср.: R. R. A r a t. Kutadgu Bilig. I Metin. Istanbul, 1947, стр. 539.

Аныңдын йырады ‘Он удалился от него’ (КБ, LX, 153/27); Тәлим тўрлўг отлар аныңда болур ‘У него имеется много всякого рода целебных трав’ (КБ, XXXVIII, 164/2); Қамуг сөз сөниңдә ‘Все слова [идут] от тебя’ (КБ, XLI, 190/5).

Послелоговая конструкция

По сравнению с современным языком послелоги в языке памятников по своим функциям и семантике стояли ближе к именам. Послелоги управляют именами (существительными, местоимениями и глагольными именами) в определенных падежах. Послелоги и управляемые имена не образуют словосочетаний, так как связь между ними слаба. Однако в отличие от современного языка послелог со своим управляемым словом все-таки стоит ближе к словосочетаниям (например, к сочетаниям служебных имен и наречий). В роли служебных имен они становятся средством связи двух самостоятельных слов, сохраняя при этом способность управлять именем.

Послелоги и слова в роли послелогов по своим функциям подразделяются на две группы: служебные наречия и собственно послелоги [22].

I. С л у ж е б н ы е н а р е ч и я могут выступать в функции наречий и наречий-послелогов. По этимологическому составу они бывают именными (*ичрä*, *оңун*, *ўзä*, *нару*, *таш*, *утру*, *қат*, *сыңар*, *ал*, *ўстўн*, *қоды*, *бәрў*, *ичрä*, *бурун*, *кәдин*) или глагольными (*ашну*, *баса*, *билä*, *оза*, *адын*, *таба*, *тәгў*, *тәгрä*, *тўзä*, *уду*, *көрў*). Служебные наречия выражают объектно-пространственные, объектно-временные и пространственно-временные отношения.

1. *Бирлä//била...* [23] ‘с’, ‘вместе’ —употребляется в функции наречия и в функции служебного слова (в современном языке *билä/биläн* употребляется только в роли послелога). Эта форма служебного имени в функции наречия указывает на совместность осуществления действия или состояния: Эки бәк бирлä әл болды ‘Два князя помирились между собой’ (ДЛТ, I, 83/50); Олар бир экинди бирлä уқыштылар ‘Они друг друга приглашали’ (ДЛТ, I, 195/162); Әки нәң бирлä илишди ‘Два предмета зацепились друг за друга’ (ДЛТ, I, 197/164); Әкки адғыр бирлä ысрышты ‘Два жеребца кусали друг друга’ (ДЛТ, I, 237/199); Ол әкки бирлä татлашды ‘Между собой эти двое говорили по-персидски’

---

[22] См.: А. М. Щ е р б а к. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М. — Л., 1961, стр. 182. Об этимологии и этимологической классификации послелогов, см.: С. B r o c k e l m a n n. Osttürkische Grammatik der islamische Litteratursprachen Mittelasiens. Leyden, Brill, 1954, § 138—142.

[23] По свидетельству М. Кашгарского, в языке XI в. употребляются обе формы. См. ДЛТ, I, 405/360.

(ДЛТ, II, 240/164); Йағыз йәр йашыл суw йарашты билә ‘Темная земля и голубая вода подошли друг к другу’ (КБ, XLI, 186/1).

Бирлә//билә в роли служебного слова управляет именем существительным или местоимением. Управляемое слово имеет форму следующих падежей:

1) форму основного падежа (для имен); в этом случае выражается:

а) совместность осуществления действия или состояния: Қыз анасы бирлә йип әгришти ‘Девушка совместно с матерью пряла (букв.: пряла нить)’ (ДЛТ, I, 239/201); Қыз бирлә күрәшмә, Қысрақ бирлә йарышма ‘С девушкой не борись, на кобыле не состязайся в беге’ (ДЛТ, I, 239/394); Барышғу кәрәк қаб қадашлар билә, Қатылғу кәрәк әш адашлар билә ‘Надо со всеми родственниками жить в ладу, Надо объединиться с товарищами и приятелями’ (КБ, XLI, 185/14); Әрат бирлә артуқ йараш ай түзүн ‘Будь очень близок с командами, о справедливый’ (КБ, XLIX, 120/6);

б) средство для осуществления действия или проявления состояния: Билигсиз бәдүк болса дәвлат билә, Билиглиг бәдүкрәк кү жаw билә ‘Если незнающий стоит высоко благодаря богатству, то знающий — еще выше благодаря чистому имени’ (КБ, XXVII, 66/25); Күмүш бирлә алтун әрат тәрсә кәд ‘Если с помощью серебра и золота он собирает/соберет много команд, [это] хорошо’ (КБ, XXXIII, 93/24);

в) способ осуществления действия или проявления состояния: Ишиңни йүриттим көнилиг билә ‘Твои дела я выполнял по справедливости’ (КБ, XXVI, 56/4);

г) назначение, цель: Awытса әраж бирлә тәркин әwәр * ‘Если [богатство] дает [человеку] утешение, [то зато оно] быстро уходит’ (КБ, XLIII, 101/13);

д) объект действия: Өң әлкиң билә сун байат аты ай ‘Вытяни правую руку, назови имя бога’ (КБ, LV, 131/5); Жақрақ билә ywут болмас ‘Не бывает стыда у паршивого [или: лысого]’ (ДЛТ, I, 435—436/390); Киши йылқы бирлә адырты билиг ‘Знание отличает человека от животных’ (КБ, 71б/13);

2) форму родительного падежа (для местоимений); в этой конструкции *бирлә//билә* выражает совместность осуществления действия или проявления состояния: Ол мәниң бирлә өпүшди ‘Он целовался со мной’ (ДЛТ, I, 189/157); Аның бирлә урушди ‘Он дрался с ним’ (ДЛТ, I, 192/159); Ол аның өпкәсин мәниң бирлә өчрүшди ‘Он помог мне потушить его гнев’ (ДЛТ, I, 236/198); Ол мәниң бирлә әрди ‘Он был со мной’ (ДЛТ, I, 405/360); Кимиң бирлә давлат йарашса кәлиб ‘Кому пристанет счастье...’ (КБ, XXXIX, 176/14); Буларниң билә сән қатыл ҳам қарыл ‘С ними будь в ладу и общайся’ (КБ, LII 126/9); Ол бәк аның бирлә қарши ол ‘Этот князь враждует с ним [с другим князем]’ (ДЛТ, I, 400/355); Ки-

* R. Arat: irer (стр. 356).

миң билә қаш болса йашин йақмас ‘Кто имеет камень каш [чисто белый или черный камень, без пятен], того не ударит молния’ (ДЛТ, III, 28/18); Қалдым буларниң билә ‘Я остался с ними’ (КБ, XXII, 390/17); как видно из приведенных примеров, глагол, управляющий именем с *бирлә/билә*, может иметь форму взаимно-совместного залога;

3) форму винительного падежа (в некоторых случаях): аны бирлә ‘с ним’ (КБ, XXVII, 66/26; XXXIV, 96/8);

4) форму имени с временным значением в инструментальном (с аффиксом *-ла//-лä*) или местном (с аффиксом *-да//-тä*) падеже: Түнлä билä көчälим ‘Переселимся ночью’ (ДЛТ, II, 12/5); Таңда билä көрсä мəни өрдäк ‘Если на заре увидят меня утки’ (ДЛТ, I, 480/434).

2. *ўзä//ўзälä* (*ўз* < *уст-т* + *а* < *ра* + *ла*) — управляет именем в форме основного падежа и местоимением в форме родительного падежа. Служебное наречие *ўзä//ўзälä* указывает на:

1) направленность мысли или действия на что-либо [24]: Аның ўзä алымын бўтўрди ‘Он доказал, что должен получить с него’ (ДЛТ, II, 76/60); Тəңри қаргышы аның ўзä ‘Проклятье бога — на него’ (ДЛТ, I, 428/383); Бу йир нə көг ўзä ол ‘Каким размером [сложена] эта песня?’ (ДЛТ, III 144/95); Көнилиг ўзä кəчсä өтрў кўни ‘Пусть последующие дни проходят в справедливости’ (КБ, XXX, 78/17); ... душман ўзä ишлäсä ‘Когда он будет действовать против врага [пленных]...’ (КБ, XXXI, 87/10); Қалы ўстäсä əлги арзу ўзä ‘Если он поднимет руку на свои желания’ (КБ, XLII, 201/2);

2) направленность действия на поверхность предмета: Бу кўрси ўзälä өз олтурдуғы ‘То, что я сижу на этом троне...’ (КБ, XVIII, 42/14); Бу өң əлгиң уғыл сол əлгиң ўзä ‘Эту правую руку клади на левую’ (КБ, XLVIII, 116/25); Жахшақ ўзä от болмас ‘На каменистой вершине не растет трава’ (ДЛТ, I, 435—436/390); Тағ ўзä талғаг болды ‘На горе бушевал ураган’ (ДЛТ, II, 333/230); Йығач ўзä қонмас ‘Не сядет на дерево’ (ДЛТ, II, 383/267);

3) совершение действия на поверхности предмета: Бир нəң бир ўзä өклўшди ‘Одна вещь навалилась на другую’ (ДЛТ, I, 243/204); Тонуғ таш ўзä чалды ‘Он бил халат о камень’ (ДЛТ, II, 31/20); Ол алтун ўзä чäш қондурды ‘Он покрыл золото бирюзой’ (ДЛТ, II, 224/151); Сувлар ўзä тайанма ‘Не опирайся на воду’ (ДЛТ, III, 176/120);

4) цель: Битидим эсäнлик ўзä ‘Я написал ради [твоего] блага (КБ, XLI, 185/2);

5) комитативность: Өкўшräги барды бу арзу ўзä ‘Большинство из них следовало этим желаниям’ (КБ, XXIX, 72/21).

[24] В подобных случаях указанное выше служебное наречие соответствует русским предлогам *по, по поводу, над*. См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. — Л., 1956, стр. 318—319.

3. *Қару* — указывает на направленность действия против, в сторону, в направлении лица или предмета. Служебное наречие *қару* управляет основным падежом: Йағы қару кәриш қурдум ‘Против врага я приготовил [свой] лук’ (ДЛТ, II, 88/68).

4. *Аδын* — указывает на то, что предмет, названный именем в форме местного или исходного падежа, отделяется от других аналогичных предметов. Служебное наречие *аδын* управляет именем в форме исходного или местного падежей: Сәниңдән аδын йоқ йөлағим мәңә ‘Никто, кроме тебя, не может мне быть опорой’ (КБ, XXXIX, 175/9); Көни барыр кәйикниң көзиндә аδын башы йоқ ‘Для прямо бегущего оленя нет, кроме глаз, другого уязвимого места’ (ДЛТ, III, 165/112).

5. *Қат* ‘слой, сторона, бок’ — употребляется в форме инструментального или местного падежа и указывает на место совершения действия: бәкләр қатын ‘у князей’ (ДЛТ, I, 62/8)[x]; бек қатында ‘у князя’ (ДЛТ, I, 269/12)[x]; әрән әр қатында ‘у храброго человека’ (КБ, 187/7)[x]; тағ қатын ‘у горы’ (КБ, 112/11)[x]

6. *Ара//арала* [25] — показывает, что действие происходит внутри предмета или между предметами или лицами. Служебное имя *ара//арала* управляет именем существительным или местоимением в форме именительного падежа: Тилäсä күδäзгäй күйäр от ара ‘Если он захочет, то сбережет его в пылающем огне’ (КБ, XXVI, 60/2); Кишиläр арала өзүң турмаса ‘Если ты не живешь среди людей’ (КБ, XLII, 199/4); Ай Әлиг ӱч ара сәмизи йawуз ‘О, Элик, для трех [существ — собаки, птицы и человека] тучность вредна’ (КБ, LXIX, 180/19).

7. *Нару* — выражает начальный момент действия, направленность действия или же выделяет предметы, лица и понятия из других, подобных им. *Нару* управляет именем существительным или местоимением в форме местного или исходного падежа: Әлиг ма қатықланды анда нару ‘После этого мощь Элика усилилась’ (КБ, XXVII, 62/29); Әкидä нару барча йылқы саны ‘Кроме [этих] двух, всех [остальных] считай скотом’ (КБ, XLI, 186/7); Өзүм баргу әрмäс бу йәрдин нару ‘С этого места дальше мне не уйти’ (КБ, XLV, 109/32), Мунда нару кәслинӱр ‘После этого/ на этом обрывается’ (ДЛТ, I, 335/295).

Нару может функционировать также и в роли наречия [26]: нару бар ‘иди дальше’ (ДЛТ, III, 242/169).

8. Антонимом служебного наречия *нару* является наречие *бәрӱ*, обозначающее определенный период времени: кичикдä(н) бәру ‘с малолетства’ (КБ, 75б/7), озадын бәру ‘с давних пор’ (КБ, 129/3)[x]; Кәлмишиндän бәру ‘С тех пор как ты пришел’ (КБ, 195, 13)[x].

Бәрӱ может выражать обстоятельственные отношения: көңӱлдä бәрӱ ‘от всего сердца’ (КБ, 124/27)[x].

[25] ДЛТ, I, 114/82.
[26] ДЛТ, III, 242/169.

В отличие от современного языка *бәрү* в языке памятников употребляется в функции наречия: Кәлди бәрү 'Он подошел ближе' (КБ, XLIV, 105/30); Өзуң әмгәтип кәлмә йандру бәрү 'Не приходи опять сюда, утомляя себя' (КБ, XLV, 109/32).

9. Служебное наречие *таш, таштын* [27] 'кроме', 'вне', 'без' — обозначает, что управляемое им имя существительное выделяется, изолируется от других имен, называющих аналогичные предметы. Управляемое им имя имеет форму местного падежа (в значении исходного): Көнилигтә таштын йоқ әрмиш йигим 'Для меня нет ничего лучше справедливости [или: правдивости]' (КБ, XXXVIII, 164/12); Көни сөздә таштын сөзүг сөз тәмә 'Никакие слова, кроме справедливых [или: правдивых], не называй словами' (КБ, LXXIII, 185/2); Төрттә таш абын алмас 'Не берет других, кроме четырех' (КБ, LIII, 128/7).

10. *Утру* [28] — выражает действие, направленное против или в сторону предмета, называемого управляемым словом. *Утру* управляет именем существительным или местоимением в форме дательно-направительного, основного или исходного падежа: Ол мәңә утру кәлди 'Он стал против меня' (ДЛТ, I, 147/113); йүз утру 'лицом к лицу' (КБ, 58/3)[x]; көктин утру 'против неба' (КБ, 11/11)[x]; тишилär утру 'благодаря женщинам' (КБ, 129—5)[x].

11. *Отра* — по своему значению синонимично служебному слову *ара*. *Отра* управляет именем в форме основного падежа: Ол экки киши отра аралады 'Он помирил двух человек' (ДЛТ, I, 300/252).

12. *Тәгрä* — показывает, что действие (или состояние) происходит (или проявляется) вокруг чего-либо, и управляет именем существительным в основном падеже, местоимением — в родительном: Аның тәгрä киши қапсады 'Его окружили люди' (ДЛТ, III, 299/212); Аның тәгрä киши awалади 'Вокруг него собрались люди' (ДЛТ, I, 301/260).

13. *Уδу* — обозначает последовательность действия и управляет основным или родительным падежом: Мән аның уδу кәлдим 'Я пришел за ним / вслед за ним'; Мән сәниң уδу бардым 'Я пошел вслед за тобой' (ДЛТ, I, 114/81); Қулбақ уδу йуwулма 'Не склоняйся к Кулбаку' (ДЛТ, III, 88/58).

14. *Қат, қатын, қатында* — обозначают, что действие или состояние совершается перед тем, что названо управляемым словом, имеющим форму основного падежа: бәк қатында 'у князя' (ДЛТ, I, 311/269); бәкläр қатын 'перед князьями' (ДЛТ, I, 95/62); буғдай қатында 'перед пшеницей' (ДЛТ, III, 258/181); Әр қатында 'при людях' (КБ, XLI, 187/7).

15. *Исрä* — обозначает направление действия (или состояния) вниз (или внизу) предмета и управляет именем в форме исходного падежа: Ол андан исрä ол 'Он ниже его' (ДЛТ, I, 147/113).

[27] ДЛТ, I, 408/364.
[28] ДЛТ, I, 147/113.

16. *Üстүн* ‘над’ — управляет именем в форме местно-исходного падежа и указывает на пространственные отношения: андан үстүн ‘над этими’ (ДЛТ, I, 133/99); йашыл көктä үстүн ‘над голубым небом‘ (КБ, 48/10)[x].

17. *Қобы* ‘вниз’, ‘с’ — управляет именем в основном или исходном падеже: қалық қобы чақар ‘бросается с неба [вниз[’ (ДЛТ, III, 58/34); тағдан қобы ‘с горы [вниз]’ (ДЛТ, I, 198/165); ъаршта қобы ‘с божьего трона’ (КБ, 124а/9).

18. *Сыңар* ‘от’, ‘с’ — управляет именем в форме местного и исходного падежей: өзүндä сыңар ‘[далеко] от тебя’ (КБ, 157/23)[x]; қамуғдын сыңар ‘от всех’ (КБ, 68/1)[x]; анындан сыңар ‘ с ее стороны, через нее’ (КБ, 129/13)[x]

19. *Ал* ‘нижняя сторона’ — употребляется в форме *алтын, алын*, управляет именем в основном или местно-исходном падеже: йәр алтын ‘под землей’ (КБ, 62/2)[x]; әбиз ъаршта алын ‘с высокого трона вниз’ (КБ, 11/14)[x]; мәндä алтын ‘подо мной’ (КБ, 17/27) [x].

20. *Ичрä* (*ич-рä*) ‘внутрь’, ‘в’ — указывает на то, что действие осуществляется внутри предмета или, реже, на то, в чем проявляется действие или состояние: Оқ киш ичрä чығыл-тығыл қылды ‘Стрела зашуршала в колчане’ (ДЛТ, I, 374/329); Қубуғ ичрä ‘в колодце’ (ДЛТ, III, 329); кэми ичрä ‘в лодке’ (ДЛТ, III, 253/178)[x], сақыш ичрä ‘в расчете’ (ДЛТ, III, 265/187).

21. *Өң* ‘перед’, ‘впереди’ — употребляется в форме *өңдүн* (*өң-дүн*), *өңиндä*, *өңүн* и управляет именем в основном, местном или инструментальном падеже: Ол мәндин өндүн барды ‘Он ушел передо мной [раньше, до меня]’ (ДЛТ, I, 76/43); маликниң өниндү ‘перед королем’ (КБ, 7/10)[x]; кишидä өңүн ‘впереди людей’ (КБ, 246/3).

22. *Баса* [29] — указывает на последовательность действия и управляет именем существительным или местоимением в форме местного падежа (в значении исходного): Мән анда баса кәлдим ‘Я пришел после него’ (ДЛТ, III, 243/169); Анында баса көр оғул қыз турур ‘После этого, смотри, следуют сыновья и дочери’ (КБ, XLIII, 102/9).

23. *Ашну* — указывает на то, что действие совершилось раньше, чем действие или факт, названный стоящим перед ним именем (именем существительным или глагольным именем) в форме основного или местного падежа (в значении исходного): Қамуғ ашну ‘перед всеми / прежде всего’ (КБ, 10/27)[x]; Мән андан ашну кәлдим ‘Я пришел раньше его’ (ДЛТ, I, 150/117); Айытмаста ашну өтүк бәрмäсä ‘Пока не потребуют, они не должны докладывать [Элигу]’ (КБ, XXXII, 93/11).

24. *Оза* — употребляется в значении ‘прежде, раньше’[30];

---

[29] ДЛТ, III, 243/169. О формах *басала, басасы* см.: С. Brockelmann Указ. соч., § 141.

[30] ДЛТ, I, 115/83; С. Brockelmann. Указ. соч., § 141.

оза в одних случаях выступает как наречие, в других — как служебное имя. В функции служебного слова *оза* управляет именем в исходном падеже: а) Әрди оза әрәнләр ‘Прежде были мужественные люди’ (ДЛТ, I, 115—116/83); б) Ажун бәкләри өлди биздин оза ‘Князья мира умирали и до нас’ (КБ, XXIX, 72/21).

25. *Бурун* ‘раньше’ — по грамматическому значению синонимично *оза* и *ашну*. Служебное наречие *бурун* управляет именем в исходном падеже: Ол мәндән бурун барды ‘Он ушел раньше меня’ (ДЛТ, I, 379/334).

26. *Кәбин* — выражает последовательность действия и управляет именем в форме местного падежа (в значении исходного): одунмышта кәбин ‘после отрезвления [раскаяния]’ (КБ, XXVI, 57/19); өлүмдә кәбин ‘после смерти’ (КБ, XVIII, 178/36).

27. Деепричастная форма глагола *көрү* в функции послелога управляет именем в местном падеже (в функции исходного) и служит для выражения сравнения, сопоставления: Әшитмәк кәд ол сөзлямәктә көрү ‘Лучше слушать, чем говорить’ (КБ, XXXIX, 73/23); Әтиклиг аз әбгү өкүштә көрү ‘Надо делать мало, чем много, но получше [лучше меньше, да лучше]’ (КБ, 89а/8).

II. К собственно послелогам относятся следующие.

1. *Үчүн* — управляет именем существительным или глагольным именем в форме основного падежа и местоимением в форме родительного падежа. Послелог *үчүн* выражает:

1) причину [31]: Тириклик йawa қылма дүнйа үчүн ‘Не растрачивай [букв.: не делай бесполезной] жизнь ради [утех] мира’ (КБ, XXVI, 58/13); Қуш тузаққа маң үчүн илинүр ‘Птица попадает в силок из-за пищи’ (ДЛТ, III, 370/266); послелог *үчүн* может управлять глагольным именем в основном падеже, выступающим в роли сказуемого придаточного предложения причины: Сәwитмиш үчүн дүнйа ‘айбы қамуғ сәңа болмыш әрдәм ‘Так как мир делает себя любимым, то все его недостатки —для тебя достоинства’ (КБ, XLIII, 100/16); имеются случаи, когда сказуемое придаточного предложения причины выражается именем прилагательным или словом *бар*: Бағырсақ үчүн сән бүтәрмән сәңа ‘Я делаю для тебя, [потому что] ты милосерден’ (КБ, XXX, 75/2); Ағыр нәң үчүн орны башта турур ‘Так как оно [знание] — вещь очень важная, то место ему в голове’ (КБ, XXVIII, 70/27); Бу қылқ йаң бу әрдәмләриң бар үчүн ‘Так как ты имеешь такой нрав и такие заслуги...’ (КБ, XIX, 34/23);

2) цель или назначение: Тоғуғлы нәчә тоғды өлгү үчүн ‘Все, что рождается, рождается, чтобы умереть’ (КБ, XXV, 50/31); Оқурман сәни халққа әбгү үчүн ‘Я зову тебя для блага народа’ (КБ, XLI, 182/2).

---

[31] ДЛТ, I, 105/72.

2. *Таба, табару* — выражает направление действия. Управляемое им имя существительное имеет форму основного, а местоимение — родительного падежа, в некоторых случаях имя стоит в винительном падеже (в функции родительного); Йайлаг таба эмитти ‘Он направил его в сторону пастбищ’ (ДЛТ, I, 221/184); Чэрик таба ‘... в сторону войска’ (ДЛТ, II, 114/83); Арслан таба эмитти ‘Он направил в сторону льва’ (ДЛТ, II, 361/251); Уйғур таба ‘... в сторону уйгуров’ (ДЛТ, III, 253/178); Баққыл аның табару ‘Смотри в его сторону’ (ДЛТ, III, 445/325); Киши ыδты Элиг таба уқтуру ‘Он послал человека к Элику, уведомляя его’ (КБ, LVIII, 142/3); Мәниң таба кәлди ‘Он пришел ко мне’ (ДЛТ, III, 235/162); Ол мәниң табару кәлди ‘Он пришел ко мне [в мою сторону]’ (ДЛТ, I, 416/371); Бизни таба ‘В нашу сторону’ (ДЛТ, I, 119/86).

3. *Сары* — выражает направление действия: Төрт сарықа ‘К четырем сторонам’ (КБ, 103) [x].

4. *Тәк* — указывает на сопоставление, сравнение [32] и управляет именем существительным в форме основного и местоимением в форме родительного падежа: Булыт тәк сачы ‘Волосы ее [густы] как облака’ (ДЛТ, I, 336/261); Чәкуркä тәк сӱ ‘Войско как саранча’ (ДЛТ, I, 452/406); Қарақсыз тәк көрӱр ‘Смотрит, как безглазый’ (ДЛТ, I, 457/411); Билиг бирлä суw тәк қамуғқа йарар ‘Сознанием люди годны ко всему, подобно воде’ (КБ, LXXII, 184/19); Әрик тил от ол кӱйәр тәк йалын ‘Необузданный язык — словно огонь, [который] может воспламенять’ (КБ, XXVI, 58/3); Өкӱз тәк ақайын ‘Пусть я буду течь, как река’ (КБ, LXXII, 389/10); муның тәк ‘как это’ (КБ, 23/10)[x]; сәни тәк ‘как ты’ (КБ, 144/10)[x]; сәниң тәкläриг ‘подобные тебе’ (КБ, 174/32)[x].

Конструкция с послелогом *тәк* может функционировать и в роли сказуемого самостоятельного предложения: Ол андаг тәк ‘Он такой же [как он]’ (ДЛТ, III, 170/116); Уқушлуг киши * барча улгӱлӱг ол ‘Все знающие люди гармоничны’ (КБ, XXVIII, 68/24); Төрӱ суw тәк ‘Закон чист [или могуч], как вода’ (КБ, XL, 179/4).

5. *Тәгӱ, тәгин* — управляет именем в форме направительного падежа и выражает предел во времени или конечную точку действия или состояния: Қырқ йылға тәгин бай чығай тӱзläнӱр ‘В течение сорока лет бедный и богатый уравняются’ (ДЛТ, I, 333/292); Тӱбиңä тәгӱ ‘ До самой своей глубины’ (КБ, LXIII, 167/7); Кӱлиңä тәгӱ «До самого пепла’ (ДЛТ, III, 255/179).

6. *Киби* — выражает сравнение или уподобление и управляет именем в форме основного падежа: Қушлар киби учтымыз ‘Мы летали, как птицы’ (ДЛТ, I, 447/401); Ит киби ‘Как собака’ (ДЛТ, III, 29/16).

---

[32] ДЛТ, III, 170/116.

* R. Arat. işı (стр. 194).

Глагольные имена и конструкции с глагольными именами

В языке XI в. глагольные имена [33] были весьма продуктивной категорией. Это было отмечено, например, М. Кашгарским, который в своем словаре указал на пять аффиксов глагольных имен (по его терминологии «исми фаил»): *-дачы//-тачы, -аған//-ägän, -ығсақ//-игсäк, -гӱлӱк//-гулуқ, -ғлы//-гли* [34]. Разнообразные формы глагольных имен выполняли функции причастия (verbum infinitum), глагола (verbum finitum), имени действия (substantivum verbalium). Самыми употребительными были формы на *-ғу//-гӱ//-қу//-кӱ, -р//-ар//-äр//-ур//-ӱр//-ыр//-ир, -мыш//-миш*. Кроме них, употреблялись также формы на *-ған//-гän//-қан//-кän, -ғлы//-гли//-қлы//-кли, -дук//-дӱк, -ды//-ты, -дачы//-тачы*.

Форма глагольных имен на *-ығ-сақ//-иг-сäк* выражает лицо, которое намеревается выполнить определенное действие: барығсақ ‘тот, который хочет (предполагает, намеревается) идти’, кәликсäк ‘тот, который хочет прийти’ [35]. Эта форма образовалась путем присоединения аффиксов глагольных имен (*-иг* и *-сäк* или *-ығ* и *-сақ*) к масдарам (инфинитивным основам) [36]: табуқсақ кэрäк ‘должен быть готовым к службе’ (КБ, XXXIII, 94/24). В некоторых случаях указанные аффиксы могли присоединяться и к именам существительным: tawарсақ ‘желающий [приобрести] добро’ (ДЛТ, II, 60/46).

Форма на *-ғулуқ//-ғулуғ//-гӱлӱк* выражает намерение и долженствование [37]: ол барғулуқ эрди ‘он должен был идти / ему необходимо было идти’ (ДЛТ, I, 60—61). Глагольное имя на *-ғулуқ//-ғулуғ//-гӱлӱк* состоит также из двух элементов: формант *-лығ//-лық//-луқ//-лӱг* присоединяется к глагольному имени на *-ғу//-гӱ*. Следовательно, эти сравнительно редко встречающиеся в языке XI в. глагольно-именные формы, выражая постоянное качество предмета, по своей семантике и функции стоят ближе к именам прилагательным, чем к глаголу.

В функции и значении прилагательного в исследуемых памятниках употребляется также глагольное имя на *-ма//-мä*: көчӱрмä ойун ‘один из видов игры’ (ДЛТ, I, 452/407); бычма йорынчқа

---

[33] Под глагольными именами понимаются не только формы, содержащие значение действия или состояния, но также формы, которые могут составить определенную речевую конструкцию. Ср.: G. J. Ramstedt. Verbale nomen auf -gu in den altaischen Sprachen. «Studia Orientalia», XI, 1945; Он же. Das verbale Nomen auf -m in den altaischen Sprachen. — JSFOu, XCVIII, 1950.

[34] ДЛТ, I, 61/27; А. М. Щербак. Указ. соч., стр. 130—141.

[35] ДЛТ, II, 59/46.

[36] М. Кашгарский форму *бар-ығ* называет масдаром (ДЛТ, I, стр. 62/27). Эту форму нельзя смешивать с формой глагольного имени на *-суғ//-сығ*: күн батсығ ‘заход солнца’, ‘запад’; күн тутсуғ ‘восход солнца’, ‘восток’ (ДЛТ, I, стр. 430/386).

[37] ДЛТ, II, 60—61/25.

‘скошенный клевер, люцерна’ (ДЛТ, I, 405/360); күйүрмä йалын ‘обжигающий огонь’ (КБ, 57б/6).

Некоторые из указанных форм глагольного имени (формы на *-р, -ған, -миш*) в современных тюркских языках употребляются в значении и функциях причастия, другие перешли в разряд глагола (форма на *-ды/ /-ты*) или в разряд имен существительных (формы на *-ғу, -чы*); некоторые формы в отдельных тюркских языках вовсе не употребляются (например, в современном узбекском языке не употребляются глагольные формы на *-ғлы, -дачы,-дуқ*). С другой стороны, некоторые формы и отдельные значения причастий современного языка передавались прилагательными, глаголами условного и повелительного наклонений: ачығлыг куб ‘глиняный кувшин для заквашивания’ (ДЛТ, I, 163/130) — в совр. узб. языке: ачитадиган куб; Ол қой түлägиндä кəлди ‘Он приехал в период линяния овец’ (ДЛТ, I, 368/324) — в совр. узб. языке:... тулларанда келди...; Өкүз аδақы болғынча бузағу башы болса йик ‘Лучше быть головой теленка, чем ногой вола’ (ДЛТ, I, 91/58)— в совр. узб. языке: ... бўлган яхши.

В языке XI в. причастие еще не выделяется в качестве самостоятельной морфологической категории [38]. Указанные выше формы глагольного имени в отдельных случаях могли выступать в значении причастия и выполнять его функции.

Глагольно-именные формы на *-дачы //-тачы, -дуқ//-дӱк, -ғлы //-қлы//-ғли//-кли, -ған//-қан* в основном падеже сравнительно часто употребляются в функции причастия.

Глагольные имена в языке XI в. по своей семантике и форме стоят ближе к именам существительным, чем к глаголу. Это подтверждается частым употреблением их с формантами падежей, сочетаемостью с послелогами и другими формальными свойствами, присущими именам существительным.

1. Глагольное имя на *-қу//-ғу, -гӱ//-кӱ*

Для языка рассматриваемого периода характерно сочетание двух формантов глагольного имени — *-р* и *-ғу*: тутурғу нəң ‘предмет, который следует удержать’ (ДЛТ, I, 450/405) [39]. Аффикс *-ағу* может присоединяться к имени существительному или местоимению: қарнағу əр ‘человек, у которого большой живот’ (ДЛТ, I, 453/407); қамчығу ‘род сыпи’, ‘пузырьки’ (ДЛТ, I, 453/

---

[38] М. Кашгарский указывает, что форма на *-мыш//-миш* образует глагольное имя с пассивно-страдательным значением (исми мафъул), — см. ДЛТ, II, 62/49.

[39] По свидетельству М. Кашгарского, форма на *-ғу* употреблялась в языке «хақани түрк», а в языке огузов в этой функции использовалась форма на *-асы*: йығач бычасы нəң ‘предмет, при помощи которого режут дерево’; отун кəсäси балду ‘топор, при помощи которого рубят дерево’ (ДЛТ, I, 53/17); барасы йəр ‘место, куда идут’ (ДЛТ, I, 69/36).

407); аδнағу ‘другой’ (ДЛТ, III, 55/41). Если в древнетюркском языке грамматические функции аффикса *-ғу* были весьма широкими, то в языке памятников XI в. его функции сравнительно ограничены [40].

В языке XI в. образование глагольных имен — основная функция аффикса *-ғу*. Глагольное имя на *-ғу* может иметь свое дополнение и обстоятельство. Такие синтаксические модели выражают относительную законченность мысли: Қалы өгмägӱ ол уқушлуғ кишиг, Қалы бəрмägӱ уқушлуғқа ишиг ‘Как же не хвалить того умного человека, как не поручить дела умному человеку’ (КБ, XXVIII, 68/23); Киши нəңи бирлä ақы болмағу ‘Нельзя быть щедрым чужим добром’ (КБ, XXXVI, 157/12); Тəгимсиз кишигä бу қур бəрмägӱ ‘Недостойному нельзя давать это звание’ (КБ, XLVIII, 117/9).

В этих примерах глагольное имя выражает действие или состояние, осуществление которых относится к настояще-будущему или будущему времени.

Глагольное имя на *-ғу* может употребляться также в функции и значении глагола (без личных окончаний): Билиг əрдämин болғу əлгä əлиг ‘Знания и добродетель становятся оплотом государства’ (КБ, XXVI, 60/8); Əсиз қылмағу ма төрӱ урмағу ‘Дурной человек бездеятелен и не издает законов’ (КБ, LXIII, 163/9). В этой функции глагольное имя в некоторых случаях соответствует по своей семантике повелительному или желательному наклонениям глагола современного узбекского языка: Бузулмағу бəклиг бəδӱклӱг билä ‘Пусть не разрушается [твоя] власть со своим величием’ (КБ, XXI, 38/7); Өзи кəч тирилсӱ йазылғу аты ‘Пусть он живет долго и имя его распространится’ (КБ, XXVII, 63/6).

Глагольное имя на *-ғу* может выражать цель: Саранға йумытмас киши алғу нəң ‘[Вокруг] скупого[люди] не собираются, [чтобы] получить имущество’ (КБ, XXXI, 87/5).

В некоторых случаях форма на *-ғу* субстантивируется и выражает имя с конкретной или абстрактной семантикой (nominis actoris, nominis concreti, nominis instrumenti): турғу ‘стоящий [у двери] человек [придворная должность]’ (КБ, XXXIII, 94/4]; ашағу ‘еда’(КБ, XXXVIII, 166/2); ичгӱ ‘напиток’ (КБ, XXXVII, 163/9); тирилгӱ ‘жизнь’ (КБ, XLVI, 111/35); бычғу ‘ножницы’, ‘нож’ (КБ). Субстантивированные формы глагольных имен называют предмет или понятие, имеющее отношение к месту или времени, например: қурығу ‘[что-то] сохнущее’ (ДЛТ, I, 417/372);

---

[40] Из истории развития узбекского языка видно, что функция аффикса *-ғу* постепенно сужается; так, в языке XV в. он теряет свою функцию аффикса глагольного имени (см.: Г. Ф. Благова. Соотносительные глагольные формы и их развитие в узбекском литературном языке — ВЯ, 1958, № 4, стр. 86). — В современном узбекском литературном языке аффикс глагольного имени *-ғу* встречается только в составе отдельных сложных аффиксов — *-ғудек*, *-ғулук* и др.

бошуғу ‘[период] освобождения’ (Там же); йамағу [предмет [который надо] починить’ (ДЛТ, III, 43/27); йашағу ‘[место, где] живут’ (Там же); ойнағу ‘[место для] игры’ (ДЛТ, I, 142/109).

В функции причастия глагольное имя на *-ғу* присоединяется к имени существительному, указывая на признак такого действия или состояния, которое может иметь место в настоящем и (чаще) будущем времени (в значении supinis или nominis futuri), например: йурығу йәр ‘дорога (букв.: земля), по которой следует идти’ (ДЛТ, III, 43/27); айытғу сөзүм ‘слово, которое я должен сказать’ (КБ, XXII, 43/34); қылғу ишләр ‘дела, которые следует сделать’; қылмағу иш ‘дело, которое не следует делать’ (КБ, XXXI, 84/21); Йәгү йалғағу от йа ичгү булур ‘Он находит съедобные травы и напитки’ (КБ, 107б/11). В отдельных случаях эта форма может выражать действие, относящееся к прошлому: Әкидә қайу әрки барғу йолум ‘[Где] та из двух дорог, [по которой] я шел’ (КБ, LXVII, 176/19).

Глагольное имя на *-ғу* выступает не только в функции определения, но и в функции главного члена предложения — сказуемого, выражая признак предмета: Йынқа йана киргүсүз ‘Больше [опять] в гнездо не возвратится’ (ДЛТ, III, 12/5); Киши көңли бағ тәк йашарғу ‘Человеческое сердце подобно саду зеленеет’ (КБ, XXVIII, 69/24); Тириглик қолурман өзүм өлгүсүз ‘Я вымаливаю жизнь [бессмертие], чтобы жить вечно (букв.: жизнь, в которой не умерло бы мое существо)’ (КБ, XLV, 107/29).

Глагольное имя на- *ғу*, оформленное аффиксами принадлежности (*-ғу-м*,*-ғу-сы*, *-ғу-мыз*), может употребляться в разных синтаксических функциях.

Оно может выступать в функции предиката в составе развернутых предикативных конструкций: Өгдүлмиш Одғурмышқа фаний дүнйа бирлә бақий уқби қазғанғусын айур ‘[В этой главе] Огдюлмиш объясняет Одгурмишу, как обрести [этот] преходящий и вечный [потусторонний] мир’ (КБ, XLIV, 10/1). В других случаях указанное глагольное имя выполняет функцию сказуемого односоставного предложения: Ақы өггүси ол саран сөкгүси ‘Щедрого надо хвалить, скупого — порицать’ (КБ, XXVIII, 67/9).

Форма на *-ғусы* может субстантивироваться: Сөзүг өггүси бар йәмә сөкгүси ‘Есть слова, которые надо хвалить и [есть слова], которые следует порицать’ (КБ, XXIII, 45/7); Кишидә қайу ол киши өггүси ‘Кто из людей достоин похвалы?’ (КБ, XXVIII, 67/9); Алғумыз бар ‘Есть то, что нам надо взять’ (ДЛТ, I, 328/286).

Имя существительное, управляемое глагольным именем, обычно имеет форму родительного падежа (в приведенном примере — сөзүг өггүси — управляемое имя существительное имеет форму винительного падежа, но употреблено в функции родительного). В большинстве случаев формант родительного падежа опускается.

Глагольное имя на *-ғусы* может иметь значение личного глагола (verbum finitum), выполняющего функцию сказуемого. Слово, к которому относится глагольное имя, стоит в основном падеже и выполняет функцию подлежащего: Нәчä тәрсä * ахыр өлӱм тутғусы, Нәчä қачса ** ахыр өлӱм йәтгӱси ‘Сколько бы ты ни собрал, потом смерть схватит это, куда бы ты ни побежал, смерть потом догонит тебя’ (КБ, XXVI, 57/3); Кәрäклиг сөзӱг мән тутузқум *** сәңа ‘Я хотел передать тебе необходимое слово’ (КБ, XXVI, 60/23).

2. Глагольное имя на *-р//-ар//-äр,-ур//-ӱр, -ыр//-ир*

Глагольное имя на *-р* (и все его фонетические варианты) может выступать самостоятельно или в сочетании с другими грамматическими формами. В своем самостоятельном употреблении оно выступает в значении и функции причастия или личного глагола (verbum finitum); и только в сочетании с другими грамматическими средствами — в функции глагольного имени.

Отрицательная форма от глагольного имени на *-р* образуется при помощи аффикса *-ма*; при этом наблюдается переход *р* в *с*: Сәwäр сәwмäс йӱзни ‘Любимое и нелюбимое лицо’ (КБ, XXIX, 73/13) [41].

В «Қутадғу билиг» встречается глагольная форма на *-йур*, близкая по своей семантике и функции к глагольному имени: йаруйур кӱни ‘его дни светлы’ (КБ, XXXVI, 157/1); Бу Айтолды оғлы атайур нә ол ‘Кто же он, назвавшийся сыном Айтолды?’ (КБ, 74а/15) [42].

Глагольное имя на *-р* в современном узбекском языке употребляется в значении личного глагола и очень редко — в роли определения-причастия. В языке XI в. указанное глагольное имя употребляется в роли определения-причастия и глагольного имени.

В функции определения форма на *-р* выражает постоянный признак предмета: кӱлäр әр ‘смеющийся человек’ (ДЛТ, II, 290/197); ынанур әриг ‘надежных людей’ (КБ, XXXI, 88/22); кәчäр кӱн ‘дни, когда ты живешь’ (КБ, XLV, 108/24) [43]; ақар суw ‘про-

---

* R. Arat: kacsa (стр. 155).
** R. Arat: kalsa (стр. 155).
*** R. Arat: tutuzdum (стр. 167).

[41] В некоторых случаях сохраняется более древний переход *р* в *з*: يو اعمار كراك ‘Необходим тот, который не пьет вина’ (КБ, XXXVI, 155/5). Такое фонетическое явление в языке XI в. встречается редко и как правило в огузских диалектах.

[42] См.: W. B a n g. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. Heidelberg, 1918, § 1—10.

[43] В другом месте *кәчäр* употребляется в значении прошедшего времени: Оқыды айытты кәчäр кӱн ишиг ‘Он вызвал и велел ему говорить о делах прошедшего дня’ (КБ, XL, 178/9).

точная вода› (КБ, LXIV, 171/28); өлўр өзгä ‘ради души, которой суждено умереть› (КБ, LXVIII, 179/7).

Даже функционируя в роли сказуемого, эта форма не переходит в разряд личных форм глагола; указывая на признак предмета, она остается причастием: Тəгди оқы өлдирўр ‘Попала в него смертоносная стрела [времени]› (ДЛТ, I, 476/429); Бу йаңлығ кəрäк барча эрдäм билир ‘Вот такой [человек] нужен, который умеет все› (КБ, XXXIV, 96/16); Бор ичмäз кəрäк ‘Необходим не пьющий вино› (КБ, XXXVI, 155/5); Бағырсақ кəрäк кəδ бəкини сəwäр ‘Нужен милосердный, который очень любит своего князя› (КБ, XXXVII, 162/8).

В современном узбекском языке подобные конструкции не употребляются.

В большинстве случаев форма на *-р* без аффиксов или с различными аффиксами употребляется в значении глагольного имени, а также имени существительного: Ай билир! ‘О, знающий!› (КБ, XXVI, 59/20); Йўрирдä өлўр ‘Умирает в походе› (КБ, XXXI, 89/6); учарығ, йорырығ ‘летающих и идущих› (КБ, LXX, 184/8); Cyw ичўрмäсгä сўт бəр ‘Дай молоко тому, кто тебя не напоит [даже] водой› (ДЛТ, I, 224/187); Қуйары — бранное слово, букв.: ‘тот, кто брызгается слюной› (ДЛТ, III, 186/129).

3. Глагольное имя на *-мыш//-миш*

Глагольное имя на *-мыш//-миш* широко употребляется в языке XI в. в значении и функции глагольного имени и причастия [44]. В функции причастия форма на *-мыш//-миш* является определением и выражает действие или состояние, относящееся к настоящему, будущему или прошедшему времени: Йəгў ичгў қатмыш қамуғ отларығ ‘Добавляемые в еду и питье специи (букв.: растения)› (КБ, XXXVIII, 165/2); Булмыш нəңиг сəwäрсäн, Бармыш нəңиг сақынма ‘Люби (букв.: ты любишь) то, что у тебя есть, не горюй о том, что ушло от тебя› (ДЛТ, III, 372/267); қурмыш йа ‘изготовленный [к стрельбе] лук› (ДЛТ, II, 62/49); бармыш киши ‘человек, который ушел› (ДЛТ, II, 64/50).

Форма на *-мыш//-миш* в функции сказуемого по своей семантике близка к глаголу. Но и в этой функции она остается причастием. В современном узбекском языке в функции сказуемого указанная форма глагольного имени окончательно перешла в разряд личных форм глагола.

В функции сказуемого форма на *-мыш//-миш* выражает действие или состояние, относящееся к прошедшему времени (в значении перфекта): Чəгäсин төшäнмиш йəңин йастанур ‘Он подстелил [под себя] свой камзол, а рукава подложил [под голову]› (КБ,

[44] М. Кашгарский особо подчеркивает, что данная форма в функции определения переходит в причастие (см. ДЛТ, II, 64/50).

LXIX, 170/21); Көр, ўлкәр узулмыш* учукмыш тўн-ä 'Смотри-ка, исчезли Плеяды, ночь улетела' (КБ, XVII, 177/25). М. Кашгарский указывает, что в некоторых случаях форма на *-мыш//-миш* выражает действие прошедшего неочевидного (факт, установленный другими людьми): Ол мәңа кәлмиш 'Говорят, что он пришел ко мне' (ДЛТ, II, 63/50).

В современном узбекском языке аффикс *-мыш//-миш* служит для обозначения действия, очевидцем которого говорящий не был, однако он не идентичен аффиксу XI в., так как его полной формой является *әмиш* — показатель модальности, синонимичный *әкән*, например: *келәр әмиш* > *келәрмиш*; *келгән әмиш* > *келгәнмиш*; *келсä әмиш* > *келсämиш*. Усеченная форма аффикса *-әмиш* > *-мыш//-миш* может присоединяться к условной форме глагола, а также к причастиям.

В современном турецком языке форма на *-мыш//-миш* широко употребляется в значении личного глагола прошедшего, прошедшего-неочевидного времени, а также в функции причастия [45].

В языке XI в. эта форма могла субстантивироваться: Тилämишгä бәрди 'Дал тому, кого он пожелал' (КБ, XLV, 106/27).

Характерно, что форма на *-мыш//-миш* во многих случаях по своей семантике и функции была синонимична форме на *-р*: Нәгӱ тәр әшит әмди өглӱг киши, Ешында кәчӱрмиш билир эл иши 'Слушай, что тут говорит умный человек, много переживший и знающий государственные дела' (КБ, XXVII, 62/26).

4. Глагольное имя на *-ған//-қан//-ган//-кән*

Глагольное имя на *-ған* (и его фонетические варианты) в языке «Қутадғу билиг» встречается редко. Сравнительно чаще данная форма используется в «Дīвāну луғāт-ит турк». М. Кашгарский специально останавливается на глагольном имени на *-ған*, указывая на пять его значений [46]. Эти значения в основном сохраняются и в современном узбекском языке. В других тюркских языках, например огузских, эта форма (его фонетическая параллель *-ан//-ән*) употребляется редко [47]. Как отмечает М. Кашгарский, форма на *-ган* свойственна языку «тюркских племен», а в языке

---

* R. Arat: savulmiş (стр. 615).

[45] А. Н. Кононов. Указ. соч., § 218, 467, 512, 830, 842, 962 и др.

[46] ДЛТ, I, 477—479, 431—433; II, 57—58/44—45.

[47] Н. К. Дмитриев. Аффикс غان в новоосманском языке. «Доклады АН СССР», 1926, стр. 67. — Форма на *-ған* ~ *-ан* в современном турецком и современном азербайджанском языках не выступает в качестве причастия, см.: W. Bang. Указ. соч., стр. 41. — Н. З. Гаджиева отмечает бóльшую склонность к предикации причастия на *-ған* в кипчакских языках, чем в языках огузских, — см.: «Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, состоявшегося 24—27 сентября 1956 г.» Алма-Ата, 1958.

огузов и некоторых кочевников ей соответствовала форма на *-ан/ -ӓн* [48].

В языке XI в. форма на *-ған* употребляется в основном в значении и функции причастия; только в отдельных случаях — в роли глагольного имени. В роли причастия форма на *-ған* выполняет функцию определения и ставится перед определяемым словом. В этой функции причастие выражает признак действия прошедшего времени (с перфектным оттенком), а также постоянное качество или свойство предмета (в последнем случае оно приближается к имени прилагательному): Төрәтгән әгитгән кәчүргән иӈи ‘О, создавший, вырастивший, ведущий [меня по жизни] боже!’ (КБ, XLV, 106/20); усытған қуйаш ‘согревающее солнце’ (ДЛТ, I, 170/137); сувқа чөмгән әр ‘человек, нырнувший в воду’ (ДЛТ, I, 381/336); йанылған әр ‘человек, который всегда ошибается’ (ДЛТ, III, 397/287); йүгүргән ат ‘быстроходная лошадь’ (ДЛТ, III, 62/41).

Характерно, что в современном узбекском языке рассматриваемая форма выражает в основном действие, совершившееся в прошлом.

Форма на *-ган* может выступать и в функции сказуемого. В отличие от современного языка, где эта форма в роли сказуемого перешла в разряд личных форм глагола, в языке XI в. форма на *-ган*, выступающая в функции предиката, остается причастием, выражающим постоянный признак предмета: Йағы сығучы йәтүргән өчи ‘Они — победители врагов и мстители’ (КБ, XXXI, 86/29); Әт өз арзу сүргән қабуғқа тәзик ‘Тот, кто полон желания, быстро идет к двери [к концу]’ (КБ, XLIII, 103/21); Бу ышығ ол үзүлгән ‘Эта веревка все рвется’ (ДЛТ, I, 1 73/139); Күн ол ажунуғ йарутған ‘Солнце всегда освещает мир’ (ДЛТ, III, 60/39); Бу от ол кишини уӈытған ‘Это лекарство всегда усыпляет человека’ (ДЛТ, II, 169/136).

Некоторые глагольные имена на *-ған* субстантивировались: awужғун ‘лист для обработки кожи’ (ДЛТ, I, 172/138); әкүргән — род растения; этилгән — болезнь железы (ДЛТ, I, 173/130); қабартған ‘болтун’ (ДЛТ, III, 366); Қарақ қылқы тәнсиз йawa сөзләгән ‘Неприличен, как разбойник, тот, кто говорит неприличные слова’ (КБ, XXII, 44/6); Йатыб әртә қопған қутын әр турур ‘Человек, который [рано] ложится и встает рано — счастливый человек’ (КБ, 60а/14).

В «Дӣвӑн»е имеется также причастная форма на *-аған*, выражающая имя деятеля: бараған ‘идущий [всегда]’, кәләгән ‘приходящий [всегда]’ (ДЛТ, I, 61/27) [49].

---

[48] ДЛТ, I, 479/433.

[49] Формы *билағон*, *чопағон* в современном узбекском языке некоторыми тюркологами связываются с указанной формой причастия. См.: W. B a n g. Указ. соч., § 26, стр. 37.

5. Глагольное имя на *-тачы//-дачы*

Глагольное имя на *-тачы//-дачы* употребляется в основном в функции и в значении причастия. По свидетельству М. Кашгарского, эта форма причастия употреблялась в языке племен огузов, кыпчаков, ямак, ягма, аргу, суварин. Он считает, что названная форма образуется путем присоединения к форманту прошедшего времени (*-ты//-ды*) аффикса *-чы* [50].

Аффикс *-ты//-ды* выступает также как формант причастия; следовательно, аффикс *-чы* образует причастие от причастия. Характерно, что в некоторых случаях аффикс *-дачи* служит для образования причастия от причастной же формы на *-р*: Билиг ол кәтӓрдӓчи көңлӱм тӱзи ‘Знание — [это то], что разрешает [устраняет] [всякие трудности], о радость моя’ (КБ, LXIV, 170/30).

Причастие на *-тачы//-дачы* в основном выступает в роли определения и сказуемого. В функции определения оно выражает признак действия или состояния, осуществление которых относится к будущему времени, или же признак постоянного действия или состояния предмета: Адаш қолдашым тәб ынанч болдачы ким ‘[Где же] тот, который [вполне] доверяет своим друзьям и родственникам’ (КБ, XXII, 390/6); Өлдӓчи сычған ‘Крыса, которой суждено умереть’ (ДЛТ, I, 411/366); Болдачы бузағу өкӱз ара бәлгӱлӱг ‘Теленок, который станет настоящим волом, [обычно] выделяется среди волов’ (ДЛТ, I, 480/434).

В функции сказуемого глагольное имя на *-тачы//-дачы* по своей семантике сближается с причастием, выражающим признак действия или состояния, относящихся к настоящему или будущему времени: Тириг болдуң әрсӓ өзӱң өлдӓчи ‘Если ты сейчас и живешь, ты [все-таки] должен умереть’ (КБ, XXIV, 46/21); Нәчӓ кәч тирилсӓ өлӱм кәлдӓчи ‘Как бы долго они ни жили, придет смерть’ (КБ, XXVI, 61/28); Өзӱң әки күнлӱк қонуқ болдачы ‘Ты здесь гость [только] на два дня’ (КБ, XLIII, 100/30).

Указанная форма причастия может субстантивироваться: Қаны бир бағырсақ ишим қылдачы ‘Где же милосердный, который мог бы вести мои дела?’ (КБ, XXVII, 63/37); Сәни әлттачы бу әт өз татғы ол ‘Наслаждения жизни — вот что торопит тебя’ (КБ, LX, 153/21).

6. Глагольное имя на *-дуқ//-дӱк*

Глагольное имя на *-дуқ//-дӱк*, широко употреблявшееся в древнетюркском языке, сохраняется также и в языке памятников XI в. [51]: Болмадық нәңӓ сәүинмäң ‘Нэ радуйтесь тому, что

[50] ДЛТ, II, 41/28.

[51] Эта форма причастия в языке памятников последующего периода встречается очень редко: әшитмӓдик эрди (пример взят из работы: Э. Р. Тенишев. К истории узбекского языка. «Акад. В. А. Гордлевскому к его 70-ле-

еще не сбылось» (ДЛТ, I, 396/351); Билмиш йәк билмәбӱк кишидән йиг ‘Знакомый дьявол лучше незнакомого человека’ (ДЛТ, III, 175/120). Фонетические варианты этого аффикса (*-дық*, *-дӱк*) встречаются только в «Дīвāн»е и, по всей вероятности, являются диалектальной особенностью языка того времени.

Глагольное имя на *-дуқ/ /-дӱк* в форме основного падежа выполняет функцию определения или сказуемого: Кәмдӱк сөцӱк ‘обглоданная кость’ (ДЛТ, I, 444/399); Отағқа өпкәләб сӱгә сөзләмәдӱк ‘Обидясь на своих друзей по шатру, он не разговаривал с войском’ (ДЛТ, III, 226/156); Қаδаш тәмиш қаймадук, қаδын тәмиш қаймыш ‘Когда сказали, [что он его] родственник, то ему не была оказана честь, [но когда] сказали, [что он его] деверь, то ему была оказана честь’ (ДЛТ, III, 263/186).

Как видно из приведенных примеров, эта форма глагольного имени даже в роли сказуемого не может рассматриваться как verbum finitum.

Форма на *-дуқ//-дӱк* в роли глагольного имени: Уш кәлдӱгӱм бу ‘Я только что пришел (букв.: это — только что мой приход)’ (ДЛТ, I, 72/40); Муңа мән ма давлät сәңä кәлдӱгӱм, Мәниң қылғым әрди бу көргӱттӱгӱм ‘Смотри, я, счастье, пришло к тебе, каково я, я показал тебе’ (КБ) [52]; Көңӱлгä йоқ әрдӱк * муны билгӱ өз ‘То, что не было в сердце, должен познать [я] сам’ (КБ, XXIX, 73/8).

7. Глагольное имя на *-ықлы/ /-ығлы/ /-икли/ /-игли*

М. Кашгарский полагает, что данная форма глагольного имени образуется присоединением суффикса *-ли* к масдарам на *-ыг//-ық//-иг*[53] и служит для выражения признака действия или состояния, осуществление которого является желаемым или необходимым для говорящего или выражает наличный признак предмета.

Глагольное имя на *-ықлы//-икли* в предложении является определением или сказуемым. В функции определения или сказуемого рассматриваемая форма обычно выражает постоянное

тию». М., 1953, стр. 278). В языке «Шажараи тарāкама» это глагольное имя встречается в составе «устойчивого словосочетания»: Оғуз или көчип чäкиб йӱрӱмädик йол барму ойин тутуб олтурмадық йурт барму (1110—1111) ‘Найдутся ли пути [дороги], по которым огузы не кочевали и не хаживали бы, найдутся ли юрты, в которых они не ставили своих кибиток и не живали бы!’ — см.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази хана хивинского (исследования, тексты, переводы). М. — Л., 1958, стр. 164. — В современном узбекском языке данная форма употребляется лишь в языке отдельных писателей (видимо, под влиянием азербайджанского языка): суроқладыги қиз (Ойбек. Қутлуқ қон, стр. 119);... кӱрдиги қизни (там же, стр. 120).

[52] См.: А. М. Щербак Указ. соч., стр. 134.

* R. Arat: örtüg (стр. 207).

[53] ДЛТ, II, 61/48.

действие или состояние предмета, а также действие, осуществление которого относится к настоящему или будущему времени: Бу эмгäк билигли оғул қыз қайу ‘Какие из дочерей и сыновей знают эти страдания’ (КБ, XLII, 197/2); учуқлы өрўң қушқа ‘летающей светлой птице’ (КБ, XXV, 50/11); көчўгли киши ‘человек, которому необходимо переселиться’; Йоруқлы киши ‘человек, который странствует’ (КБ, 112б/3).

Глагольное имя на *-игли* в большинстве случаев выступает в роли сказуемого: Өлўм ол бузуғлы бобум* ҳам улум ‘Смерть разрушит мою плоть и мой дух (букв.: мое тело и мои основы)’ (КБ, XXVI, 62/1); Ай ** әбгў әшим сән өтигли ишим ‘О, мой хороший друг, ты исполнишь (букв.: исполняющий) мои дела’ (КБ, XXIX, 71/25); Қалын боб қара баш йорығлы тәлим ‘Толстые бедра [т. е. слуга] и черные головы [т. е. рабы] бродят во множестве’ (КБ, XXVII, 64/5); Айа кин кәлигли оғул қыз қалын ‘О, [вы], идущие за нами, имейте много сыновей и дочерей’ (КБ, XLII, 196/8).

Отрицательная форма данного глагольного имени, образуемая присоединением аффикса *-ма* к основе глагола, встречается очень редко: Кўмўшкä илинмäкли йалңуқ бўтўн ‘Все люди, которые не привязаны к серебру’ (КБ, XXVIII, 67/4).

Форма на *-игли* может субстантивироваться; в этом случае она выражает производителя действия: Өз асғын тилäкли бағырсыз болур ‘Кто желает [только] своей собственной выгоды, бывает бессердечен’ (КБ, XLI, 187/6); Қаны иш қылығлы көни ҳақ ўчўн ‘Где тот, кто свершает дела ради истины и права?’ (КБ, LXX, 183/3).

Во многих случаях глагольное имя на *-игли* употребляется наряду с другими формами глагольных имен (например, на *-мыш*, *-ган* и др.) и по своей функции и значению синонимично этим формам: Төрўтўлмиш өрдиң төрўглў өлўр, Төрўглў өлўр-өк, төрäтган қалур ‘Тебя сотворили — рожденный должен умереть; Рожденный умрет — творец останется’ (КБ, XXV, 52/28).

8. Глагольное имя на *-ды/ /-ди/ /-ты/ /-ти*

Форма на *-ди*... первоначально была формой глагольного имени, которое уже к XI в. начинает переходить в разряд verbum finitum. Однако имеется целый ряд фактов, подтверждающих, что глагольное имя на *-ди* в языке XI в. продолжало выступать в функции причастного определения [54]. М. Кашгарский утверждает,

* R. Arat: tüpüm (стр. 171).

** R. Arat: ne (стр. 203).

[54] В языке современных желтых уйгуров глагольная форма на *-ди//-ти* сохраняет характер причастия и в отличие от других тюркских языков не изменяется по лицам: *мен пылты*, *сен пылты*, *ол пылты*. См.: С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр.6; А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. «Тюркологический сборник». М. — Л., 1951, стр. 112—49; Н. А. Баскаков.

что форма *сӱзӱнди* в сочетании *сӱзӱнди суw* является глагольным именем с пассивно-страдательным значением («исми мафъул»)[55].

В роли определения глагольное имя на *-ди* стоит перед определяемым именем и называет его качество или свойство: ақынды суw 'проточная вода', әкинди тарығ 'посеянные семена', өкӱндӱ киши 'прославленный человек', ӱбринди нәң 'выбранная вещь / предмет' (ДЛТ, I, 158, 162/128); сәлинди отуң 'дрова, выброшенные [на берег] потоком' (ДЛТ, I, 420/375); амушди әр 'опешивший человек' (ДЛТ, I, 198/165).

Как видно из примеров, форма на *-ди* в некоторых случаях, выражая постоянное качество или свойство предмета, переходит в разряд прилагательных. Такие причастия могут субстантивироваться: қырынды 'оскребки, стружки' (ДЛТ, I, 419/374); салунды 'волосы мужчины, ниспадающие на спину' (Там же, 420/375).

В «Дивāн»е указанное имя употребляется с аффиксом возвратного залога (*-н-*) и имеет форму основного падежа; оно выступает в функции определения. Другие формы и функции этого глагольного имени встречаются в языке «Қутадғу билиг»: Айытмады бәкләргә ачса тилин 'Если он заговаривает с князем, который его не спрашивает' (КБ, XXII, 43/15); Нәгӱ тәр әшитгил ҳилә атлығы, Тус әтмäк кәң көрдӱ киши қутлуғы 'Слушай, что тут говорит глава племени: Раздавай [людям свой] хлеб и соль' (КБ, XXXI, 86/32); Йарынды ажунуғ сӱзӱндикä қоб '[Этот] расколовшийся мир ты оставь, пока он очистится' (КБ, LX, 151/6).

В современном языке форма на *-ды//-ди* в роли причастия не употребляется; она окончательно перешла в разряд глагола.

9. Глагольное имя на *-чы//-чи*

Эта форма образуется от глагольного имени на *-гу//-гӱ* (*-ғучы,-гӱчи*) и выражает имя деятеля. М. Кашгарский указывает, что глагольное имя на *-чы//-чи* употребляется в языке племен чигил, аргу, уйгур и в языке племен, живших в Кашгаре, Барсагане и на границе с Северным Китаем. Огузы употребляли данное глагольное имя в форме *йурычы* 'сват', *тарычы* 'крестьянин'[56].

Причастие на *-ды / /-ты* в тюркских языках. «Труды Московского ин-та востоковедения», вып. 6, 1951, стр. 207—217; П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. «Тюркомонгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 40—71; П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. 1. СПб., 1891, стр. 54; Он же. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. XXI; W. Schott. Versuch über die tatarischen Sprache. Berlin, 1836, стр. 43.

[55] ДЛТ, I, 420/375.

[56] ДЛТ, II, 56/43. В языке «Қутадғу билиг» также встречается эта форма глагольного имени: сатығчы 'продавец', алығчы 'покупатель' (КБ, 1116/3).

Характерно, что М. Кашгарский отличает указанное выше глагольное имя от формы *баручы*, *туручы* [57], которое одновременно называет лицо, совершающее действие, и само действие и указывает, что последняя форма образуется от основ глаголов (у автора: от повелительного наклонения) присоединением аффикса *-чы//-чи*, перед которым имеется соединительный гласный, если основа глагола оканчивается на согласный. В языке «Қутадғу билиг» встречается рассматриваемое глагольное имя в форме *оқытчы* 'тот, который приглашает' (КБ, XLII, 99/18), т. е. без соединительного гласного перед аффиксом *-чы*.

Существовало две формы глагольного имени — на *-ы(-и, -у, -ӱ)* и на *-ығ (-иг, -уғ, -ӱг)*, кроме того — форма на *-ық (-ик, -уқ, -ӱк)*. Из первой образовалось южное причастие *-(й)ы + -жы* (напр., *алыжы*, *верижи*). Из второй развилась кыпчакская глагольно-именная (ее часто называют инфинитивом) форма на *-уғ* > *-уw//-у//-у* (кумык. ~ киргиз. ~казах и др.). В остальных группах языков причастие настояще-будущего времени на *-чы* образовалось, с одной стороны, от форм на *-ығ*, т. е. *-ығ + -чы* (в «Дивāн»е), а с другой — от *-уw/ /-ӯ/ /-у*: *барушчы — барӯчы* (кирг.) ~ *баручы* (ногай. и др.).

Аффикс *-чы* мог образовывать существительные от имен и глагольных основ/ корней. Но при помощи *-чы* нельзя было образовать имени от отрицательной основы глагола, как это обязательно для глагольных имен.

Форма на *-чы//-чи* образуется в основном от глагольного имени на *-ғу//-ӷу/ /-гӱ* и выполняет функцию определения или сказуемого. По своей семантике эта форма причастия в большинстве случаев выражает постоянное качество или свойство предмета, что приближает ее к разряду прилагательных: Өзин тутғучы әр булур қут кӱчи 'Человек, способный себя держать [в руках], находит счастье своими силами' (КБ, XXXIV, 96/28); Бор ичмäз кэрäк ҳам өзин тутғучы, Өзин тутғучы әр қутуғ тапғучы 'Необходим такой [человек], который не пьет вина и владеет собой: человек, владеющий собой, найдет свое счастье' (КБ, XXXVI, 155/5); Мэн иш қылғучы мэн сэн иш көргӱчи ' Я работающий, ты присматривающий' (КБ, 75б/4).

Форма на *-чы//-чи* может употребляться в функции имени существительного: Нэгӱ тэр эшитгил ажун тутғучы, Қылыч балду бирлä йағығ утқучы 'Слушай, что говорит вседержец мира, побеждающий мечом и секирой врага' (КБ, XXXI, 85/24); Йӱрäклиг тэгӱчи уwутлуғ болур 'Тот, кто способен говорить от сердца, бывает стыдлив' (КБ, XXXI, 86/6).

---

[57] Там же.

Синтаксические функции глагольных имен

Глагольные имена в форме основного падежа

Глагольные имена в составе осложненного предложения

Глагольные имена могут управлять дополнениями и обстоятельствами, выраженными именами существительными, наречиями, деепричастиями и местоимениями. Конструкции с глагольными именами выполняют следующие функции.

1. Функцию развернутого определения: Әрүкләр бүтүргү қаны бир кишим ‘Где же мой человек, который бы выполнил [мою] волю’ (КБ, XXVII, 62/35); Қолуп булмағу * нәңни қолма күчүн, Тиләп булмағу нәң тиläмä күчүн ‘Не трать сил на то, что хочется, но невозможно найти. Не трать сил на поиски того, что не может быть найдено’ (КБ, XLV, 109/35); Көни барыр кәйик ‘Олень, который идет прямо’ (ДЛТ, III, 165/112); Сачыратғудын қорқмыш қуш ‘Птица, которая [однажды] испугалась силка [западни]’ (ДЛТ, II, 383/267); Бу қут булмадуқ әр ‘Человек, не нашедший счастья’ (КБ, XIII, 163/25); Мәңа бәрдүги суw ‘Протянутую мне воду’ (КБ, LXVI, 172/35); Өзүн тутқан әр ‘Человек, владеющий собой’ (КБ, XXII, 43/17); Өзин тутғучы әр ‘Сдержанный человек’ (КБ, XXXIV, 96/28).

В большинстве случаев в сложную определительную конструкцию входит глагольное имя на-*р*: Бу йаңлығ кәрäк бу қапуғ башлар әр, Бәки этмäгин йәб ишин ишлäр әр ‘Таким должен быть привратник (букв.: этот человек, начальствующий над вратами), который ест хлеб [своего] господина и выполняет его [свои?] дела’ (КБ, 97б/5).

Глагольные имена на *-ығлы*, *-ган*, *-дачы*, *-чы* редко употребляются как основа сложных определительных конструкций. Другие же формы глагольных имен в этой функции употребляются часто. Образованные на их базе конструкции имеют в известной мере самостоятельное значение. Размещение глагольных имен в предложении более или менее свободно; они могут употребляться после определяемого слова, имея при себе, однако, зависимые слова, составляющие вместе с ним сложное определение: Нәгү ол мәңа ай сөзлägү ‘Скажи мне слово, которое ты должен сказать мне’ (КБ, XXXVII, 168/7); Барды әрän қонуқ көрүб қутқа сақар ‘Уже нет таких людей, которые, увидев гостей, принимают их за счастье’ (ДЛТ, I, 112/179); Бағырсақ бири бир ақы нең бөрүр ‘Один из них [человек] милосердный, другой — щедрый, жертвующий имуществом’ (КБ, LXVII, 174/12). Развернутое определение относится к имени существительному, в редких случаях —

---

* R. Arat: birmegü (стр. 385).

к местоимению: Асығ бәргӱ барча қачар кәδ йырақ ‘Все те, которые должны были бы приносить пользу, убегают далеко’ (КБ, 107а/2).

Глагольное имя на *-ды//-ти* редко служит основой конструкций развернутого определения: Қайу әδгӱ қалды мәңа қылмадың Нәгӱ арзу қалды мәңә бәрмәдиң ‘Какое же осталось добро, [которое бы ты] для меня не сделал; Какое же [из моих] желаний осталось, [которое бы] для меня [ты] не выполнил?’ (КБ, 113б/3).

2. Функцию развернутого сказуемого: Нәгӱ тәк табунғу бәкингә қулы ‘Как рабы должны служить своим князьям’ (КБ, XXXVIII, 168/9); Әшитмиш сөзӱг сән әшитмәдӱк әт, Көзӱн көрмишини көрӱнмәдӱк әт ‘[Делай так, как будто бы] ты не слышал услышанных [тобою] слов, Что глаза твои увидели, пусть будет неувиденным’ (КБ, XLVIII, 116/31); Қадаш тәмиш қаймадуқ, Қаδин тәмиш қаймыш ‘Когда сказали, [что он его] родственник, [то ему] не была оказана честь; [но когда] сказали, [что он его] деверь, [то] ему была оказана честь’ (ДЛТ, I, 383/338); Йағы отын өчӱргән, Тойдын аны көчӱргән, ышлар ӱзӱб кәчӱргән ‘Он был гасителем вражеского огня, прогонял его с пиршеств, разрешал трудные дела’ (ДЛТ, I, 476/429); Кәңаш қылдың әрсә ынаныш мәңа, Муну билмишим ‘Если ты спрашиваешь мой совет, поверив мне: это все, что я знаю’ (КБ, LXIII, 165/15); Ириг табнуры ким бағырсақ сәwä ‘Кто служит [тебе] чистосердечно, любя’ (КБ, XXXIII, 93/35).

3. Функцию развернутого подлежащего: Кишилиг тәдӱгӱм болур әбгӱлӱг ‘Что я называю [подразумеваю под] человечностью — это добро’ (КБ, XXVII, 64, 19); Мәңа мунда йигräг тәдӱги өзӱм ‘Тот, кто здесь может мне сказать (или: кто здесь мне скажет) лучше, — это я сам’ (КБ, LXIII, 163/16); Кишигä тусулмас тӱгäл йас қылур ‘Все, что бесполезно человеку, приносит [ему] вред’ (КБ, XXVII, 65/14); Сәзиксиз көни тәп нәгӱ қылмышы ‘Бесспорно справедливыми были его поступки’ (КБ, XVIII, 67/31); Йалаwач тәдӱгӱм бу тылчы* турур ‘Кого я называю послом, так это [человека], передающего [чьи-либо] слова’ (КБ, XLV, 109/23); Бу дӱнйа тилäкли бу дӱнйа булур ‘Кто желает этот мир, тот находит этот мир’ (КБ, LXVI, 172/30).

4. Функцию развернутого дополнения: Билир мән бу йаңлыг табуғ қылдуқуң ‘Я знаю, какую службы ты несешь [у меня]’ (КБ, XXIX, 72/13); Өзи билмädӱги аныңдын қолур ‘То, что он сам не знает, он требует от другого’ (КБ, XXIX, 73/21), Билӱр сән бу йәрдä бу таъат тапуғ қылуруң нәча әδгӱ ачқай қабуғ ‘Ты знаешь, сколько хороших дверей открываются здесь от твоей покорности и послушания’ (КБ, XLVII, 113/29).

---

* R. Arat: ilçi (стр. 384).

5. Функцию обстоятельства (условия, цели, причины, образа действия и др.):

а) Киши алғу туғса оғул қыз өкүш 'Если жениться, много сыновей и дочерей может родиться' (КБ, XLII, 196/6); Адаш қолдаш әрдаш қабаш ашлары, Болур әрсә көргү барып ишлäри 'Если это угощение друзей, товарищей, родственников, то надо [итди] и [одновременно] помогать (букв.: смотреть) в их делах' (КБ, LV, 130/31);

б) Күвänч қылды өзгä бу булмиш өдүг 'Он добился доверия к себе, так как выполнил просьбы' (КБ, XXIII, 45/25); Бу йазуқ кэчүрмиш муйан қыл азуқ 'Простив этот грех, дай попить и поесть (букв.: сотвори водопой и провиант)' (КБ, XLII, 200/6);

в) Бу сөзни әшит, ай мәңä кәлмädүк ' Слушай это слово, раз ты не пришел ко мне' (КБ, XLVI, 112/21);...шату көрдүгүм Тириглик турур ай қабаш йөрдүгүм 'То, что я увидел лестницу, по моему толкованию означает жизнь, о родственник' (КБ, LXVI, 172/33).

Глагольные имена в составе сложного предложения

Глагольные имена могут функционировать в роли сказуемого одной или обеих частей бессоюзного сложного предложения [58], или же придаточного предложения в составе сложноподчиненного предложения.

Глагольное имя на *-р ~ -с* по своей семантике в языке памятников стоит близко к глаголу и отличается сравнительной самостоятельностью, чем и объясняется частое употребление его в функции сказуемого. Положение придаточного предложения, сказуемое которого выражено глагольным именем на *-р ~ -с*, в сложном предложении относительно свободное. Подобные придаточные присоединяются к главному предложению при помощи сочинительного союза *ма* и частицы *тақу//тақы//тағы*.

Подлежащее придаточного предложения, сказуемое которого выражено глагольным именем, оформляется в основном падеже [59]. Глагольные имена могут выступать в функции сказуемого придаточных предложений различных типов.

1. В придаточных определительных предложениях особого типа [60] (глагольные имена на *-р*, *-мыш*, *-ғу*, *-дук*); подобное пред-

---

[58] См. раздел настоящей работы «Бессоюзные сложные предложения».

[59] В современном узбекском языке в указанных конструкциях имя, называющее субъект, в некоторых случаях употребляется в форме родительного падежа. П. М. Мелиоранский отмечает, что в современном ему киргизском языке субъект таких конструкций чаще встречается в родительном падеже: Seniñ alγan baltaй...; см.: La syntaxe kirghize de P. M. Melioranski. Louvain, 1922, § 106.

[60] О придаточных предложениях особого типа см.: Г. Абдурахманов. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка. Ташкент, 1960, стр. 82—83.

ложение обычно предшествует определяемому имени в главном предложении: Көңүл таплапас ышқа йақса хатар ‘Опасно приступать к делу, которое [тебе] не по душе’ (КБ, XLI, 105/24); Мән аймыш бу сөзләр ‘Эти слова, которые я говорю’ (КБ, XLI, 189/3); Сән аймыш бу сөзләр ‘Эти слова, которые ты говоришь’ (КБ, XLII, 196/3); Бөгү билгә өгмиш қылыҫ ‘Поступок, одобренный героями’ (КБ, LV, 131/21); Өзуң йатғу орну ‘Место, где ты должен жить’ (КБ).

В некоторых случаях придаточное предложение указанного типа может располагаться после определяемого имени, что приводит к его обособлению: Байат бәргә учмақ көр езүң тура (р)*, ‘Бог укажет [тебе] на рай [в качестве] твоего местожительства’ (КБ, XLII, 100/4); Баса ** əw қызы ал əлиг тəгмädүк, Сəниндə адын əр йүзүн көрмädүк ‘Возьми себе жену, [которой] не коснулась [ни одна] рука и [которая] не видела лица другого человека, кроме твоего’ (КБ, LIII, 128/1).

В отдельных случаях подлежащее или сказуемое придаточного предложения оформляется аффиксом принадлежности: Өзүм йиглädүки бу қуллуқ аты ‘Имя этого раба, которого я сам восхваляю...’ (КБ, 74б/8); Сән өз билмишиң сөзни айдың мəңа ‘Ты сказал мне слово, которое знаешь сам’ (КБ, 117а/13).

2. В условных придаточных предложениях (глагольные имена на *-р*, *-дäчи*): Тилäкчä болур иш тапуғчы бəдүр ‘Если дела идут согласно желанию, то слуга возвышается’ (КБ, XXVIII, 68/4); Бу сақлық болур ҳам удуғлуқ болур ‘Будет проявлены осторожность и бдительность’ (КБ, XXXI, 88/1); Бари-йа тəп қылып йорыр көңли бай ‘[Кто] живет и действует, обращаясь к богу, душа того богата’ (КБ, LXIX, 180/25).

3. В уступительных придаточных предложениях (глагольные имена на *-р*): Қанчук қачар ол тутар ‘Когда бы он ни убежал, он его поймает’ (ДЛТ, I, 203/169); Айдым асыҫ қылғу əмäс сəн тақы йалбар ‘Я ему сказал: сколько бы ты ни умолял, это не поможет’ (ДЛТ, I, 455/409); Шäкäр, халва йəгли йа арба ўйўр... ‘Едят ли сахар, халву или ячменную кашу...’ (КБ, XLIII, 103/6).

4. В придаточных предложениях времени (глагольное имя на *-ғу*, *-р*//*-с* ~ *-з*): Киши алғу туғса оғул қыз өкўш ‘Когда человек женится, рождается много сыновей и дочерей...’ (КБ, 124б/9); Көзүм йашы сawруқуб қуды ақар, Билниб ажун əмгägин тўгäл уқар ‘Когда я понимаю все трудности мира, у меня обильно льются слезы’ (ДЛТ, II, 265/180).

5. В придаточных предложениях причины (глагольные имена на *-мыш*, *-ҫлы*): Өлўмгä туғуҫлы тириг ким қалур?*** ‘[Так как они] родились для смерти, кто же может остаться в живых?’ (КБ, XXV, 50/20); Мунуқы өтўндўм айытмыш тушы ‘Вот то, что я до-

* R. Arat: ornung töre (стр. 352).
** R. Arat: usa (стр. 450).
*** R. Arat: kanı (стр. 137).

ложил, [потому что] он заставлял говорить постоянно' (КБ, XXXII, 93/16) [61].

6. В относительных придаточных предложениях (глагольное имя на *-р*): Сәни ким ағырлар аңырла аны 'Кто оказывает тебе честь, тому оказывай ее и ты' (КБ, XLVIII, 118/11).

Сочетания глагольных имен с модальными словами и глаголом-связкой

Глагольные имена могут сочетаться с глаголом-связкой (*әр-*, *бол-*, *тур-*), а также с некоторыми модальными словами (*кәрәк*, *бар*).

Глаголы-связки употребляются для указания времени, лица и числа. М. Кашгарский отмечает, что недостаточный глагол *әрди* в сочетании с глагольным именем используется для передачи прошедшего времени, а вспомогательный глагол *турур* — настоящего [62]. Однако сочетаемость глагольных имен с указанными грамматическими средствами не одинакова. Так, глагольные имена на *-тачы* и *-дук* сочетаются только с глаголом-связкой *бол-*, форма на *-ды* — только с *әр-*. Глагольные имена на *-ган* не сочетаются с глаголом-связкой *тур-* и модальным словом *бар*, форма на *-глы* — с недостаточным глаголом *әр-* и глаголом-связкой *бол-*; сочетаний же форм на *-р* с модальным словом *бар*, на *-мыш* с *кәрәк* и на *-чы* со всеми указанными выше средствами не встречается. Вместе с тем наблюдается широкая сочетаемость глагольных имен на *-гу*, *-р*, *-мыш* с глаголом-связкой и отдельными модальными словами. Это, видимо, объясняется тем, что данные формы, выступая, в основном, в предикативной функции, имели определенную семантическую самостоятельность и в языке XI в. были самыми употребительными.

1. Сочетания с недостаточным глаголом әр-

Различные формы недостаточного глагола *әр-*(*әрди*, *әрсә*, *әркән*, *әринч*), сочетаясь с глагольным именем, выступают в роли сказуемого; при этом каждая из указанных выше форм недостаточного глагола несет особую семантическую нагрузку. Сказуемое недостаточного глагола *әр-* одновременно является средством связи придаточного предложения с главным.

---

[61] В древнетюркском языке в функции сказуемого придаточного предложения причины выступала также глагольная форма на *-дӱҧ*//*-дук*, что объясняется широким функционированием этой формы в языке древнетюркской письменности, например: тӓңри унамадук awунчу қатун болзун... 'Так как небо не было милостиво, то пусть будет утешением [т. е. пусть рассудит?] княгиня' (Гадательная книжка, 57, XXXVIII. См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М. — Л., 1951, стр. 83 и 89).

[62] ДЛТ, II, 1691/133.

Отрицательными формами недостаточного глагола *эр*-являются *эрмäс* и *эмäс* (последняя форма встречается только в «Дīвāн»е; она, по всей вероятности, была характерна для разговорного языка): Тəлим қалғу эрмäс бу тиригlик күни, Узун барғу эрмäс улуғлуқ ўни ‘Эти дни жизни долго не продлятся. Долго не сохранится слух [молва] о величии’ (КБ, LXVII, 175/18);... асыр қылғу эмäс ‘[Эта] не принесет пользы’ (ДЛТ, I, 455/409). Отрицание может передаваться аффиксом *-ма*, присоединяемым к основе глагольного имени: Əшитмäгўм эрди аның сөзläрин ‘Если бы я не слышал его слов’ (КБ, XLV, 110/25); Өлўм тутмас эркäн... ‘Прежде чем смерть схватит тебя...’ (КБ, LXII, 162/15).

Глагольное имя с недостаточным глаголом функционирует в роли сказуемого простого самостоятельного предложения. Время совершения действия определяется формой глагольного имени и, главным образом, контекстом: Бурун ыдғум эрди қамуғ əдгўлўг ‘Мне следовало бы прежде делать добро’ (КБ, XXIV, 48/17); Көңўл өлмиш эрсä болуп * тип тирик ‘Если бы чувство (букв.: сердце) не умирало, будучи совершенно живым’ (КБ, LXII, 161/28); Нəлўг туғдум эрки йана өлгäли? Нəлўг кўлдўм эрди сығыт көргäли? ‘Зачем же я родился чтобы снова умереть? Зачем я только смеялся, чтобы услышать (букв.: увидеть) рыдания?’ (КБ, XXIV, 48/22); Болдуң эринч болмағу ‘[Поэтому] ты попал в столь неудобное положение’ (ДЛТ, III, 263/186).

Глагольное имя с недостаточным глаголом может употребляться в функции сказуемого разнообразных придаточных предложений:

1) в функции сказуемого условного, уступительного или относительного предложений (глагольное имя на *-ғу*, *-р*, *-ды* с недостаточным глаголом *эр-сä*): Нəгў қолғу эрсä ача сөзлä қол ‘Чего ты желаешь, говори открыто, проси’ (КБ, XLII, 201/9); Тиригlиг ўчўн өкнўр эрсä өзўң, Өкўн тўтчи йығла қурутма көзўң ‘Если ты чувствуешь раскаяние за свою жизнь, кайся, плачь, не давай своим глазам высохнуть!’ (КБ, XXV, 51/25); Абаң қопмас эрсä өзўң таң била ‘Если [утром] ты не встанешь вместе с зарей’ (КБ, XXVI, 60/27); Қалы өлмиш эрсä ағырлап көтўр ‘Если [кто-либо] умер, то понеси его [в последний путь] с почестями’ (КБ, XXXI, 89/16); Қалы айдың эрсä өкўнчи билин** ‘Но если ты совершил [это, то] знай, [что это] приведет к раскаянию’ (КБ, XXXV, 97/32); Сəн өк бил нəгў қылғу эрсä кəңäш ‘Ты советуйся, но сам знай, как надо поступать в этом деле’ (КБ, XLII, 99/27);

2) в функции сказуемого придаточного предложения времени с оттенком придаточного образа действия (глагольное имя на *-р*~

---

* R. Arat: bolur (стр. 565).
** R. Arat: yılın (стр. 282).

$\sim c +$ недостаточный глагол *әр-кән*) [63]: Ол кәлўр әркән көрдўм ‘Я видел его, когда он пришел’ (ДЛТ, I, 132/99); Қылыч тәбрәр әркән йағы тәбрәмäс ‘Когда размахивают мечом, [его] враг неподвижен’ (КБ, XXXI, 85/26);

3) в функции сказуемого придаточного предложения времени (глагольные имена на *-ғу* и *-ды* с недостаточным глаголом): Сәңа тәккў әрмäс тапуғда аbын ‘Кроме службы, тебе [ничего] не достанется’ (КБ, XXVI, 57/1); Әлиг турду әрсä аңар ачты көз ‘Когда Элик поднялся, он взглянул на него’ (КБ, XXVII, 64/27);

4) в функции сказуемого придаточного сопоставительного предложения, в котором выражается противопоставление или несоответствие (глагольные имена на *-ди*, *-р* $\sim$ *с*, *-ган* в сочетании с недостаточным глаголом *әрди*): Байат бәрди әрди аңар җан räван, Йана йандру алды чықыш барды җан ‘Бог дал ему душу [для жизни], теперь он взял ее назад, душа покинула его’ (КБ, LXIX, 179/38); Мән унамас әрдим, ол мәни унатты ‘Я не соглашался, но он уговорил меня’ (ДЛТ, I, 221/185); Сәңа таппур әрди мәниң бу өзўм, Мунақы аҗал тутты, кәслўр сөзўм ‘Я [охотно] служил бы тебе еще, [но] меня настигла смерть, и мое слово кончается’ (КБ, XXIV, 49/3); Әрди ашын татурған йawлақ йағыр қачурған, Оғрақ сўсин қайтарған, Басты өлўм ахтару ‘[Хотя и] он был гостеприимным, победителем [своих] врагов, он повернул назад войско [племени] оғрак, [но] смерть его настигла’ (ДЛТ, I, 471/425);

5) в функции сказуемого придаточного предложения причины (глагольное имя на *-ды* в сочетании с недостаточным глаголом *әрсä*): Байат бәрди әрди уқуш өг билиг, Төзў әбгўлўгкä тәгўрдўм әлиг ‘[Так как] бог наградил меня умом, рассудком и знаниями, я приложил руку ко всему хорошему’ (КБ, XLII, 202/8); Аттын әмди сән төңўл, Қылдың әрсä қылмағу ‘Так как ты сделал то, что не надо было, то теперь не рассчитывай на коня’ (ДЛТ, I, 104/71);

6) в функции сказуемого придаточного определительного особого типа (с недостаточным глаголом *әркән*): Йәр әркән ашыр тўртмä тәрги ўзä ‘Когда ты обедаешь, не наклоняйся к столу’ (КБ, LV, 131/10).

2. Сочетания с глаголом-связкой турур-

Глагол-связка *турур-* в сочетании с глагольным именем на *-ғу*, *-р*, *-мыш*, *-елы* указывает на наличие качества или состояния в настоящее время. Такие конструкции представляют собой самостоятельные предложения или входят в состав сложного предложе-

[63] По мнению М. Кашгарского, недостаточный глагол *әр-кән* указывает на то, как, каким образом осуществляется действие (ДЛТ, I, 132/99). А. К. Боровков полагает, что в языке «Тефсира» недостаточный глагол *әркән* в сочетании с глагольным именем на *-р* выполняет функцию сказуемого придаточного предложения времени. См.: А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, II. «Советское востоковедение». М., 1949, VI, стр. 45.

ния в качестве его составной части: Нәчä ма * йашаса өз өлгӱ турур, Улашмыш әт өзлäр ӱзӱлгӱ турур ‘Как бы долго душа ни жила, она должна умереть, Все соединенные [друг с другом] души [люди] обречены на разлуку’ (КБ, LXVII, 175/19); Сәңа ма анулмыш турур бу өлӱм ‘И для тебя готовится эта смерть’ (КБ, XXV, 57/27); Ай Әлиг, бу дӱнйа кәчимлиг турур, Тиригликкӱнингä тӱгäл ** алқынур ‘О Элик, этот мир преходящ, с каждым днем уходит (букв.: укорачивается) жизнь’ (КБ, XLV, 108/17).

3. Сочетания с глаголом-связкой бол-

Глагол-связка *бол-* используется для указания на настоящее или будущее время: формы *болур*, *болайын*, *болғай* — для будущего и настоящего времени и форма *болса* — для настоящего и будущего времени.

Глагол-связка *бол-* в значении настоящего времени в сочетании с глагольным именем может выступать в роли сказуемого самостоятельного простого предложения или же одной из частей бессоюзного сложного предложения: Өтämиш болайын атасы ҳақын ‘Я воздам [ему] за услуги [его отца]’ (КБ, XXVII, 64/17; Киши аслы әдгӱг унытмас болур, Киши урғы көңлин ымытмас болур ‘Человек в своей сущности не забывает добра, Он не может огорчить сердце человека’ (КБ, XXVII, 64/20). Унытған болур көрсä өгсӱз киши ‘Неразумный человек забывчив, если что-либо увидит’ (КБ, XXXVI, 155/12); Йашық йанды болғай йана орныға ‘Солнце возвратилось опять на свое место’ (КБ, Наманганская рукопись, 9б); Әт өз тобса қанса болур буғрағу ‘Если человек утолил свой голод и жажду, то он становится как бык’ (КБ, LXIX, 180/22): Өтämиш болур сән өзӱң ҳақларың. Олар ма өтämиш болур өз ҳақын ‘[Так] ты выполняешь свои обязанности, И они тоже выполняют свои обязанности’ (КБ, LXI, 158/36).

Глагол-связка в деепричастной форме *болуб* выражает образ действия: Аңа кәлсӱ арзу қурымас болуп, Қабуғ тутсу дäвлат қарымас болуп ‘Пусть будут непреходящими (букв.: пусть текут) твои желания, пусть им не будет конца (букв.: пусть не высыхают). Пусть счастье будет в твоем доме (букв.: пусть держит твою дверь) и не стареет’ (КБ, XXI, 38/9).

Глагол-связка в форме *болса* в сочетании с глагольным именем выступает в функции сказуемого придаточного предложения условия: Ачығ бәргӱ әрсä әwä *** тәрк тәгӱр, Қынын бәргä урса амуллуқ удур ‘Если поступают (букв.: дают) поспешно, то непременно наступает разочарование, Если поступают (букв.: дают) обдуманно, то следует удовлетворение’ (КБ, LX, 147/29); Қалы қастачы болмаса ол оғул, Йawa болды сән ол оғулдын төңӱл ‘Но если сн

* R. Arat: ming (стр. 609).
** R. Arat: tüker (стр. 380).
*** R. Arat: ivit (стр. 520).

с ним не строг, то сын станет порочным, от такого сына отвернись› (КБ, XXV, 51/6); Әлиг болмадуқ болса әлгä әлиг, Узатур буδунқа әлиг ма тилиг ‘Когда человек не получает власть над государством, то он домогается власти над народом силой и [добрым] словом› (КБ, LXIII, 163/26).

4. Сочетания с модальным словом кәрäк

Модальное слово *кәрäк* указывает на необходимость осуществления действия или состояния, названного глагольным именем. Конструкция с модальным словом *кәрäк* представляет собой отдельное простое предложение или же входит в состав сложного предложения: Бу ики кишигä сөз ачғу кәрäк, Сөз ачса ҳавалары * йутғу кәрäк ‘Двум этим людям следует раскрыть [смысл] слов. Если заговорила их гордость, [то слушающему] нужно поглотить [обиду]› (КБ, XXXV, 97/21); Бор ичмäз кәрäк кəδ өзин тутғучы ‘Нужен не пьющий вина, очень сдержанный человек› (КБ, XXXIV, 96/28); Тириг йаңлуқ оғлы тосулған кәрäк, Тосулмаз киши тоғса өлгäн кәрäк ‘Живой сын человеческий должен приносить пользу. Если родился бесполезный человек, [то надо рассматривать его] как мертвого› (КБ, XL, 188/4); Сөз уққан кәрäк ‘необходим понятливый [человек]› (КБ, 99б/5); Айытғу кәрäк сөз киши сөзлäсä, Айытмаса сөзни қатығ кизлäсä ‘Следует говорить нужное слово, когда об этом его спрашивают. Если же его не спрашивают, то он должен молчать› (КБ, XXII, 43/30);... өпмиш кәрäк ‘следует целовать› (ДЛТ, I, 176/143); Қамуғ нəң tawарығ билигли кәрäк, ағырын ўҳўзин уқуғлы кәрäк ‘Он должен знать [толк] в различных товарах, должен понимать, [что из них] дорого, [а что] — дешево› (КБ, XXXVI, 158/1).

Глагольное имя на *-ғу* в одних случаях сочетается с модальным словом *кәрäк*, а в других аналогичных случаях не сочетается: Ачынғу кәрäк ‘Необходимо оказать сочувствие› (КБ, XXXI, 89/12). Но: Улуғдын эшитгў кәрäклиг сөзўг ‘Нужно слушать мудрые (букв.: нужные) слова старших› (КБ, XXII, 44/ 37) Такое положение объясняется, видимо, тем, что глагольное имя на *-ғу* само по себе выражает действие или состояние, осуществление которого относится к будущему времени. Поэтому отпадает необходимость подчеркивать указанное грамматическое значение особым словом *кәрäк*.

5. Сочетания с модальным словом бар *и* йоқ

Модальное слово *бар* и *йоқ* в сочетании с глагольным именем образуют предикативную конструкцию. Роль обоих модальных слов сводится к указанию наличия или отсутствия действия или

* R. Arat: avağları (стр. 281).

состояния: Әмгәксизин турғу йоқ ‘Нельзя жить без мучений // труда’ (ДЛТ, I, 397/351); Тәлим көрмишим бар ‘Много я видел’ (КБ, XXXII, 93/7); Толғусы бар ‘Будет совершенствоваться’ (КБ, 65а/4).

Сочетаемость модального слова *бар* с формами глагольных имен ограничена. Конструкции с *бар* в основном представляют собой односоставные предложения.

Глагольные имена в форме винительного, направительного, местного и исходного падежей

Оформление глагольных имен аффиксами соответствующего падежа зависит от управляющего члена — от формы глагольного имени, что видно из следующей таблицы:

Форма глагольного имени	Падеж
-ғу, -р, -мыш, -ған, -дуқ	винительный
-ғу, -р, -мыш, -ған	дательно-направительный
-ғу, -р, -дуқ	местный
-мыш	исходный

Большинство глагольных имен имеет форму винительного и дательного падежей [64]. Аффиксы падежей глагольных имен в функции предиката являются средством связи зависимой части (придаточного предложения) с главной частью [65], соответствуя по своей функции подчинительным союзам и относительным местоимениям в индоевропейских языках. Выступая в функции сказуемого, глагольное имя изменяет свою семантику, приближаясь к verbum finitum.

1. Глагольные имена в форме винительного падежа

Глагольные имена в форме винительного падежа служат для образования конструкций осложненного предложения или входят в состав сложного предложения. Управляемая глагольным

[64] Следует различать глагольные имена в форме падежей и субстантивированные их формы, которые также могут изменяться по падежам: Йарар ма йарамасларығ ‘Подходящих и неподходящих’ (КБ, LII, 124/34); Суw бәрмәсгә сўт бәр ‘Дай молоко тому, кто не дал [тебе] воды’ (ДЛТ, III, 142/94); Қамуғ тәбрәнўргә ‘Ко всем созданиям’ (КБ, XXIX, 71/15); Нийат әбгў қылғанға ‘Тому, кто желает добра’ (КБ, LXIII, 162/28).

[65] В. М. Насилов называет аффиксы падежей в указанной позиции «аффиксами включения» — см.: В. М. Насилов. Аффикс включения. «Вопросы языка и литературы стран Востока». (Уч. зап. Ин-та международных отношений, вып. I). М., 1958, стр. 42—49.

именем в форме винительного падежа конструкция обычно не имеет особого подлежащего. Имя, называющее субъект, не является подлежащим, если оно не стоит в форме основного падежа:

а) Осайуқ бу йалңуқ билир өлгўсин 'Человек знает, что он должен умереть' (КБ, LXVI, 173/16); Нәгў иш қылуруң кишигә кәңäш 'Посоветуйся с людьми, что тебе делать' (КБ, LXII, 160/35); Нәгў қылмышыңны сән аδра сача, Йора бәрдиң, уқтум қамуғны ача 'Ты разобрал и растолковал все, что сделал, я хорошо понял все' (КБ, XVIII, 42/11); Нәгў булмышың халққа қылгыл ўлўш 'Всем, чем ты владеешь, поделись с народом' (КБ, LX, 150/1);

б) Сәwäр сәwмäсин өз билäйин тәсä 'Если человек хочет знать, любят его или нет...' (КБ, XXIX, 73/ 9); Битисä билир әр нәгў қылмышын '[А если] он запишет, то человек знает, что он сделал' (КБ, XXX, 79/23); Йана чықты оғлан айытты сөзин, Қайун кәлмишин ҳам тилäгин өзин 'Снова выступил слуга (букв.: юноша), попросил сообщить о том, откуда он пришел и что хочет' (КБ, LXIX, 170/3); Мәңа айғыл әмди эшитмиш өмиш 'Скажи мне теперь, что ты слышал и думал' (КБ, XLV, 110/14); Аны тыңла барғу азу бармағу 'Слушай его, пойдет он или не пойдет (КБ, LX, 130/30).

Конструкция, управляемая глагольным именем в форме винительного падежа, может представлять собой придаточное дополнительное предложение, если она имеет особое подлежащее, отличное от подлежащего главного предложения: Билўр әрдиң әмди ҳафāчы ажун ҳафā қылғусын 'Ты же знал, что этот мир — бездушный, что он причиняет страдание' (КБ, XXV, 52/23); Мәниңдä кәδин сән нәгў қылғуңы Айайын 'Я хочу сказать, что ты должен делать после меня' (КБ, XXV, 53/7); Қалы қолса сән сөз йорық болғусын 'Если хочешь, [чтобы твои] слова производили впечатление' (КБ, XLIX, 123/26); Бу Одғурмыш Өгдўлмиш бирлä муназара қылмышын айур 'Эта [глава] говорит о споре между Одгурмышем и Огдюлмишем' (КБ, XLII, 192/11); Айытса өтўнгил билириң өзўң 'Если от тебя требуют говорить, доложи то, что знаешь сам' (КБ, XLVIII, 118/28); Тақы ма нәгў сөз йорымышлырын, Қадашым эшитти, өтўнгäй тилин 'Учти, все слова, которые были произнесены [здесь], [А еще] об остальном слышал мой родственник, он сообщит тебе устно' (КБ, XLV, 109/14); Кўчўң йәтмишин қыл 'Делай то, на что хватит у тебя сил' (КБ, LXIII, 169/12); Фäриштä битир қул нәгў қылмышын 'Ангел записывает все, что делает раб' (КБ, XXX, 79/28); Тайған йўгўргäнни тилкў сәwмäс 'Лиса не любит быстробегого борзого' (ДЛТ, II, 23/14); Баб тапуғчылар ҳақы бәклäр ўзä нәгў тәк әрдўкин айур 'Глава говорит о долге подданных князю' (КБ, XXXIX, 15);... Өзўм билмишин өтўндўм сәңа 'То, что я знаю, доложил тебе' (КБ, LXIII, 169/6).

В современном узбекском языке подлежащее таких глагольных конструкций имеет форму родительного падежа. Ха-

рактерно, что уже в языке XI в. имеются отдельные **глагольные** конструкции, субъект которых принимает форму родительного падежа: Бу әрди ай Әлиг мәниң билмишим ‘Вот, Элик, то, что я знаю’ (КБ, XXX, 77/4) [66].

2. Глагольные имена в форме дательного падежа

Глагольные имена на *-ғу*, *-р* могут иметь форму дательного падежа и служить для образования конструкций осложненного предложения или входить в состав сложного предложения.

Глагольные имена в составе осложненного предложения указывают, с какой целью осуществляется действие, названное основным [67] сказуемым: Бу әл тутғуқа көр ат сӱ кәрәк, әр ат тутғуқа нәң tawap тӱ кәрәк ‘Чтобы управлять народом, ему нужны конница и войска. А чтобы содержать конницу, ему нужно много добра и средств’ (КБ, XXXI, 83/8); Сәни көргӱгә ол көз ачты ‘[Только чтобы] увидеть тебя, он открыл [свои] глаза’ (КБ, XLII, 99/5); Өз асғы тиләргә кәңәшмәгӱ сөз ‘Не давай совета, [только для того] чтобы добиться собственной выгоды’ (КБ, XLII, 99/22); Бу әмгәк йӱк ол бир ағыр йӱбгӱгә ‘Это страдание — бремя, очень трудно вынести его’ (КБ, XXIX, 72/9); Талу әр тиләсә йақын тутғуқа ‘Если хочешь приблизить [к себе] отличного мужчину [человека]’ (КБ, XLIX, 121/34).

Глагольное имя в форме дательного падежа может служить для образования придаточного предложения цели, причины или дополнительного, если при нем имеется особое подлежащее: Сән өк бәр мәңә куч қамуғ әбгӱгә, әлиг асрағылар йӱки йӱдгӱгә ‘Ты дай мне силу на все хорошие дела, Чтобы я мог нести бремя [твоих] подчиненных’ (КБ, XXVIII, 68/32); Оқығчы кәлӱргә анунғу кәрәк, Узун йол йурырға этингӱ кәрәк ‘К приходу призывающего [к смерти] нужно готовиться, Нужно собираться в далекий путь’ (КБ, XXVI, 59/26); Байатқа шукур қылды артуқ өкӱш, Байат бәрмишиңә оғулқа уқуш ‘Он поблагодарил бога еще сильнее, [За то, что] бог наградил его сына [таким] умом’ КБ, XXV, 52/8); Айытмышқа Әлиг жаваб қылды өз ‘Так как требовал Элик, дал он [следующий] ответ’ (КБ, XL, 182/10); Өбләк қарытмышқа боӱғ талықмас ‘Тому, кого состарило время, краска не вредна’ (ДЛТ, II, 352/245).

---

[66] В языке памятников последующих эпох субъект подобных глагольных конструкций все чаще встречается в форме родительного падежа: Йақуб оғланларын тәвә бирлә кәлӱрин көрди (Қысасул анбийа ١٨٨);... буларның кәч қалғанларын айта бәргил (Там же); ...дадамның бу замән кәлӱрини (Бабурнама, 123); Елниң нә қылғаныны айтай (Шажараи тараками, ٥٩) и др.

[67] Основным сказуемым называется сказуемое главного предложения или основной части простого или осложненного предложения.

3. Глагольные имена в форме местно-временного падежа

В форме местно-временного падежа в большинстве случаев употребляется глагольное имя на *-р*; другие виды глагольных имен (на *-мыш*, *-дуқ*) [68] в этой форме употребляются сравнительно редко.

Глагольное имя в форме местно-временного падежа, имея при себе имя, наречие, деепричастие и др., образует конструкции осложненного состава. Конструкции с глагольными именами выражают временные отношения и отношения условия: Қабуғқа кирўрдä оңун ашну маң, Тилин йарлықарда өгўң бирлä аң 'Если ты входишь в дверь, то сперва ступай правой ногой. А когда приказываешь (букв.: языком), то думай разумом' (КБ, XLVIII, 116/26); Әлиг айды: бәккä әди көδ йawуз, Тилин сөзлämиштä йана йанса өз 'Элик сказал: очень плохо для князя, когда он отказывается от сказанного [обещанного]' (КБ, LIX, 143/13).

В некоторых случаях глагольное имя на *-р* в форме местно-временного падежа называет действие или состояние, протекающее в определенный отрезок времени; данная форма по своей семантике приближается к именам действия: Оқырда ануқ тут көңўл ол йағы 'При чтении держи в уме врага' (КБ, XXXI, 82/27); Ҳажыбларқа артуқ кўδäзгў өзўг, көрўрдä көзўг ҳам өтўкдä сөзўг '[Из всего этого следует, что] хаджибу надо беречь себя, При созерцании — глаз, при донесении — слово' (КБ, XXXII, 93/10).

Во многих случаях такая форма глагольного имени выражает не простое понятие, а сложное, которое в современном языке обычно выражается словосочетанием: Көрўрдä өзўңни кўйўрмä кўчўн 'Если ты увидишь что-либо, не гори желанием' (КБ, XLIII, 103/17); йанарда қадашымқа айдым бу сөз 'При уходе я сказал об этом моему родственнику' (КБ, XLV, 110/30); Айыттуқта сөзлä, оқыдуқта кир 'Говори тогда, когда [тебя] просят, входи тогда, когда приглашают' (КБ, XLVIII, 118/2); Тилäдўктä тутчы қабуғда болур 'Когда бы [ты] ни потребовал, он всегда у ворот' (КБ, XXXV, 98/29).

Глагольное имя на *-р* может выполнять функцию сказуемого придаточных предложений следующих типов:

1) условно-временного: Айа көз көрäрдä болур бəлгў сөз 'Знак становится словом при чтении (букв.: если посмотрит глаз)' (КБ, XXVI, 61/9);

---

[68] Сочетание глагольного имени на *-дук* в форме пространственных падежей Э. В. Севортян считает деепричастием, функционирующим в роли сказуемого придаточного предложения. См.: Э. В. Севортян. О сложноподчиненном предложении в тюркских языках. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. М., 1961, стр. 127, 128.

2) временного: Йаруқ йўлдўз тоғарда, уδну кәлип бақарман ‘Когда взойдет яркая звезда и я встану ото сна и буду смотреть’ (ДЛТ, III, 169—170); Азыр тын кәсärдä оңарды йолы ‘Они стали на истинный путь, когда унеслась их душа’ (КБ, XLVII, 114/13); Ширäни чықарда көрўп сақласа ‘Когда выносят еду, то пусть он присматривает’ (КБ, XXXIII, 94/4); Унутмасуны ол дуъада мәни, Байатқа уладуқта сиррин көни ‘Пусть он не забывает обо мне в своей молитве, Когда он приобщает бога к своей правдивой тайне’ (КБ, LXII, 161/4); Сәвинчлиг тәдўктä сақынч кәлтўрўр ‘Когда жаждут радость, то навлекают [на себя] горе’ (КБ, LXIII, 167/3);

3) уступительного: Бу ҳалығ билирдä нару барса мән, әδи артақ әрди табуғ қоδса мән ‘Если я [несмотря на то, что] знаю это, пойду туда и оставлю службу, это будет пагубным для меня’ (КБ, LXIII, 163/20).

Как видно из приведенных примеров, функции глагольных имен и соотнесенность их с придаточным предложенем определяется, в основном, контекстом.

4. Глагольное имя в форме исходного падежа

В форме исходного падежа употребляется глагольное имя на *-мыш*. Другие глагольные имена в исходном падеже в языке памятников XI в. не встречаются.

Глагольное имя в исходном падеже составляет сказуемое придаточного предложения дополнения: Тарығчы кишилäр болур әлги кәң, Байат бәрмишиндин тутар көңли кәң ‘Земледельцы щедры (букв.: широкой рукой) тем, что дал им бог, их душа открыта’ (КБ, LII, 126/24); Байат бәрмишиндин мәңа қыл ўлўк ‘Удели мне часть [долю] из того, что дал [тебе] бог’ (КБ, LIX, 144/9) [69].

Глагольные имена с послелогами и вспомогательными словами

Глагольные имена могут сочетаться с послелогами *ўчўн* // *ичўн* и словами *кәδин*, *бәрў*, *ашну*, *өдўндä* в роли вспомогательных слов. Сочетаемость с вспомогательными словами особенно характерна для глагольных имен на *-р* и *-мыш*, формы же на *-ғу* и *-δуқ* сочетаются только с послелогом *ўчўн*. Примеры на сочетание других форм глагольных имен с послелогами и вспомогательными словами не встречаются.

1. Глагольное имя в форме основного падежа в сочетании с послелогом *ўчўн* может служить для образования осложненного

[69] В языке «Огузнамә» форму местного и исходного падежей принимают не только глагольные имена, но и деепричастия на *-(и, у)б/п*: эртä болупта; муз тағларда көп соғук болупт'ın. См.: А. М. Щ е р б а к. Сказание об Огузе. Канд. дисс., стр. 114.

предложения или входить в состав сложного предложения. В составе осложненного предложения глагольно-именные конструкции указывают на причинную связь: Йақынлық ичӯн (اجون) бир байат, муйан бәрсу(н) 'Так как бог сблизил [нас], То пусть он даст нам удовлетворение' (КБ, XLII, 192/13); Камуғ бир тоδум йәм аш ичкӯ ӯчӯн, Өзӯңни уӂуз қылмағыл сән кӯчӯн 'Не роняй себя из-за того, чтобы один раз поесть и попить' (КБ, LV, 120/39).

Глагольное имя с послелогом *ӯчӯн* может выступать в функции сказуемого придаточного предложения причины; одновременно послелог является средством связи придаточного с главным: Әwи тәбрәмәзи ӯчӯн өз артамас 'Так как не трясет его дом, то и сам он не гибнет' (КБ, XVIII, 34/18); تك اول سرسنكاوز قىلمىش اوجون 'Все это произошло только потому, что я встретился с тобой' (КБ, XLII, 195/14); Битинмиш ӯчӯн сөз унытмас қалур 'Так как слова записываются, они не забываются' (КБ, 101a/10).

Подлежащее придаточного предложения обычно не согласуется в лице и числе со сказуемым, если последнее выражено глагольным именем. В отдельных предложениях рассматриваемого типа сказуемое может быть оформлено притяжательным аффиксом, который становится формантом, указывающим на согласование главных членов в лице и числе: Қалы дунйа давлӓт, қалыры ӯчӯн, сығыт қылса қылма бу болмас кӯчӯн 'Не поднимай плач и крик, чтобы сохранить мир и богатство; силой это не получится' (КБ, XXV, 52/20); Өзӯңни йawузрақ билириң ӯчӯн, Буδунда сән әδгӯ болур сән кӯчӯн 'Так как ты сам себя считаешь плохим, то ты станешь лучшим в народе своей силой' (КБ, LIX, 145/2); Билиглиг уқушлуғ тәдӯгӯң ичин, Ани арзуладим 'Из-за того, что ты назвал его многознающим и умным, я желаю [видеть] его' (КБ, XL, 182/17).

Глагольное имя на *-мыш // -миш* может сочетаться с послелогом *көрӯ* и выступать в роли сказуемого придаточного предложения сопоставления: Билигсиз тапуғ қылмышында көрӯ, Биллиглиг уδымыш муйаны ору 'Сон умного (букв.: знающего) полезней, чем служба глупого (букв.: незнающего)' (КБ, 119б/9).

2. Глагольные имена могут сочетаться со словами *кәδин* 'после', *бәрӯ* 'с тех пор, как', *ашну* 'раньше', *өдӯндӓ* 'во время' в функции послелогов и вспомогательных слов. Такие конструкции указывают на временные отношения и служат для образования осложненного предложения или придаточного предложения времени в составе сложного предложения [70]:

[70] Подобные конструкции К. Брокельман называет релятивными предложениями — см.: C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leyden, Brill, 1954, § 203d, 203; Еще: «Monographien zur türkischen Sprachgeschichte von W. Bang,» Heidelberg 1918,, стр. 23.

а) Қатылмаста ашну сынағыл кишиг ‘Испытай человека, прежде чем соединяться с ним’ (КБ, XXV, 54/10); Төрәтмәсдә ашну байат бу аълам, Төрәтти йаратты бу лавҳ-у қалам ‘Прежде чем сотворить этот мир, бог создал и сотворил доски судеб и перья’ (КБ, XXX, 79/27); Нәгӱ тәр әшитгил уӈунмыш киши, уӈунмышта кәӈин өкӱнмиш киши ‘Слушай, что говорит человек, который жил беспечно, который после беспечной жизни почувствовал раскаяние’ (КБ, XXVI, 57/19); Төрәтӱр өдиндә көӈӱл бәрмәсә ‘А если бог при сотворении не давал духовной силы...’ (КБ, XXVIII, 70/11);

б) Билиглиг сөзин сән әшит, ӱзнәмә, Айытмаста ашну сөзӱӈ сөзләмә ‘Слушай слова знающего, не противоречь, Не говори прежде, чем тебя спросят’ (КБ, XXII, 43/12); Тусулғу өдӱндә сән андын қачуп ‘Если ты убежишь оттуда в то время, когда можешь быть полезен’ (КБ, LXIII, 164/19); Айытмасда ашну нәгӱ өтнәйин ‘Как я могу доложить прежде, чем меня спросят’ (КБ, XXII, 43/11); Мәӈа кәлмишиндә бәру мән бу кӱн, Тапуғдын кәсилдим... ‘После того, как ты пришел ко мне, я оставил службу’ (КБ, XLII, 195/13); Чықар жан өдиндә йитӱрди йолын ‘[А все-таки] потеряли дорогу, когда унеслась их душа’ (КБ, XLVII, 114/12).

3. Глагольные имена на *-ғу, -р, -миш, -дуқ* могут сочетаться с вспомогательным словом *тәк* ‘подобно’, ‘как’. Данная синтаксическая конструкция может входить в состав осложненного предложения или выступать в роли сказуемого придаточного предложения. В семантическом плане глагольное имя с вспомогательным словом *тәк*, выступая в функцииразвернутого обстоятельства, служит для сравнения, уподобления содержания главного или главной части осложненного предложения с содержанием придаточного или зависимой части осложненного предложения:

1) осложненные конструкции: Кәлир тәк барур мән ‘Я ухожу так, как и пришел’ (КБ, XXVI, 61/3); Көрӱнмәс тәк ол бу тузақчы сәӈа ‘Этот птицелов является для тебя как бы невидимым’ (КБ, XLIII, 101/29); Бу кӱн көр нәчә тоғмадуқ тәк болуп, Қара йәр қатында йатурлар өлӱп ‘Как много [из них] сегодня лежат под черной землей мертвыми, словно бы они и не рождались’ (КБ, LXIX, 181/17); некоторые глагольные имена с послелогом *тәк* относятся к именам существительным и поэтому выполняют функцию определения: Бәклигкә саза болғу тәк бәк ‘Князь, который достоин быть князем...’ (КБ, 74б);

2) придаточные предложения сравнения: Йөрәйин бу сөзни көӈӱл тәгӱ тәк ‘Я хочу разъяснить тебе это слово, как это подсказывает сердце’ (КБ, XXXV, 97/14); Тоғардын йашық баш көтӱрдӱ өрӱ, Ажун толды кафур сачар тәк толу ‘На востоке солнце показалось, Мир наполнился [запахом] камфары’ (КБ, LX, 155/1); Мәни бир байатым күбәзмиши тәк, Күбәзӱмәгәй

сән айа аслы бәк ‘Как единый бог охраняет меня, так ты не сможешь охранять меня, о, князь благородного происхождения’ (КБ, XLV, 107/37).

Весьма характерно сочетание *тәк* с глагольной формой на *-гәй*, функционирующее в роли сказуемого придаточного предложения сравнения: Сәни тәк кәчӱргәй, сән аны кәчӱр ‘Прощай его так, как [бог] прощает тебя’ (КБ, XXV, 50/10).

Придаточное предложение, сказуемое которого выражено глагольным именем, по своей семантике было более самостоятельным, чем в современном узбекском языке. Поэтому оно могло употребляться и после главного предложения: Толу йӱз кӱлӓр тәк йаруды ажун, Сақынчыг сӱрӓр тәк сәwинч, ай тӱзӱн ‘Мир светился, подобно полному улыбающемуся лицу, Как радость, прогоняющая печаль, о ты постоянный’ (КБ, LXII, 161/18).

Конструкции придаточных предложений, сказуемое которых выражено глагольным именем, в большинстве случаев со временем превратились в атрибутивные словосочетания. Этому способствовало частое употребление субъекта данных конструкций в форме родительного падежа, что и привело к появлению атрибутивных словосочетаний вместо предикативных: Аның йөрмиши тәк сөзи кәлса туш ‘Его предсказания пусть будут точны (букв.: пусть совпадут с его словами)’ (КБ, XXXIV, 96/11).

Глагольные имена на *-ғу*, *-р* могли сочетаться также с формантом *-ча*, который в языке этого периода начинал приобретать функцию словообразующего аффикса.

Глагольно-именные конструкции с элементом *-ча* обозначают образ действия, меру и степень действия или состояния. По синтаксической природе они представляют собой осложненное предложение или же придаточное предложение в составе сложного: а) Богузқа йәгӱмчӓ ажунда йәдим тап, Әгингӓ кәδимча әгиндӓ кәδим тап ‘В мире я ел до пресыщения, я одевался, сколько могли вынести мои плечи’ (КБ, XLV, 109/4); Тӱнлӓ булыт өртӓнсӓ, әwлӱг уры кәлтирмишчӓ болур ‘Если к вечеру покраснеет облако, [то это будет предзнаменованием того, что] женщина родит ребенка’ (ДЛТ, I, 252/212); б) Тириглик болурча йәгӱмни булур мән ‘Я нахожу столько еды, сколько нужно для жизни’ (КБ, XLV. 109/5); Ажун бӱтрӱ туттум Скандар тутарча ‘[Если бы] я захватил весь мир, как захватил его Искандар’ (КБ, LXXI, 387/17).

Имена действия и конструкции с именами действия

Категория имени действия в языке XI в. была вполне оформившейся категорией. Имя действия отличается от глагольных имен по значению и выполняемой функции. По своим грамматическим особенностям оно приближается к имени существительному. В языке этого периода встречаются две формы имени дей-

ствия: форма на *-мақ//-мäк* [71] и форма на *-ыш//-иш*. Первая из этих форм употребляется чаще, чем вторая. Крайне редко встречается вторичная форма от имени действия на *-мақ //-мäк*: Айытмақлық өркäк турур 'Требовать произнесения речи — мужское дело' (КБ, 43/24)*.

По своей семантике имя действия на *-ыш // -иш* стоит ближе к имени, чем к глаголу. В ряде случаев имена действия на *-ыш // -иш* относятся к именам существительным: Чықыш 'исход', 'выход' (КБ, XXV, 54/22); бақыш 'взгляд' (КБ, XXXIX, 71/8); алыш бəрыш 'торговля' (ДЛТ, I, 93/60); билиш 'знакомый' (ДЛТ, I, 348/306); чықыш 'польза', 'выгода', (ДЛТ, I, 349/307); кəчиш 'мост' (ДЛТ, I, 350/309); кириш 'доход' (ДЛТ, I, 351/309).

Имя действия на *-мақ //-мäк* сохранило от глагола способность управлять именами, местоимениями, наречиями и совместно с ними составлять полупредикативные конструкции.

Конструкции с именем действия выполняют следующие функции.

1. Функцию подлежащего (имя действия может иметь форманты категории принадлежности): Тилäк арзу əрмäс мəниң өлмäгим, Букўн булмыш əрмäс кəлиб бармағым 'У меня вовсе нет желания умирать, Но это не моя воля уходить [из жизни]' (КБ, XXIV, 47/17); Адаш тутмақ асан, кўдäзмäги сäрп. Йағы болмақ асан, йарашмағы сäрп 'Иметь друга легко, сохранить его трудно. Стать врагом легко, помириться трудно' (КБ, XLIII, 101/17); Кишигä тусулмақ киши асғы бил 'Знай, что обращаться с людьми — это [значит] приносить пользу людям' (КБ, XLII, 198/9); Əбн өк улуғ иш бу сў башламақ, Чəрик тўзмäги ҳам йағыны сымақ 'Большое дело — командование войском, организация войск и победа над врагом' (КБ, 86б/12).

2. Функцию сказуемого (имя действия сочетается с вспомогательным глаголом, не принимает аффикса принадлежности и является сказуемым односоставного предложения): Бу ики кишигä сөз ачмақ тəгир 'Этим двум людям надо сказать (букв.: открыть слова)' (КБ, XXXV, 9/20). В некоторых случаях вспомогательный глагол, а также модальное слово *кəрäк* могут опускаться. Чығай өлсä қутлур кəтäр əмгäги, Өлўм тутса ай бай сақыш бəрмäгиң 'Умрет бедняк, он освобождается [от забот], его страдания исчезают, Схватит смерть тебя, богатого — ты должен дать отчет' (КБ, LXIX, 180/33).

Сочетание имени действия с модальным словом находит в современном узбекском языке более широкое применение, чем в языке исследуемых памятников.

Имя действия может функционировать в роли сказуемого и без каких-либо дополнительных грамматических и лексических средств:

---

[71] ДЛТ, II, 45—46/XI—XX. К. Брокельман форму *-мäк/I-мақ* считает инфинитивом. См.: C. B r o c k e l m a n n. Указ. соч., § 228a.

Кишиг тәбсäгӱчи соңы иглäмäк ‘Тот, который топчет человека, в конце концов заболеет’ (КБ, 53б/14).

3. Функцию второстепенных членов предложения — дополнения или обстоятельства. В данных конструкциях выступает в основном имя действия на *-мақ* / */-мäк* в форме винительного (оформленного или неоформленного), дательного, местно-временного и исходного падежей или же в сочетании с послелогами (а также со значимыми словами в роли послелогов): Ол аны көрмäгин көсäди ‘Ему захотелось увидеть его’ (ДЛТ, III, 281/198); Кишигä қатылмақны өгдӱң қ:даш ‘Друг, ты хвалил общение с людьми’ (КБ, XLII, 195/12); Нəгӱ тəк йӱрӱши* билингӱ адаш ‘Надо знать, о друг, как должно вести себя’ (КБ, XLIX, 119/30); Қатылмақ тилäсä сӧзӱм йолчылар ‘Если хочешь [с ними] общаться, пусть мое слово будет [тебе] наставлением’ (КБ, LII, 127/19); өзӱң тапламадуқ бəрӱ кəлмäгиң, Мəңа тушмақың ҳам йӱзӱм көрмäгиң ‘Но тебе было неприятно приходить сюда, встречаться со мной и видеть мой облик’ (КБ, XLVI, 112/6); Ол əр бу оғурда бармаққа исикläнди ‘Этот человек считал, что время для похода (букв.: чтобы идти) жаркое’ (ДЛТ, I, 289/247); Əшитмäк билä болды билгä киши, Бу сөз сөзлäмäктин барыр əр башы ‘Человек, слушая, становится мудрым, Говоря эти слова, человек лишается своей головы’ (КБ, XXIX, 73/26); Əшитмäк кəδ ол сөзлäмäктä көрӱ ‘Лучше слушать, чем говорить’ (КБ, XXIX, 73/23); Сақыш ичрä кӱнӱм тоғды ‘Когда я размышлял, взошло мое солнце’ (ДЛТ, III, 265/187).

Как видно из примеров, развернутая конструкция имени действия может иметь при себе не только второстепенные члены, но и свой субъект, который стоит в форме основного падежа (если он выражен существительным) или родительного падежа (если он выражен местоимением): Одғурмыш Өгдӱлмиш бирлä мӱназара қылмақыны айур ‘[В этой главе] говорится о том, как Одгурмиш вступил в спор с Огдюлмишем’ (КБ, 123а); Аны бу йəргä оқымақ муҳал ‘Это невозможно, чтобы мы его сюда позвали’ (КБ, 138/37)×; Нəлӱг мунча йалнуқ йӱки йӱδмäк өз ‘Как мне взять на себя груз столь многих людей’ (КБ, 155/17)×.

В современном языке подлежащее указанных конструкций употребляется в форме родительного падежа. Следовательно, такие конструкции не составляют придаточного предложения.

В языке XI в. употребляются некоторые отглагольные формы (например, на *-ыг* / / *-иг* / */-уг*, *-ы* / *-и* и др.), по своей семантике приближающиеся к именам действия. В современном языке грамматическое значение этих форм передается глагольными именами.

---

* R. Arat: yorıkın (стр. 419).

МЕСТОИМЕНИЯ И КОНСТРУКЦИИ С МЕСТОИМЕНИЯМИ

Относительные местоимения

В языке XI в. относительное местоимение является вполне оформившейся категорией. В функции относительных местоимений обычно употребляются вопросительные, указательные местоимения и некоторые наречия.

Вопросительные местоимения в определенных условиях становятся средством связи компонентов сложных предложений, выражающих различные синтаксические и смысловые отношения. Такая функция изменяет семантику самих вопросительных местоимений: в них уже не содержится вопроса. Это и приводит к образованию новой категории местоимений — относительных местоимений, имеющих совершенно другую семантику и функции. Использование вопросительных местоимений в риторических вопросах является промежуточной ступенью при переходе их в относительные местоимения: Аның нә шаты бар 'Какая уж там у него отвага' (ДЛТ, I, 310/269) [72].

Относительное местоимение употребляется в составе придаточного предложения в качестве одного из его членов; оно одновременно служит и средством связи придаточного с главным предложением. Сказуемое придаточных предложений, построенных с участием относительных местоимений, в языке исследуемого периода обычно выражается условной формой глагола. В староузбекском же языке, особенно в языке А. Навои, сказуемое указанных придаточных предложений в основном имеет форму глагола изъявительного наклонения или является именным. В современном узбекском языке сказуемое упомянутых придаточных предложений выражается условной формой глагола.

Логически относительное местоимение в составе придаточного предложения требует своего коррелятива в главном предложении (что имеет место также и в современных тюркских языках [73]: *кимниңг — унинг*, *қандай — шундай* и т. п.). Но в языке XI в. очень редко наблюдается употребление коррелятивов в составе главного предложения. Это объясняется отсутствием дифференцированного, конкретного выражения мысли. Кроме того, отсут-

[72] «... есть языки (например, арабский, татарский), в которых вопросительные местоимения употребляются как относительные, но не как неопределенные» (см.: Ф. Е. Корш. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877, стр. 25); А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М. — Л., 1961, стр. 130; A. Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 189).

[73] Ср.: «Ol und seine Derivate werden als Correlative der zuglech die Relative vertretenden Interrogativa gebraucht» — см.: O. Böhtlingk. Über die Sprachen der Jakuten. Jakutische Grammatik. St.-Petersburg, 1851, § 662, стр. 259.

ствие коррелятивов часто диктуется стихотворным размером текста. Самыми употребительными относительными местоимениями в языке памятников XI в. были *ким*, *нәчә*, *қайу*, *нәгү*, *нә*.

В придаточных предложениях, в составе которых участвуют относительные местоимения, сообщение носит общий характер. Поэтому сказуемое главного предложения не выражает конкретное время и обычно имеет форму настоящего или настояще-будущего времени. В некоторых случаях сказуемое главного предложения выражается формой прошедшего времени, но в этом случае мы имеем перенос времени, т. е. прошедшее время выражает действие или состояние, которое осуществляется вообще (во всех временах). В таких случаях форма прошедшего времени указывает, что действие и состояние, о котором сообщается в сложном предложении, относится также и к прошедшему времени.

Место относительных придаточных предложений в составе сложного предложения относительно свободно: в большинстве случаев они стоят перед главным предложением, в некоторых случаях — после них, в отдельных случаях — внутри главного предложения. Порядок расположения придаточных предложений в основном зависит от их содержания, а также от его функции и формы сказуемого придаточного предложения.

К и м. По всей вероятности местоимение *ким* было субстантивом, выражающим лицо. Его переход в разряд относительных местоимений наметился уже в языке древнетюркских памятников [74]: Ким ол иδи ким төрәти ики ‘Кто тот господин, который создал оба мира’ (КБ, XLV, 106/24). В некоторых случаях в составе главного предложения ему соответствуют местоимения *ол*, *аның*, *аны*, *аңа*, *аңар*, *анында* и др.

Относительное местоимение *ким* в составе придаточного предложения может употребляться в форме основного, родительного, винительного, дательного и местного падежей. В форме основного и винительного падежей *ким* может сочетаться с послелогом *бирлә*: *кими // кимиң бирлә* (сочетания с другими послелогами не встречаются): Tawap кимиң өкүлсä, Бэклик аңар кэркäйүр ‘У кого увеличилось богатство, тому подходит [звание] князя’ (ДЛТ, I, 343/302); Кимиң болса қолдаш адашы тәлим, Аның арқасы бә(р)к қайа ол йäлим ‘У кого много товарищей и друзей, у того прочная опора, тот непоколебим’ (КБ, XXVIII, 66/12); Ол үч нәң кимиң болса кәлди қуты ‘Кто имеет те три вещи, к тому приходит счастье’ (КБ, XXVIII, 65/22); Кимни қалы сатырса күчин кэwäр ‘Если кого хотят продать, то (это) ослабляет его силу’ (ДЛТ, III, 303/214); Сэwитсä кими дүнйа ахыр сүräр ‘Если мир кого-либо любит, он в конце концов продвинет [его]’ (КБ, XLIII, 101/13); Байат фазлы кимгä йәтилсä түгäл, Тилäклäри булды, мәңиз қылды ал*. ‘Кому постоянно на долю приходится божеская милость,

[74] См.: A. G a b a i n. Указ. соч., стр. 189.

* Ср.: R. Arat (стр. 613).

тот находит [исполнение] своим желаниям, лицо того становится прекрасным› (КБ, LXVII, 177/1); Уқуш кимдä болса болур* бəлгўси ‘Кто умен, у того есть признаки [этого]› (КБ, XXIX, 71/27); Кўмўш кимдä эрсä бойун бəрдилäр ‘У кого есть серебро, перед тем преклоняют голову [шею]› (КБ, LXX, 183/9); Киминг бирлä давлат йарашса кəлип, Көңўл қуδқы тутғу кичиглик қылып ‘К кому приходит счастье, Тот пусть смиренно и скромно сдерживает свое чувство› (КБ, XXVII, 68/16).

В некоторых случаях слово *киши* или *эр* (человек) употребляется в значении и функции местоимения *ким*: Кайу нəңгä ыδса тириглик киши, Сəwўг болды ол нəң сəwўг жан тушы ‘На какое дело человек тратит свою жизнь, то дело любимо наравне с любимой душой› (КБ, XXXVII, 160/11); Киши билмäсä өгрäнўр көр билир ‘Если человек не знает, то он учится и затем узнает› (КБ, XLVII, 115/17); Киминг эрдämи болса аслы ағы, Йəтиз эл кишиси ол эрғä йағы ‘Кто обладает многими добродетелями и настоящей ценностью, тому и народы всех царств будут враждебны› (КБ, XLII, 199/3).

Характерно, что между главным и придаточным предложениями с относительными местоимениями могли вставляться частицы или союзы. Эти частицы или союзы выражают разнообразные оттенки: Ким əδгў қылынса ҳäм əδгў йанут Байат оқ бəрўр ‘Кто делает добро, тому и бог дает хорошее вознаграждение› (КБ, LXVIII, 178/ 40). Другой особенностью сложноподчиненных предложений с относительными местоимениями является употребление сочетаний условной формы глагола с вспомогательным глаголом *əрмиш*, которые выступают в роли сказуемого придаточного предложения: Кими сəwсä эрмиш көңўл арзулап ‘Кого сердце любит и желает ...› (КБ, XLII, 99/6).

Значительно реже встречаются примеры, где сказуемое придаточного предложения выражается именными частями речи, глаголом изъявительного наклонения или же причастием. В этих случаях основное внимание в сложноподчиненном предложении обращается или на качество-свойство предмета, или на временное соотношение придаточного и главного предложений: Киминг қылқы əδгў қылынчы оңай, Тилäк булды барча йарутты кўн ай ‘У кого хорошой нрав и правильные поступки, тот достигнет желаний и сделает счастливой свою жизнь (букв.: свои дни и месяцы)› (КБ, XXV, 52/12); Киминг аслы болса атадын арыг, Аныңдын кəлир əлгä əδгу асыг ‘Чье происхождение по отцу безупречно (букв.: чистое), От того идет народу большая польза’ (КБ, LXIII, 164/3); Қачар тутса болмас аны ким болур ‘Он убежит, и кто бы ни был, его не поймает› (КБ, 60; С. Е. Малов «Памятники...», 280);

---

* R. Arat: bu ol (стр. 204)

К и м э р с ä. Относительное местоимение *ким эрсä* употребляется в языке XI в. в своем первоначальном значении ('кто бы ни был', т. е. как относительное местоимение *ким* с недостаточным глаголом *эрсä*) и как местоимение со значением 'кто', 'кто-то'; в языке памятников последующего периода и в современном узбекском языке сохраняется только второе значение и функция указанного местоимения, причем изменилась также его форма — *кимсä* [75]. Приведем примеры, где оба элемента этого местоимения сохраняют свое значение: Уқушлуғ ким эрсä аны тут йақын 'Кто разумен, того и держи поближе' (КБ, LX, 148/6); Сəwäриң ким эрсä аны сəwсäлäр 'Пусть они любят тех, кого любишь ты' (КБ, LXI, 158/35); Билиг тəгмäсä кимгä эрсä ӱлӱг, Тириг тəсä болмас аны тут өлӱг 'Тот, кому на долю не выпадает знаний, Того нельзя назвать живым, считай того мертвым' (КБ, XXXII, 91/5).

В приведенных ниже примерах *ким эрсä* воспринимается как единая лексическая единица. При склонении падежные аффиксы присоединяются ко второй части местоимения: Ким эрсä көңӱл бады эрсä аңар, Йawa қылды эсиз тириглик муңар 'Если кто связал свое чувство с ним [с миром], тому уготовил [мир] скверное существование' (КБ, XLIII, 101/8); Ким эрсä табуғқа бирäр кəлмаса 'Если кто-либо ни разу не приходит на службу' (КБ, XXXIII, 94/20); Кими эрсä умду қылур эрсä қул, Аның бошлуқы көр өлӱм бирлä ол 'Если раб будет завидовать каждому, то зависть покинет его со смертью' (КБ, XXXIV, 95/32). Местоимению *ким эрсä* в главном предложении соответствуют местоимения *аны*, *аның*, *аңар* (употребление коррелятивов при конструкции с *ким эрсä* встречается чаще, чем при других относительных местоимениях).

Как видно из приведенных примеров, местоимение *ким эрсä* служит для образования придаточных дополнительных и, реже, определительных предложений. Некоторые придаточные предложения (главным образом предложения, где недостаточный глагол *эрсä* сохраняет свое значение и функции) имеют уступительное значение: Ким эрсä қоδуп барса бағы йəри 'Кто бы он ни был, он должен уйти, оставив свой сад и свою землю' (КБ, LX, 150/4).

Н э (н э т ä к, н э т ä к к и м, н э к и м). Местоимение *нə* в языке XI в. употребляется в значении частицы, выражающей удивление, и в значении местоимения 'что' [76]: a:ч нə йəмäс, токˌ нə тəмäс 'Что только не съест голодный, что только не скажет сы-

---

[75] B. A t a l a y. Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme. Istanbul, 1941, стр. 330.

[76] ДЛТ, III, 233/161. Современная форма этого местоимения — *нима* < *нəмä* (نمه) — в языке XI в. выражала неопределенность (см. ДЛТ, III, 254/178).

тый!› (ДЛТ, I, 108/75); Көңүл татғы нә ол бу көз татғы нә ‘Что такое приятное для сердца и приятное для глаз?› (КБ, 73б/2).

В составе предложения, выражающего риторический вопрос, *нә* соответствует местоимению *қандай* современного языка: Нә көрклүг ‘Как прекрасно!› (КБ, XXVIII, 66/19).

В функции относительного местоимения *нә* служит для образования придаточных предложений дополнительных и образа действия: Тилägим нә әрди билир сән идим ‘Какое было у меня желание, ты знаешь, мой господин!› (КБ, LXX, 183/34); Тилägиң бу әрсä сәниң ай қадаш, Күчämäс мән ‘Каково бы ни было твое желание, о родственник, скажи, я не принуждаю [тебя]› (КБ, XLIV, 106/14); Кичигликтä билсä оғул қыз нәни, Қарып өлмägинчä ӱнӱтмäс аны ‘То, что сын и дочь выучили в юности, Того они не забудут до самой смерти› (КБ, XXVI, 60/14).

Местоимение *нә* может сочетаться с различными служебными словами и формами, а также использоваться для образования придаточных предложений.

Местоимение *нә* в сочетании со служебным словом *тәк // дәк* (в значении ‘как›, ‘какой›, ‘каким образом›)[77] служит для образования придаточного предложения образа действия: Нәтäк тутса бәкläр бу өңди төру, Буδун болды андағ ол өңди көрӱ ‘Как соблюдают князья закон и справедливость, таким будет и народ, видя ту справедливость› (КБ, XXXI, 84/30).

Форма *нәтäк* могла сочетаться с союзом *ким*. В этом случае сказуемое придаточного предложения выражается не условной формой глагола, а глаголом изъявительного наклонения или же именными частями речи. Это объясняется тем, что уже сам союз *ким* указывает на то, что данное предложение является подчинительным. Поэтому отпадает необходимость еще раз подчеркивать это подчинительной формой сказуемого.

Местоимение *нәтäк* с союзом *ким* служит для образования придаточных предложений образа действия или меры и степени: Нәтäк ким сәwинчлиг мән сәндин бу кӱн, Байат бәрсӱни миң сәwинчин қутун ‘Как я радостен сегодня благодаря тебе, пусть бог даст тебе тысячу радостей и счастья› (КБ, XXVII, 62/19); Нәтäк ким сәwинди сәниндин көңүл, Байат бәрсу андағ сәwинч ай оғул ‘Насколько сердце радуется за тебя, Настолько пусть бог даст тебе радость, о сын› (КБ, XXXIX, 176/8).

Местоимение *нә* сочетается с союзом *ким* и *ки* и служит для образования придаточных предложений дополнительных или уступительных: ... нәни ким тилäди әрсä қылды, йәмä нә тилäсä қылур ‘(букв.: если, что он захотел), то сделал, и если, что он захочет, сделает› (КБ, 2/1, предисловие); Нә ки қылса өкнӱр ‘Что бы он ни делал, он будет жалеть об этом› (КБ, XXIV, 48/29).

---

[77] ДЛТ, I, 373/328.

Другие формы сочетания местоимения *нә* (*нәчүк*, ‘почему’ [78], *нәрәк* < *нә* + *кәрәк* ‘какой’, ‘почему’ [79], *нәләк* // *нәлүг* ‘почему’)[80] не встречаются в составе придаточных предложений, но они широко используются в составе простых предложений, выражающих риторический вопрос.

Местоимениям *нә*, *нәтәк* в составе придаточного предложения соответствуют в главном предложении местоимения *аны*, *андақ* (которые во многих случаях опускаются): Йарашық нә әрсә аны бәрдилär ‘Все, что было подходящим, они дали ему’ (КБ, XXIV, 46/16); Нә тәк ким сәwинди сәниңдин көңүл, Байат бәрсү андағ сәwинч әй оғул ‘Пусть бог даст тебе, о юноша, такую же радость, какую ты доставил мне’ (КБ, 113б/15).

Нәчä, нәчä ма. Местоимение *нәчä* (*нә* + *чä* < *чақ*) [81] употребляется в значении ‘сколько’, ‘как’, а также в других значениях: Өгүши нәчä ‘Сколь же много?’ (КБ, XXII, 44/27); Битиг болмаса сөз нәчä сөзлäйүр ‘Если бы не было письма, как бы мог язык рассказать [о прошлом]?’ (КБ, XXXV, 98/3); Нәчä бармаса элтүр ахыр күчүн ‘Даже если они не хотят идти, [смерть] насильно уводит их в конце концов’ (КБ, XXV, 50/31); Әсиз әдгү қалмас, нәчä тüз өлүр ‘Ни добро, ни зло не остается, все должно умереть’ (КБ, XVI, 61/27).

Местоимение *нәчä* служит главным образом для образования придаточных уступительных предложений. В некоторых случаях для выражения уступительных смысловых отношений употребляется сочетание местоимения *нәчä* с частицей *ма*, в составе сказуемого придаточного предложения может употребляться частица *ҳäм* / / *äм*: Нәчä йитик бичäк әрсä өз сабын йанумас ‘Каким бы нож ни был острым, он не будет обтесывать свою рукоятку’ (ДЛТ, I, 366/322); Нәчä бәк улуғ болса аслы бәдүк, Тапуғчы билä болды аты бәдүк ‘Как бы высоко ни стоял князь и каким бы высоким ни было его происхождение, его имя станет знаменитым с помощью слуг’ (КБ, XXXIX, 169/13); Нәчä ма опрақ кәбук әрсä, йағмурқа йарар ‘Сколь бы одежда ни была стара, она пригодится для дождя’ (ДЛТ, III, 45/29); Нәчä ма бәдүк болса кәслүр башы ‘Как бы высоко он ни стоял, голова его может быть отсечена’ (КБ, XLVIII, 118/24); Йалawач нәчä чын кәб әрсä амул, Битиг болмаса сөзгä бүтмäс көңүл ‘Каким бы правдивым и скромным ни был посланник, но его слову не поверят, если при нем нет грамоты’ (КБ, XLV, 111/22).

Местоимение *нәчä*, *нәчä ма* [82] в основном относится к именам

---

[78] ДЛТ, I, 373/329.
[79] ДЛТ, I, 373/329.
[80] ДЛТ, I, 373/329, III, 206/142.
[81] В языке «Қутадғу билиг» встречается также форма относительного местоимения *нәчи*: Нәчи бәк кичиг әрсä аты бәк оқ ‘ Как бы ни был мал князь, он все же князь’ (КБ, XLVIII, 117/19).
[82] ДЛТ, I, 83/5.

существительным, прилагательным, числительным, указывая степень и способ проявления признака. Значительно реже эти местоимения относятся к глаголу: Нәчä ма әрижлäнсä әсиз бӱ кӱн, Өкӱнч бирлä әмгäр йарынқы кӱнӱн ‘Как бы уютно ни чувствовал себя злодей сегодня, на следующий день он будет мучиться раскаянием’ (КБ, XXI, 37/15).

Сказуемое придаточного предложения, образованного с участием относительного местоимения *нәчä*, выражается условной формой глагола; если сказуемое придаточного предложения выражено иными частями речи, оно принимает недостаточный глагол в форме условного наклонения (*әрсä*): Нәчä мундуз әрсä әш әдгӱ, Нәчä әгри әрсä йол әдгӱ ‘Хорошо, если есть спутник, каким бы дураком [он] ни был; хорошо, если есть дорога, какой бы кривой [она] ни была’ (ДЛТ, I, 426/382); Нәчä тәрди әрсä йана сачғай оқ ‘Как он собирал, так же и рассыпает’ (КБ, LXVII, 174/34).

Редко встречаются придаточные предложения, сказуемое которых выражено глаголом изъявительного или повелительного наклонения: Тилäб булмадым мән нәчä ма тилäдим* ‘Захотев, я не нашел бы ее, сколько бы ни хотел’ (КБ, LXXI, 386/9).

Местоимениям *нәчä*, *нәчä ма* в составе придаточного предложения обычно соответствуют местоимения *анча*, *аныңдын* в главном предложении; они употребляются сравнительно редко: Нәчä *ӧз* әдирсä ол анча қачар ‘Насколько его преследуют, настолько [быстро] убегает [враг]’ (КБ, XLIII, 103/20); Нәчä ма бӱтӱн чин әр әрсä кӧни, Аныңдан бӱтӱн чин өзӱң бил муны ‘Сколь совершенным, правдивым и справедливым ни был бы [другой] человек, знай же, ты сам совершеннее, правдивее, чем другие’ (КБ, XXXVII, 161/4).

Қ а й у, қ а й у д а, қ а й а д а // қ а н д а. Местоимение *қайу* (*қай* + *у* < *и* // *си*), как свидетельствует М. Кашгарский, в языке племени аргу употреблялось в форме *қану* (*қану киши* ‘который человек’), а в языке огузов и кыпчаков — в форме *хайу* [83].

Местоимение *қайу* используется для образования придаточных предложений подлежащих, дополнительных и определительных. Местоимение *қайу* относится к имени существительному в составе придаточного предложения. В сложных предложениях с придаточным определительным местоимению *қайу* в главном предложении могут соответствовать местоимения *ол*, *ошул*, *бу*: Қайу бәк суқ әрсä чығай ол чығай, Қайу қул көзи тоқ бәк ол, көңли бай ‘Если какой бек жаден, он [все равно] беден и беден; Раб, который сыт, он — бек, и душа его богата’ (КБ, XXXIV, 95/36); Қайу иштä ашну ашунса уқуш, Ол иш башқа барды, сынадым өкӱш ‘Дела, к которым сначала приступают разумно, про-

* R. Arat: tilettim (стр. 614).

[83] ДЛТ, III, 254/178; 237—239/165.

двигаются успешно, я это испытал много раз› (КБ, XXXIV, 95/20); Қайу қулқа болса байаттын йўлäк, Бу булды экäгўн ажунда тилäк ‘Тот раб, который имеет божью милость, опору, Тот найдет в обоих мирах [исполнение] своих желаний› (КБ, XXV, 52/26); Қайу сў болур эрсä башсыз тэсäң, Ош ол сў бузулды, Элиг кэч йашаң ‘Войско, которое не имеет вождя, распадается, терпит поражение; живи долго, Элик› (КБ, XXXI, 86/15).

Некоторые относительные придаточные предложения, в составе которых наличествует местоимение *қайу*, в зависимости от контекста могут выражать уступительные смысловые отношения: Қайу атўрлўг эрсä йорығың йолуң, Айу бэрдим азрақ бэкўтгил өгўң* ‘Как бы различны ни были твой образ жизни и твой путь, Я сказал это в немногих словах, укрепи свой ум!› (КБ, LXX, 183/30).

Придаточные дополнительные предложения с местоимением *қайу* иногда стоят перед главным предложением: Бу эдгў қайу ол өгäйин аны ‘Кто этот хороший [человек], я хотел бы похвалить его› (КБ, XLI, 283/13).

Местоимение *қайу*, субстантивируясь, может принимать аффиксы и выполнять функции определяемого слова: Қайусы сақ эрсä ол ўстäң болур ‘Кто осторожен, тот одерживает победу› (КБ, XXXI, 88/5); Буларда қайуқа уланса бу сөз ‘К кому среди этих обращено это слово› (КБ, XLVIII, 116/18); Қайуда йарашықлығ эрсä йақын ‘Если к чему-либо подходит твоя склонность› (КБ, XLI, 185/15).

В языке «Қутадғу билиг» встречается своеобразное сочетание местоимения *қайу* с союзом *ким* (что в современном языке означает ‘какой человек› или ‘каждый›): Қайу ким тоғар эрсä өлгў кэрäк ‘Каждый, кто рожден, должен и умереть› (КБ, XXIV, 47/8).

Местоимения-наречия *қайда // қайуда // қанда, қайуға* [84] используются для образования придаточного предложения места (в некоторых случаях местоимению *қайда* соответствует в главном предложении местоимение *анда*): Қылыч қайда эрсä кўмўш анда ол ‘Где есть меч, там есть и серебро› (КБ, XXXIX, 175/1); Чықар сув қайуда адақ тэпсäлäр ‘Вода появляется там, куда ступает нога человека› (КБ, XXII, 43/26); Қайуқа бу ақса чэчäк өндў тўз ‘Где она протечет, [там] прямо распускаются цветы (КБ, XXXV, 97/29).

Встречается специфичное сочетание *қайу* с недостаточным глаголом *эрсä*, которое может служить для образования синтаксической конструкции с уступительным оттенком: Эки одтä қылма

---

* R. Arat: ulung (стр. 641).

[84] По утверждению М. Кашгарского, исконной формой местоимения *қанда* является *қайуда* (см. ДЛТ, I, 396/350); оно может иметь также форму *қаны* (см. ДЛТ, III, 254/179).

қайу әрсä иш ‘Каким бы ни было [твое] дело, не делай его в двух случаях (букв.: время)’ (КБ, XXVI, 59/6); Табуғқа ынаныб қайу әрсä қул ‘Каким бы ни был раб, который полагается на службу’ (КБ, XLI, 188/6).

Сказуемое придаточных предложений с местоимениями *қайу, қанда // қайда* выражается в основном условной формой глагола. В тех случаях, когда необходимо подчеркнуть временное соотношение придаточного и главного предложений, сказуемое придаточного может быть выражено формой глагола изъявительного наклонения: Қайу ишкä билгä йәтӱрди билиг, Аны йәтти ‘Дело, к которому мудрец приступает со знанием, кончается успешно (букв.: он достигнет его...)’ (КБ, XXIV, 95/21). Сказуемое придаточного предложения может быть именным (с недостаточным глаголом в форме условного наклонения *әрсä*). Если требуется подчеркнуть наличие того или иного качества в настоящее время, недостаточный глагол опускается: Қайу қул көзи тоқ бәк ол.... ‘Раб, который сыт, является князем...’ (КБ, XXXIV, 95/36).

Встречаются конструкции, в которых главное предложение предшествует придаточному и имеет в своем составе местоимение *қайу*: Қайу әдгӱ қалды мәңä қылмадың, Нәгӱ арзу қалды мәңä бәрмädиң ‘Что [еще] осталось хорошего, чего ты не сделал мне, какие остались [еще] желания, которые ты не исполнил для меня’ (КБ, XXXIX, 175/10).

Н э г ӱ. Относительное местоимение *нәгӱ* широко употребляется для образования придаточного предложения и для связи его с главным.

1. *Нәгӱ* в функции дополнения служит для образования придаточного дополнительного предложения: Нәгӱ тәр эшитгил бу бäйт айғучы ‘Слушай, что говорит поэт’ (КБ XXXIV, 96/36); Нәгӱ тәр эшитгил бағырсақ сөзи ‘Слушай, что говорит слово милосердного’ (КБ, XXXVI, 154/13). Главное предложение располагается в середине придаточного (есть случаи, когда придаточное предшествует главному). Местоимение *нәгӱ* может иметь форму дательного падежа (*нәгӱгä*): Өлärдä нәгӱгä өкӱнди олар, Сән андын йырақ тур ‘Держись подальше от того, в чем они раскаивались при смерти’ (КБ, LX, 145/17). Сказуемое придаточного предложения указанного типа выражается глаголом изъявительного наклонения. Если же сказуемое выражено глаголом условного наклонения, придаточное предложение приобретает оттенок условия: Нәгӱгä* йарағлығ көрӱнсä қулы, Аңар отрӱ ачғу ағырлық йоқы ‘К чему его раб проявляет склонность, к тому и надо открыть ему дорогу почета’ (КБ, XXVIII, 68/3); Нәгӱ эксä анда алыр бу элиг ‘Что посеет, то и получает эта рука’ (КБ, LX, 148/25).

---

* R. Arat: beginge (стр. 192).

В придаточном предложении недостаточный глагол *әрсä* в составе сказуемого, знаменательная часть которого выражена глаголом изъявительного наклонения, указывает на временные отношения: Нәгӱ әктим әрсä аны орғу ахыр ‘Что посеял, то [под конец] и пожал’ (КБ, LXXI, 388/8).

2. Местоимение *нәгӱ* в функции подлежащего служит для образования придаточного дополнительного предложения: Нәгӱ кәлсä йӱт ‘Выноси на себе то, что придется’ (КБ, LXVII, 164/12); Өз өтрӱ нәгӱ әрсä алғу йәгӱ ‘Что стоит перед тобой, то бери и ешь’ (КБ, LV, 131/6).

Для языка «Қутадғу билиг» характерна конструкция с местоимением *нәгӱ*, в которой главное предложение предшествует придаточному; последнее имеет форму вопросительного предложения: Нәгӱ бар ажунда аңар ҳилäсиз ‘Что есть на свете, против чего не было бы коварства?’ (КБ, XXV, 49/33); Битигчи нәгӱ тәк кәрäк ай тäтиг, Аңар бәк ынанып бититса битиг ‘О ты, проницательный, насколько писец должен быть [умудрен, проверен опытом], чтобы князь ему доверял писать [свои] писания’ (КБ, XXXIV, 97/11).

3. *Нәгӱ* в функции сказуемого участвует в образовании придаточных предложений подлежащих и придаточных дополнительных: Нәгӱ әрсä қысмät, сана ол тәгӱр ‘Какова бы ни была судьба, она тебя коснется’ (КБ, XXVIII, 67/20); Тақы ма нәгӱ әрди әрсä сөзӱм, Қадашың тәгӱргäй ‘Все остальное, что я хотел бы сказать тебе, сообщит твой родственник’ (КБ, XLI, 189/17).

4. В функции обстоятельства *нәгӱ* участвует в образовании придаточного предложения образа действия. В этом случае местоимение сочетается с вспомогательным словом *тәк*: Өзӱңнӱ нәгӱ тәк кӱбäзсä өзӱң, Әшиңни аны тәк кӱбäз кәс созӱң ‘Как ты охраняешь самого себя, так же охраняй и своего друга, прекрати говорить’ (КБ, XLIX, 122/34); Нәгӱ тәк қылынса сән андағ қылын ‘Как он поступает, так и ты поступай’ (КБ, XLIX, 123/33).

Недостаточный глагол *әрсä* с местоимением *нәгӱ* (*нәгӱ әрсä*) воспринимается как одна лексическая единица. В современном узбекском языке этому местоимению соответствует местоимение *нарса*. Местоимение *нәгӱ әрсä* используется для образования придаточных дополнительных предложений: Нәгӱ әрсä барму өлӱмгä итиг, Аны утру тутғыл, ай билгä тäтиг ‘Если что-то есть от смерти, Направь то против [смерти], о ты, мудрый, смышленый’ (КБ, XXV, 50/6); Көңӱл арзу қолса нәгӱ әрсäни, Әми ол тилäккä тәгӱрсä аны ‘Если сердце желает чего-либо, его исцелит достижение желаемого’ (КБ, XIV, 110/40).

Местоимение *нәгӱ* с союзным словом *ким* участвует в образовании определительного придаточного предложения: Нәгӱ ким кәрäгиң аныңдын тилä ‘Все, что необходимо, проси у него’ (КБ, XXV, 53/11). Подобные синтаксические конструкции весьма редко встречаются в языке памятника «Қутадғу билиг»; в языке

«Дīвāн»а их вообще нет. Позже, например в языке Навои и Бабура, такие конструкции употребляются очень широко.

Некоторые конструкции с местоимением *нәгӱ* представляют собой простое предложение и используются для выражения модальных отношений: Ағыр тут нәгӱ әрсә йарлығларын 'Высоко чти какие бы то ни было его приказания' (КБ, XXV, 53/12); Нәгӱ болса мунда нару ыд, йӱри 'Как бы то ни было, убирайся отсюда, проваливай (букв.: иди дальше)' (КБ, XXV, 58/33). Такие модальные конструкции возникали из самостоятельных придаточных предложений; со временем произошли изменения в их значении и структуре. Наличие подобных конструкций показывает, насколько древним было образование придаточных предложений с относительными местоимениями. В языке XI в. мы сталкиваемся уже с более развитой и совершенной формой таких конструкций.

Местоимению *нәгӱ* в главном предложении соответствуют обычно коррелятивы-местоимения *аны*, *аны тәк*, *аңар*, *андын*, которые в большинстве случаев опускаются.

Қ а ч, қ а н ч а, қ а н ч уқ. Местоимения *қач*, *қанча* употребляются в значении 'сколько', 'сколько раз', 'как', 'каким образом', а в некоторых случаях — в значении 'куда' [85]; местоимения *қанча* и *қанчуқ* служат для образования придаточных предложений уступительных и образа действия: Қанча барса йарбуз ӧтрӱ кәлӱр 'Куда бы он ни бежал, йарбуз [животное, убивающее змею] идет ему навстречу' (ДЛТ, III, 461/30); Қанчуқ қачар ол тутар 'Куда бы он ни бежал, он его поймает' (ДЛТ, I, 203/169); Көзи қанча бақса бу көңлӱ нару 'Сколько бы ни смотрели его глаза, [ее] сердце далеко' (КБ, LIII, 129/3); Бәги қанча барса уғу қул йолы 'Куда идет князь, туда следуют и рабы' (КБ, XLI, 110/22); Бӱтӱн ӱмлӱк қанча қолса олтурур 'Кто с целыми [не рваными] штанами, [тот] куда захочет, туда и сядет' (ДЛТ, I, 228—229/191); Бу қылқ қанча барды уғу мән барайи 'Куда он пошел, туда и я пойду, следуя за ним' (КБ, LXXII, 389/12).

Қ а ч а н. Местоимение *қачан* 'когда' указывает на время [86]. В языке огузов и кыпчаков оно имело форму *хачан* [87]. *Қачан* входит как компонент в состав придаточного предложения времени (с оттенком условия) и присоединяет его к главному. Сказуемое подобных придаточных предложений выражается в основном формой условного наклонения. При наличии в придаточном пред-

---

[85] ДЛТ, I, 311/270.

[86] М. Кашгарский полагает, что местоимение *қачан* может передавать также и условно-временное значение (см. ДЛТ, I, 383/338). По всей вероятности, это значение исходит из конкретного его употребления в определенном контексте. Б. Аталай полагает, что местоимение *қачан* состоит из *kaу* + *çağ* + *in*. См.: В. А т а л а у. Указ. соч., стр. 327; Такого же мнения придерживаются Ж. Дени и Бётлинг.

[87] ДЛТ, III 237—238/165; КБ, XXI, 38/16.

ложении сказуемого-имени к последнему присоединяется недостаточный глагол *әрсә*. Сказуемое придаточного предложения может быть также выражено формой глагола на *-гә(й)*: Аңар бәргәләр нәң қачан қолса тәрк 'Если он немедленно попросит [его], тогда они дадут' (КБ, XXXVI, 158/4); Қачан сөз сорар әрсә бәкләр сәңа, Узатма сөзүңни ай әрсик төңә 'Если князья обращают речь к тебе, благородный герой, Не говори слишком долго' (КБ, XLVIII, 118/27); Кишигә хачан бәргә айғыл тәңин 'Когда что-то дают человеку, скажите [благодарность] соответственно' (КБ, XXI, 38/16).

В языке памятников встречаются сложные предложения с несколькими относительными местоимениями в составе придаточного предложения: Кимиң эмгәги кирсә кимгә бираз, Йанутын өкүш қыл сән өтрү 'Если кто [хоть] немного потрудится для другого, воздай ему побольше' (КБ, XXVII, 63/19); Кимиң көңли кимгә йақын болса чын, Аңар бүтгү өзгә йақын болса чын 'Чье сердце поистине расположено к другому, тому нужно верить, если действительно он близок тебе' (КБ, LXI, 159/36).

Указательные местоимения

Указательные местоимения *ол*, *муның тәк* использовались для образования сложноподчиненного предложения. Придаточные в таких предложениях стоят после главного. При этом не используются никакие грамматические средства связи между ними (например, условная или причастная форма и т. п.). Единственным средством связи придаточного с главным является указательное местоимение, участвующее в составе главного предложения. В современном узбекском и других тюркских языках подобные конструкции не употребляются. Их заменили сложноподчиненные предложения с союзом *ки*.

Указанные местоимения образуют придаточные предложения определительные и сказуемостные: Урағун йәмә ол кишиләр ичәр, Өзи күчгәй әрсә көнидин қачар 'Водку пьют те люди, которые, будучи насильниками, отвернулись от законов [справедливости]' (КБ, XVIII, 42/27); Мәни тутты ол иг аңар йоқ оты 'Меня сковала болезнь, против которой нет средств' (КБ, XXIV, 46/25); Бу әбгү ол қылса халққа асыг 'Тот хорош, кто приносит пользу народу' (КБ, XLI, 189/14); Әр ол әр болур көр миң арзу булуб, Аңар йүз әwүрсә әрән тәк болуп 'Мужчиной [может называться] тот, кто, добившись исполнения тысячи [своих] желаний, помнит о нуждах других (букв.: обращает свое лицо к другим)' (КБ, XLII, 200/15); Бу ишкә муны тәк силиг әр кәрәк, Муның табғы көрки йарутса йүрәк 'Для такого дела нужен настолько чистый человек, чтобы красота его службы освещала сердце' (КБ, XXXVIII, 165/11).

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА И КОНСТРУКЦИИ С НИМИ

Деепричастие

Деепричастие в языке письменных памятников XI в. употребляется в разнообразных формах и функциях [88], хотя некоторые формы и отдельные случаи употребления подтверждают, что деепричастие в то время еще окончательно не выделяется из разряда причастий как самостоятельная категория. Наблюдается большая функциональная и семантическая самостоятельность деепричастий по сравнению с современным его употреблением, в силу чего они свободно могли входить в обстоятельственные конструкции и выступать в качестве сказуемого самостоятельного предложения.

Все формы деепричастия современного узбекского языка имеются в языке «Қутадғу билиг» и «Дīвāну луғāт-ит турк», но со своеобразными семантикой и функциями. Самыми употребительными были формы деепричастия на *-(ы, у)б//п* и *-(й)у*. Кроме них, функционировали деепричастия на *-ғынча//-қынча // -гӱнчӓ, -галы// -қалы//-гӓли*. Формы на *-мышыча//-мишичӓ, -мабын, -(ы, у)бан, -и //-ы* употребляются значительно реже.

Деепричастия в зависимой функции

Деепричастие в зависимой функции относится к глаголу, глагольным именам и именам действия, указывая на второстепенные действия и называя признак другого действия.

1. Деепричастие на *-(и, у)б//п* выражает действие или состояние, предшествующее действию или состоянию, выраженному глаголом, глагольным именем или именем действия. Для образования отрицательной формы используется аффикс *-ма* (*кэлиб — кэл-мӓ-биб*): Әбгӓрмӓбиб оқ атар ‘[Богатыри] стреляют, нисколько не задумываясь’ (ДЛТ, I, 240/202); Әбгӱлӱгӱг көрмәбиб ажун чықар ‘Не увидев ничего хорошего, они уходят из этого мира’ (ДЛТ, I, 396—397/351); Әбгӱрмӓбиб қобса аны элни қунар ‘Если не остерегаться [игнорировать] его [врага], то он разграбит страну’ (ДЛТ, II, 37/24).

Деепричастная форма на *-(ы, у)б//п* относится не только к глаголу, но также и к другим частям речи, называющим действие или состояние (имя действия, глагольное имя, деепричастие и др.). В большинстве случаев рассматриваемая форма деепричастия управляет другими словами, образуя определенные синтаксические конструкции. Деепричастные конструкции указывают на причину, время или условие действия или состояния, названного

---

[88] А. М. Щ е р б а к. Грамматический очерк, стр. 157—162.

глаголом: Нәгўгә иланўр сән әмди улып ‘К чему же ты сейчас привязываешься и стонешь?’ (КБ, XXI, 50/24); Ол бәк бирлә әwлаштти ойнаб ‘Играя с князем, он заложил дом’ (ДЛТ, I, 243/204); Ол мәниң бирлә оқ атты қызлашу ‘Он со мной соревновался в стрельбе, заложив девушку’ (ДЛТ, II, 257/174); Ол аның бирлә чөган урды ўмлашў ‘Он играл с ним в чавган [вид игры с мячом], подвернув [свои] штаны’ (ДЛТ, I, 244/205); Бу әбгўг тилäр барча йалңуқ турып ‘Все люди, пока они живут, стремятся к добру (КБ, XXXI, 86/18); Төрў қыл қатығлан, болуп, қылма кўч ‘Пока живешь, действуй законно, будь тверд, не насильничай’ (КБ, XXVI, 59/4).

Как видно из приведенных примеров, деепричастие на *-(и, у) б/п* по своей семантике отличалось большей самостоятельностью, чем в современных языках. Самостоятельность проявлялась главным образом в одиночных деепричастиях, которые могли выражать определенную мысль, представляя собой самостоятельные предложения.

2. Деепричастная форма на *-(й)у* известна главным образом в древнетюркском языке; она употребляется и в языке памятников XI в. (но значительно реже, чем деепричастная форма на *-б*). Отрицательная форма образуется присоединением аффикса *-ма* к основе глагола (*-бил-мä-йу* ‘не зная’) [89]. Деепричастие на *-(й)у* выражает второстепенное действие или состояние, происходящее одновременно с действием или состоянием, выраженным глаголом, указывая, как, каким образом протекает это основное действие или состояние: Йәди арзу нәъмат өзўм ублайу, Тирилдим ҳäм уð тәк билў билмäйў ‘Я жил, идя вслед [удовлетворяя] за своими желаниями и благами, ничего не ведая, как вол [как скот]’ (КБ, LXII, 160/13).

3. Деепричастная форма на *-а //-ä* выражает, как, каким образом осуществляется действие или состояние, выраженное глаголом. В языке исследуемых памятников указанная форма могла выступать в функции обстоятельства как самостоятельно, так и в составе деепричастного оборота: ай ача ‘сообщи откровенно’ (КБ, XXII, 44/47); Тәгрä йўгä қуш ўчäр ‘Вокруг него летают птицы’ (ДЛТ, II, 51/38). Характерно употребление этого деепричастия во временном значении: Тоға әсиз көр ол мунундын бири ‘Один из них — злой от рождения’ (КБ, XXI, 35/32); Кирў ма чықа билсä олтруғ туруғ ‘При входе и выходе он должен знать, как себя вести (букв.: стоять или сидеть)’ (КБ, XLVII, 114/24); Өтўндўм мән айдну төгäттим тура ‘[Во время своего] пребывания там я в обращении [к князю] выразил [свои чувства]’ (КБ, LXXIII, 185/5).

[89] Рассматриваемая форма деепричастия в современном узбекском языке не употребляется. Она встречается в отдельных случаях в языке Навои: Ҳäбибим *истäйў* гўлшан арā ҳар дäм гўл истäр мән («Туркий сўзлар девони», том I, стр. 262).

В современных языках некоторые деепричастные формы (на *-а //-ä* и др.) перешли в разряд наречий и послелогов. Этот процесс начался уже в XI в., например: *йана* ‘еще’, *йашру* ‘тайно’ (ДЛТ, II, 38/23); *қаршу* ‘против’ (ДЛТ, III, 287/203).

4. Деепричастная форма *-ғынча //-гинчä //-қынча//-кинчä// -гӱнчä* исторически образовалась путем присоединения к причастию на *-қан // -ган // -гän //-кан* форманта *-ча//-чä*. Таким же способом образовалось деепричастие на *-мышча//-мишчä* от причастной формы на *-мыш //-миш*. Это деепричастие употребляется реже, чем первое. В языке памятников последующего периода, например в языке «Қысасул анбийā», форма на *-мышча //-мишчä* употребляется чаще. Начиная с XVI века употребление указанного деепричастия начинает суживаться.

Указанные формы деепричастия могут выступать в роли управляющего слова и служить для образования деепричастной конструкции. Подобные деепричастия выражают действие или состояние, предшествующее действию или состоянию, названному сказуемым.

5. Деепричастная форма на *-қалы // -галы //-гäли* выражает главным образом цель, но она имеет и другие смысловые отношения: Оғрар тӱңӱр барғалы ‘Он собирается идти сватом’ (ДЛТ, III, 382/275); Оқтағалы отрушур ‘Идут друг против друга, чтобы стрелять’ (ДЛТ, II, 104—105/78).

6. Деепричастные формы на *-ы //-и*, *-мадын* и др. В «Дӣвāн»е в составе некоторых словосочетаний сохраняется архаичная форма деепричастия на *-ы //-и*: Мән сәңä туташы барырман ‘Я приближаюсь к тебе (букв.: примыкаю)’ (ДЛТ, I, 399/354); Тутмыш саны умналым ‘Будем надеяться, что [дичь] поймана’ (ДЛТ, III, 434/316). Это деепричастие, как и деепричастие на *-гäли*, по своей семантике приближается к наречию.

В языке памятников этого периода, хотя и очень редко, встречаются деепричастные формы на -мадын (выражает образ действия) и на *-(ы, у)бан* [90] (обозначает добавочное действие или состояние, предшествующее основному действию или состоянию, выраженному сказуемым): Чәчäк йазлур анда тӱмäн тӱ йыдын ‘Там цветут цветы, благоухая (букв.: имея тысячу запахов)’ (КБ, XXVIII, 69/25); барубан ‘приходя’ (ДЛТ, I, 121/88); Барчын кәбибан ‘одевшись в шелка’ (ДЛТ, III, 171/116).

Деепричастие в функции сказуемого самостоятельного простого предложения

Деепричастия на *-(ы, у)б//п*, *-(й)у* и *-а //-ä* по своей семантике были более самостоятельными и поэтому могли функционировать в качестве сказуемого самостоятельного простого (обычно повест-

[90] См.: М. Ш. Ширалиев. Об этимологии деепричастной формы на *-ыбан -ибән, -убан*. — ВЯ, 1960, № 3.

вовательного) предложения [91]. Сказуемое в подобных предложениях не согласуется со своим подлежащим в лице и числе, ибо деепричастие и в этой функции не принимает аффиксов лица и числа. Несмотря на это, такие предложения соотносительны с предложениями, сказуемое которых выражено verbum finitum. В некоторых случаях деепричастия составляют один из компонентов однородных сказуемых простого предложения.

Примеры: Бу мунча тәб* әмди сөзүң нә бәрәй (برای) 'Ты так много сказал, но для чего [мне] теперь твои слова?' (КБ, XXII, 391/1); Туру бәргү ашта көрүп йат базыр 'Сначала надо встать, присмотреть за незнакомыми и дать им поесть' (КБ, LV, 130/12); Атын мүнди кәлди йүз әwгä туруб 'Сел на своего коня, приехал к себе домой' (КБ, XXXIX, 176/10).

Деепричастная форма на *-а // -ä* в качестве самостоятельного сказуемого употребляется сравнительно редко:... әшитиб кәтä турмасу 'услышав, пусть он не уходит' (КБ, XL, 184/1) [92].

Употребление деепричастия в составе сказуемого привело к образованию составных сказуемых (*ёзибди* < *ёз-иб-турур*, *келади* < *кел-а-турур*). С другой стороны, отдельные формы деепричастий уже в языке памятников XI в. превратились в наречия и послелоги: *оза* 'раньше', *толу* 'полно', *бутру* 'совсем', *отру* 'наоборот', *йандру* 'снова', *сайу* 'считая', *көрү* 'смотря' и др.

Деепричастие в функции сказуемого одной из частей бессоюзного сложного предложения

Простое предложение, сказуемое которого выражено деепричастием, могло выступать одним из компонентов бессоюзного сложного предложения. Предложения с деепричастным сказуемым относительно самостоятельны и связываются с другой ча-

---

[91] Здесь под самостоятельным простым предложением подразумевается самостоятельное в грамматическом отношении предложение, не являющееся придаточным (подчинительным) предложением. Такое «самостоятельное предложение» может входить в сложное предложение как его составная часть. В этом случае оно по своему содержанию способно выражать второстепенную, подчиненную (уточняющую) мысль.

* R. Arat: tap (стр. 650).

[92] В языке памятников последующего периода деепричастия на *-а//-ä*, *-(ы) б//п* могли сочетаться с личными местоимениями в функции личных показателей (*көрүбмän*, *барыбсан*), чего не наблюдается в языке памятников XI в., где деепричастие могло сочетаться с глаголом-связкой *әр-*, *бол-*, *турур-*. В современных тюркских языках формы деепричастий на *-б//-п*, *-а//-ä* и некоторые другие могут функционировать в роли сказуемого, например: узб. *кел-а-сан*, *кел-иб-ман*; татар. *кил-ä*, казах. *Совет Өкметі орнай, Торсанның турайлы жеріне кедейлер не болди* (С. Муканов); азерб. *О дүнән кәлибдир. Мин керван кәләрәк, мин кәрван кәдир*. См. также: И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка. Вып. III. Фрунзе, 1940, стр. 25—26, 30—31; Е. И. Убрятова. Исследование по синтаксису якутского языка. М.— Л., 1950, стр. 8.

стью предложения лишь по смыслу [93]. Смысловые отношения частей подобных сложных предложений более тесны и взаимообусловлены.

Бессоюзное сложное предложение, сказуемое одной из частей которого выражено деепричастием, передает следующие смысловые отношения.

1. Перечисление: Ышы аның арташыб, Оғрақ билә өртәшиб, Бойнын алыб қабрышыб, Тутғун алыб қул сатар 'Его дела испортились, он и племя огра́ков нападали друг на друга, согнув им шеи, он захватывал пленных, продает их в рабство' (ДЛТ, II, 254/172); Қамуғ нәңә тәңри қылур ол сәбәб, Қамуғ әбгү әсиз аңар өз улаб 'Бог связывает все происходящее (букв.: все вещи) с определенной причиной. Все хорошее и плохое происходит от него' (КБ, Наманганская рукопись, 59б/9); Туман туруб толы йағды 'Поднялся туман и пошел град' (ДЛТ, I, 157/124); Йүлдүзлари журкашиб, түн күн үзә бурканур 'Звезды выстраиваются в ряд, ночь постепенно сменяет день' (ДЛТ, II, 350/244).

2. Сопоставление, сравнение; сказуемое первой части обычно выражено деепричастием на *-(ы, у)б//п*: Ким айиб эшитүр қулақ 'Кто сказал и кто слышал...' (ДЛТ, I, 358/315); Киши сөзләшү, йылқы йиблашү 'Люди [узнают друг друга] разговаривая, скот [узнает друг друга] по запаху (букв.: нюхая)' (ДЛТ, III, 114/73).

Именное сказуемое придаточного предложения как правило имеет глагол-связку *бол-* (в форме деепричастия *болуп//б* 'будучи'), а сказуемое второй части сложного предложения выражается именем: Аты бәк болуп* болса қылқы қара 'Хоть он носит имя князя, нрав его черный' (КБ, XXXI, 83/33), Билиг бәк болуп көр уқуш болға хан 'Если знания — князь, то разум — это хан' (КБ, LX, 150/ /34).

В некоторых предложениях с деепричастным сказуемым выражается оттенок условия: Билигсиз уқып әмди бойнуң әг-ә 'Если невежда поймет [это], то ты подчинись [ему]' (КБ, XXVIII, 68/1); Әлиг бир қылып кәд тапуғ қылса мән 'Если Элик что-то делает, [то] чтобы я мог ему оказывать много услуг' (КБ, XLV, 111/12). В отдельных случаях выражается несоответствие действий, состояний или качеств, выраженных сказуемыми частей сложного предложения: Мәниң өз әлимдә тилагим болуп, Йарағсыз болур булмаса мән қолуп 'Если я хочу что-то получить (букв.: я имею желание) от своего народа, Плохо, если я не до-

---

[93] A. C. E m r e. Türkçede cümle. «Türk dili araştirmalari yıllığı». Ankara, 1954, стр. 171. В современном узбекском языке деепричастие само по себе без аффиксов сказуемости не может служить для образования самостоятельного предложения. Но в языке Навои встречаются предложения, сказуемое которых выражено деепричастием (главным образом формой на-*(ы)б, -а //-й*): Түрли-түрли иллятлар бадани үйидә өкүлүб, Ажаб-ажаб мараз кәсратидин хайатидан төнгүлүб (Н а в о и. Маҳбубул қулуб, стр. 74).

* R. Arat: bolur (стр. 225).

стигну [этой цели]› (КБ, XLIX, 110/27); Әдиз, кәң, бәдизлиг сарайиң қалып Қаранқу йәр әwдә йатурсан ўлип ‹Твой высокий, просторный, разукрашенный дворец останется, [а] ты, рыдая, будешь лежать в доме из черной земли› (КБ, XXVI, 58/7).

3. Причину и следствие. Первая часть бессоюзного сложного предложения, где сказуемое выражено деепричастием, указывает причину, а вторая часть — следствие, вытекающее из содержания первой части. Сказуемое первой части может выражаться следующими формами деепричастий:

1) деепричастием на *-(ы, у)б//-п*: Йәтшу кәлип оғрақ, Тоқшыб анин кәчтимиз ‹[Войска племени] Оғрак подоспело, и мы сразились и потому опоздали› (ДЛТ, III, 199/138); Бубун асғы артты йәнип йўкләри ‹Блага народа увеличивались, и бремя его облегчилось› (КБ, XXVII, 64/37); Қайуқа өгәлиг төгўг өг болур ‹Некоторые, приобщившись к знаниям, становятся разумными› (КБ, XLVIII, 117/2);

2) деепричастием на *-(й)у*: Тўн күн туруб йығлайу, Йашым мәниң сawрулур ‹День и ночь я плачу, текут мои слезы› (ДЛТ, II, 270/183); Үбик мәни күчәйўр, Тўн күн туруп йығлайу ‹Любовь замучила меня, Днем и ночью я плачу› (ДЛТ, III, 275/194);

3) деепричастием на *-а / /-ä*: ... өзўм сәңа қабғура тилдә кәсмäз созўм ‹От тоски по тебе на устах не кончаются слова› (КБ, XLII, 193/6).

4. Предложение с деепричастным сказуемым дополняет содержание второй части сложного предложения или выражает модальные отношения между частями сложного предложения: Қызыл сарығ арқашыб, Йәпкин йашыл йўзкашиб, Бир бир кәрў йўркäшиб, Йалңуқ аны таңлашур ‹Красные и желтые [цветы] поднимаются одни над другими, зеленая базилика пробивается, [цветы] повернулись лицом [друг к другу], [все цветы] сплелись друг с другом, а люди восхищаются ими› (ДЛТ, I, 375/331).

5. Предложение с деепричастным сказуемым выполняет функцию субъекта или предиката по отношению ко второй части сложного предложения: Кәräклиг аңар бу ҳäкимлäр айу ‹Нужно, чтобы мудрецы сказали ему› (КБ, 164/20)[x], Мунум бу мәни йалңуқ эрсäл тәйў ‹Моя беда в том, что люди называют меня скверным› (КБ, 31а); Бу мунча тәп*, әмди сөзўң нә бәрäй ‹Ты говоришь так много, а что мне от твоих слов?› (КБ, LXXII, 391/1).

Деепричастный оборот как составная часть осложненного предложения

Деепричастный оборот выражает второстепенное, сопутствующее действие или состояние субъекта и поэтому во многих случаях представляет собой второстепенное сказуемое.

---

* R. Arat: tap (стр. 650).

Основной отличительной особенностью деепричастных оборотов в языке XI в. является их относительная логическая самостоятельность. Поэтому в некоторых случаях деепричастный оборот присоединяется к другой части осложненного предложения посредством сочинительных союзов и значимых слов в роли сочинительных союзов: Йәтиган көтӱрди йана баш өрӱ, Төңитти йана йылдрық аδғыр өңи нару 'Плеяды [название группы из семи звезд в созвездии Тельца] подняли свои головы; он заметил также переднюю часть блестящего [созвездия] Жеребца' (КБ, LXVII, 177/28); Тоғуп тақы қалмады мәнгӱ әран 'Родившись, человек вечно не останется [на земле]' (ДЛТ, III, 388/280).

Деепричастный оборот в основном выражает, как, каким образом происходит действие или состояние, названное управляющим глаголом. Однако в языке исследуемого периода значение деепричастных оборотов было шире и сложнее. Некоторые формы деепричастия выражают в составе деепричастного оборота сложные смысловые отношения.

1. Отношение перечисления выражается деепричастием на *-б/-п, -а //-ä,-мышынча//-мышча, -қынча//-гинчä*: Өчäшмä бу бәкляр билä сән болуп, Сөзин сөзлämägил мägяр кәδ көрӱп 'Не враждуй с князьями, пока ты [с ними] живешь, помалкивай и говори только, если увидишь хорошее' (КБ, XLVIII, 117/21); Бөгӱ билги кәтти өлӱмӱг көрä 'Увидев смерть, мудрец лишился разума' (КБ, XXV, 49/35); Сӱнӱп тутмышымча аδырдым сөзӱг 'Прежде, чем преподнести, я выбирал слова' (КБ, LXX, 184/32); Миң әбгӱн аδағыны тутғынча сән 'До тех пор, пока ты достигнешь славы, тысячи добродетелей...' (КБ, XLV, 109/10); Қарып өлмägинчä унутмас аны 'Они не забудут его до самой смерти' (КБ, XXVI, 60/14).

2. Условное отношение выражается деепричастием на *-б // -п, -(й)у, -гали*: Тапуғқа ынаныб қайу әрсä қул, Булумады тәңри сәwинчингä йол 'Если раб надеется [только] на службу, [то] он не найдет пути к божьей благодати' (КБ, Наманганская рукопись, 120б/5); Тӱнлä йӱрӱп күндӱз сәwнӱр, Кичикдä әwляниб улғаδу сәwнӱр 'Если [не лениться] идти ночью, то будет радостно [тебе] днем, Если жениться в молодости, то будет радостно в старости' (ДЛТ, III, 96/62); Өгӱш сөзлäйӱ билгä болмас киши 'Кто говорит слишком много, [тот] не становится умным' (КБ, XXII, 44/39); Йазыдақы сӱwлин әδäргäли, әwдäги тақағу ычғынма 'Гоняясь за фазаном в степи, не потеряй курицу [у себя] дома' (ДЛТ, I, 418/373).

3. Уступительное отношение выражается деепричастием на *-б // -п*: Әки күнлик әртäр ажунуғ булуп 'Хотя он прожил [всего] два дня после того, как пришел в этот мир...' (КБ, XXV, 141, 61/22); Билиглик ачып аз йәгӱси мәңи 'Мудрый (букв.: знающий) наслаждается и малым [количеством] пищи, когда голодает' (КБ, LXIX, 180/37).

4. Определительное и дополнительное отношения выражаются деепричастием на *-б // -п* (что исходит из самой семантики деепричастия, которое в рассматриваемый период стояло на стадии выделения из категории причастия): Бирägӱ бай әwлик тилäр устикип, Тақы бири көрклӱг тилäр көз тикип 'Один желает богатой жены, другой зарится на красивую' (КБ, LIII, 128/11, 382); Кӱwänмäзмäн* әмди бу бәклик булуп, Өз инчлик тилäб ма тириглик булуб 'Теперь я не хвалюсь тем, что достиг господства, Что добился собственного покоя и обрел жизнь' (КБ, XXXIX, 173/3).

5. Целевое отношение выражается деепричастием на *-ғалы // -қалы // -ғäли // -käли*: Әр қулын урғалы сәсинди 'Человек намеревался побить своего раба' (ДЛТ, II, 177/119); Анунмыш турур бу өлӱм тутғалы 'Смерть уже готова тебя схватить' (КБ, LXVIII, 179/8); Өзӱң суқланур сән ажун тәргäли, Өлӱм суқланур көр сәни тутғалы 'Ты сам жаждешь собрать богатство мира, [А] смерть жаждет схватить тебя' (КБ, XLIII, 103/12); Сәни алғалы кәлдим андын йӱрӱб 'Я пришел оттуда, чтобы взять тебя с собой' (КБ, Наманганская рукопись, 129 б/1).

6. Сопоставительное отношение выражается деепричастием на *-ғынчä//-ғинчä*: Әлиг тутғынча от тут 'Лучше держать огонь, чем стать поручителем [кого-либо]' (ДЛТ, II, 337/235); Өкӱз аб̌ақы болғынча, бузағу башы болса йәг 'Чем быть ногой вола, лучше быть головой теленка' (ДЛТ, I, 91/58); Кӱл ӱргӱнчä көз ӱрсä йиг 'Чем дуть на пепел, лучше дуть на жар' (ДЛТ, I, 324/283).

Характерно, что деепричастие на *-ғäли* могло быть синонимом деепричастия на *-б // -п*: Өзӱң ыдмағыл сән уб̌ып йатқалы 'Ты лежишь, дремлешь [не замечая, что] опускаешься (букв.: идешь ко дну)' (КБ, LXVIII, 179/7). В отдельных случаях деепричастие на *-ғäли* выражает временное отношение: Нәлӱг кизлäдиң йӱз мәңа кәлгäли 'Почему ты прячешь лицо, когда идешь ко мне?' (КБ, LXIX, 180/3) [94].

В языке памятников XI в. имя в сочетании с глаголом-связкой в форме деепричастия (*болуп*) составляло деепричастный оборот. Такие конструкции обозначают, как, каким образом осуществляется действие или состояние или выражают условие, при котором может быть осуществлено действие или состояние, выраженное глаголом: Әлигкä көрӱнди сәwӱнчлиг болуп 'Он представился Элику очень обрадованным' (КБ, XXVII, 63/2); Киши қул болур әргä әб̌гӱ болуп 'Можно быть даже слугой у человека, если он добр' (КБ, XXXI, 86/18).

* R. Arat: kuvenmez men (стр. 311).

[94] Эта функция деепричастия на-*ғäли* была довольно широко распространена в древнетюркском языке. Ср.: барс̨äнӱкläгali jiti kӱn болмыш 'прошло семь дней, как тигрица ощенилась' (Э. Р. Тенишев. Грамматический очерк древнеуйгурского сочинения «Золотой блеск». Автореф. канд. дисс. Л., 1953, стр. 14). В современных языках (турецком, казахском, азербайджанском и др.) эта форма имеет в основном временное значение.

Из приведенных выше примеров видно, что деепричастие на *-гäли* могло обозначать действие, протекающее в настоящем времени, а деепричастие *болуп* — действие в будущем времени. Этим и объясняется выражение временного смыслового отношения в конструкциях с деепричастием на *-гäли* и условное смысловое отношение в конструкциях с деепричастием *болуп*. В современном языке эти формы не выражают подобных смысловых отношений, так как форма деепричастия на *-гäли* указывает на будущее время, а деепричастие *болуп* — на настоящее. Следовательно, изменение выражения определенных смысловых отношений деепричастием в современном языке объясняется изменением семантики самого деепричастия [95].

Деепричастия в функции сказуемого придаточного предложения

Некоторые деепричастные конструкции имеют в своем составе особое подлежащее; в них выражается относительно законченная мысль. Конструкции с особым подлежащим представляют собой придаточные предложения, зависимые от главного.

В рассматриваемых памятниках деепричастие широко употребляется в функции сказуемого разнообразных придаточных предложений. В этой функции одни деепричастия употребляются чаще (формы на *-б//-п*), другие — реже (формы на *-мишчä*, *-гäли*, *-мабын*). В отличие от современного языка в памятниках не было деепричастной формы, которая не функционировала бы в качестве сказуемого придаточного предложения.

1. В функции сказуемого придаточного предложения времени функционируют деепричастия на *-гынча//-гинчä*, *-б//-п*, *-а//-ä*, *-мабын*, *-(у)бан*: Қарын тобса awқа йўгўрмäс болур, Ибиси тилäгинчä бармас турур ‘Если [собака] сыта, то она не бежит на охоту, как хотел бы ее господин, а не двигается [с места]’ (КБ, XLIII, 102/29); Көзи суқ киши нәңгä тобмас көзи, Мäгäр болмағынча қара йәр тозы ‘Жадный человек не насыщается богатством До тех пор, пока не войдет в черную землю’ (КБ, LX, 153/6); Тўтўшмägинчä тўзўлмäс, тўбирмägинчä ачылмас ‘Пока не бывает ссоры, не бывает и мира, пока не бывает вьюги, не проясняется [погода]’ (ДЛТ, II, 75—75/59); Башыңа ағып мән ол эwчи* көлип, мәңа бәрдўги cywни ичтим алып ‘Когда я поднялся на вершину, пришла та женщина, Я взял и выпил воду, которую она мне дала’ (КБ, LXYI, 172/35); Йағыз йәрдä йарлур йўräги улыб... ‘Когда он умрет, сердце его будет гореть в земле’ (КБ, LXVII, 175/12); Тўн кўн көчä алқынур өблäк билä а:й ‘Приходят дни, ночи, уходят месяцы,

---

[95] См. С. Brockelmann. Указ. соч., § 230.

* R. Arat: atçi (стр. 600).

[течет] время› (ДЛТ, I, 111/78); Таң ата йорталым ‘Как только настанет утро, мы двинемся› (ДЛТ, III, 367/263) [96]; Тилим тәбрämäδин әшитүр сөзүм ‘Прежде чем двинется мой язык, он слышит мое слово› (КБ, XLV, 108/3); Йай барубан әркүзи, Ақты ақын мундузы ‘Как только пришла весна, воды пошли потоком› (ДЛТ, I, 121/88). Сән кәлибän тәбräшүр ‘Как только ты появляешься, они приходят в движение› (ДЛТ, II, 237/161).

2. В функции сказуемого придаточного предложения условия (с оттенком времени) употребляются деепричастные формы на *-б//-п* (чаще) и *-(й)у*, *-галы*, *-гынча*: Ундаб улуғ табару tawрақ кәлиб йүгүргил ‘Если тебя вызывает старший, то беги к нему быстро› (ДЛТ, III, 76/50); Йалңуқ урулмыш қап ол, ағзы йазылып алқынур ‘Сын людской — надутый бурдюк, если развязать [его], он опадает› (ДЛТ, I, 204/169); Бу күн өкнүп асғы нәгү ол ата, Башын йәргä чалса улып миң қата ‘Если ты раскаешься сегодня, какая от этого польза [какая польза от того, что] ты будешь биться головой о землю, стонать тысячу раз› (КБ, XXV, 50/27); Вазырлық тәгүп болса әлгиң узун ... ‘Если тебе дают звани визиря, то ты получаешь власть› (КБ, XLVIII, 119/7); Ҳақиқат көрү барса тылдағ турур ‘Если присмотреться к правде, окажется пустой болтовней› (КБ, XLII, 196/3); Йақадақы йалғағалы әлигдäги ычғынур ‘Пока будешь слизывать то, что на воротнике, потеряешь то, что в руке› (ДЛТ, III, 371/227).

3. В функции сказуемого придаточного предложения образа действия выступают деепричастные формы на *-б//-п*, *-(й)у*, *-а//-ä*: Көңли күйүб, қаны қурыб, ағзы ачыб қуғурар ‘Он захохотал, и сердце его горело, а кровь высыхала› (ДЛТ, II, 218/148); Инäнсä аңар бәк нә көңли бүтүб ‘Чтобы ему князь полностью доверять сердцем мог› (КБ, XXXVII, 163/8); Сөзин кәсти Әлиг өзи амрулуп ‘Элик прервал свою речь, успокаивая себя› (КБ, LXVIII, 179/14); Сықрыб ўни йўрлäйў, сығтаб көзи өртўлўр ‘Он рыдает, громко стонет, слезы застилают ему глаза› (ДЛТ, I, 197/164); Қалдым көңўл томлайу ‘Остался я с застывшим сердцем’ (ДЛТ, III, 310/218); Өлўм тутты, барды көзи тәлмирä ‘Смерть настигла [их, и они] уходили, глаза их смотрели с тоскою› (КБ, LXXIII, 185/14).

4. В функции сказуемого уступительного предложения выступают деепричастные формы на *-б//-п*, *-а//-ä*: Awчы йашыб тузақ таба мәңä бақар ‘[Хотя ворона видит] спрятавшегося охотника, она [все же] смотрит [на приманку] в силке› (ДЛТ, I, 401/356); Кичиг болуб йағыны йәргү әмас ‘Хотя враг и мал [-очислен], пренебрегать им не следует› (ДЛТ II, 37/24) Қайуқа тайандың көрўр көз көрä ‘На что ты надеялся (букв.: опирался), видя [недоброе] своими глазами› (КБ, LXXIII, 185/20).

[96] Деепричастие на *-а//-ä* широко употребляется в функции сказуемого придаточного предложения времени и в языке «Бабурнамэ». В современном узбекском языке эта форма деепричастия в указанной функции не выступает.

5. Деепричастия на *-мышыча, -гинчä* функционируют в качестве сказуемого придаточного предложения меры и степени: Кӱчӱ йэтмишинчä қатырлансу өз ‘Насколько хватит [у тебя] сил, возьми себя в руки’ (КБ, LX, 149/28); Кишилик тэгинчä төрӱ қыл йанут ‘Насколько хватит человечности, издавай [гуманные] законы и тем вознагради [народ]’ (КБ, XXXVII, 66/4).

6. В функции сказуемого придаточного предложения причины (с оттенком времени) в основном выступает деепричастие на *-(ы, у)б//-п*: Қорқуб башыт әбгинӱр ‘От того что он испугался, у него кружится голова’ (ДЛТ, II, 361/251); Иши йахшы этлиб кӱwänчгä тэгир ‘Улучшаются его дела, и он радуется’ (КБ, Наманганская рукопись 91б/7); Мэни көрӱб йэси ағды ‘Увидев меня, [он почувствовал, что] его сознание помутилось’ (ДЛТ, I, 179/146).

7. В функции сказуемого придаточного предложения сопоставления выступает главным образом деепричастная форма на *-гинчä* и ее фонетические варианты: Өкӱз аbақы болғынча, бузағу башы болса йэг ‘Лучше быть головой теленка, чем ногой вола’ (ДЛТ, I, 91/58).

Условная форма глагола и конструкции с условной формой

В языке памятников XI в. условное наклонение имело форму на *-са//-сä*, его более древняя форма на *-сар//-сäр* не встречается [97]. С аффиксом *-са//-сä* связаны три разные формы: 1) условное наклонение — аффикс соединяется только с глагольной основой; 2) условная модальность на *исе ~ эсä*, также имеющая условное значение, но *исе ~ эсä* присоединяется к любой знаменательной части речи, в том числе к личным формам глагола; 3) форма на *-са//-сä* со значением желания. Здесь словообразовательный аффикс присоединяется как к именным, так и глагольным основам [98].

Примеры на последнюю функцию указанного аффикса: этсäди ‘ему захотелось мяса’, ачығсады ‘ему захотелось [чего-нибудь] кислого’, көрӱгсäди ‘ему захотелось увидеть’, өпсäди ‘ему захотелось поцеловать’; барығсады ‘ему захотелось идти’ (ДЛТ, I, 276—279/234—237).

---

[97] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 194. В языке современных желтых уйгуров употребляется форма условного наклонения *қарасар, йарасар*, где аффикс *-сар* состоит из двух элементов: *-са + эр < эрӱр*. См.: С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 189. В следующем двустишье из Наманганского списка КБ *-сар* употребляется в составе недостаточного глагола: Арықсыз жафалығ қылынчы отун, Қалы айды эрсäр қыйар сөзини (КБ, 107а/14).

[98] В современном азербайджанском языке рассматриваемая форма присоединяется также к именным основам: Әкәр јанынызда пул јохдурса, бир ганун вардыса (См.: А. З. Абдуллаев. Сложноподчиненные предложения в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963, стр. 115, 125).

М. Кашгарский полагает, что аффикс *-ca//-cä* происходит от основы глагола *сады* 'считать' 'полагать' [99].

Форма на *-ca//-cä* широко используется в роли управляющего слова и может служить для образования различных синтаксических конструкций. Во многих случаях форма на *-ca//-cä* по своей семантике близка к глаголу изъявительного наклонения: Байат билсä * қанча бәрир әрсä жан 'Только бог знает, на какое время он отдал душу' (КБ, XXVI, 61/12);... бәк усал болса тәгсä әринч 'Если князь нерадив [недальновиден, неосторожен], то встречается с трудностями' (КБ, XL, 179/6); Узун болса ** сөз тәп тыбылды тилим 'Считая, что речь может оказаться длинной, хочу придержать мой язык' (КБ, LII, 126/37).

Условная форма может употребляться в значении будущего времени (с недостаточным глаголом *әрди* и без него): Қамуғ өлса *** әрди билигсиз отун 'Все невежды и глупцы умерли бы' (КБ, XXVI, 61/26); Бу сөз ишкä тутса сәңа болса **** йәг 'Придерживайся этих слов, они принесут тебе пользу' (КБ, XXXII, 93/4); Ким әр тутса өггӱ ачынғу кәрäк, Ол ачығ билä әр урунса йӱрäк 'Кто поддерживает человека, того надо похвалить и высказать сочувствие, [потому что] человеческое сердце бывает тронуто сочувствием' (КБ, XXXI, 89/12). Соответствуя по функции глаголу изъявительного наклонения, условная форма в подобных случаях выражает особый семантический оттенок — значение цели (в ряде современных языков оно выражается сочетанием имени действия с послелогом *ӱчӱн*): әсизläргä қашығ кәрäк қорқсалар, Йawашларқа әдгӱ кәрäк сәwсäläр 'Против злодеев необходимо иметь могучего человека, чтобы они боялись его, Для покорных нужен хороший человек, чтобы его любили' (КБ, XXXI, 86/12).

Самая употребительная функция формы условного наклонения — это использование ее для образования самостоятельного предложения со значением желания: Йәтӱрсä, ичӱрсä тоδурса қарын, Қуруғ ыδмаса бәрсä өздä барын 'Пусть он дает [им] ему и питье, насыщает их, Пусть он не отправляет [их] с пустыми руками, а дает, что имеется у него' (КБ, XXXIII, 94/14).

В памятниках XI в. условная форма с самостоятельной функцией могла сочетаться с относительным местоимением. Это указывает, насколько самостоятельней была она по сравнению с аналогичной формой в некоторых современных языках: Қачан йәр элин ол қудатмыш күн-ä, Сынамыш кишиг ол сынаса йана 'Когда солн-

---

[99] ДЛТ, I, 278/236; см. также: Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении условной формы в тюркских языках. «Акад. А. Гордлевскому к его 70-летию». М., 1953; А. М. Щербак. Грамматический очерк, стр. 146—148.

* R. Arat: bildi (стр. 169).

** R. Arat: bolġa (стр. 445).

*** R. Arat: ölsün (стр. 171).

**** R. Arat: bolġa (стр. 264).

це, которое осчастливливает землю и народы, сможет испытать еще раз испытанного человека» (КБ, LXIII, 167/22). Во многих случаях условная форма глагола меняет свое значение и функции, сочетаясь с глаголом-связкой, недостаточными глаголами и модальными словами (*болғай*, *болур*, *турур*, *эрсä*, *йарағай*, *йарағлыг*, *кэрäк*): Ынанса йарағай 'Ему можно поверить' (КБ, XXXVI, 159/6); Муны алса болғай 'Это можно взять' (КБ, XIX, 180/9); Бэкläр ынанса болур 'Князья могут довериться' (КБ, LXXXI, 89/27); Барса йарағлы турур 'Можно идти' (КБ, LXVIII, 179/22).

С формальной точки зрения приведенные выше сочетания можно было бы расчленить на главные и придаточные предложения. Однако в языке памятников XI в. слова *йарағай*, *болғай*, *болур* лишь формально представляют собой главное предложение в составе сложноподчиненного. Фактически же вышеуказанные слова, сочетаясь с условной формой глагола, выступают как единое синтаксическое целое в роли сказуемого простого предложения. Роль слов *йарағай*, *болғай* и *болур* сводится к оценке возможности или невозможности совершения действия, названного условной формой глагола.

Условная форма в сочетании с *кэрäк* употреблялась в значении и функции имени действия: Бу ики кишига кэрäк сөзläсä 'Этим двум необходимо сообщить' (КБ, XXXV, 27/19). В современных языках условная форма в таких конструкциях заменилась формами имен действия (*сөзläши кэрäк*, *сөзläсä кэрäк*, *сөзläмäк кэрäк* и т. д.).

Функция и семантика недостаточного глагола *эрсä* в языке XI в. весьма своеобразны. В «Қутадғу билиг», например, мы встречаем случаи сочетания глагола *эрсä* как с именем, так и с глаголом. Конструкции с *эрсä* в основном представляют собой придаточное предложение условное и условно-временное: Сэни көрди эрсä йаруқ болды көз '[Мои глаза] посветлели, когда увидели тебя' (КБ, XLII, 193/1); Тилäб булғу эрсä тилäйў көрäйи 'Если я смогу разыскать, попробую разыскать' (КБ, LXXII, 389/3); Олар қодмыш эрсä сэwинчлиг болайи 'Радоваться мне, если они остались' (КБ, LXXII, 390/13); Асығлыг қул эрсä оғулда йақын 'Если раб приносит пользу, он ближе сына' (КБ, XXXIX, 172/3). Конструкция с *эрсä* может представлять собой и отдельное самостоятельное предложение: Өкўш нэң көрў тодмыш эрсä көзи, Йана қорқар эрсä байатқа өзи 'Пусть глаза его будут сыты при виде многих богатств, Да убоится он сам бога' (КБ, XXXVI, 154/6).

Сочетание условной формы глагола с недостаточным глаголом в форме глагольного имени (*эрмиш*) было весьма характерно для языка XI в.: Эсäн болса эрмиш бу йалңуқ өзи, Тилäккä тэгир эй бағырсақ қозы 'Если человек здоров, он достигнет своих желаний, о сердечный ягненок' (КБ, 122б/6).

В некоторых случаях в функции *эрсä* употребляется вспомогательный глагол *болса*: Нэ көрклўг болур билгä болса амул 'Как

прекрасно, когда человек мудр и спокоен› (КБ, XXVII, 66/14); Бэки әдгӱ болса будун әдгӱ ол ‘Если князь хорош, то и народ хорош› (КБ, XXVI 57/32). Другой функцией глагола-связки *болса* и недостаточного глагола *әрсӓ* является употребление их в сочетании с именами существительными и местоимениями в составе простого предложения. В этой функции они, как и в современных языках, подчеркивают значение слова, к которому они присоединяются: Сӱ башлар киши болса мундағ кәрак ‘Что касается полководца, то он должен быть таким...› (КБ, XXXI, 89/23); Балā мәҳнат әрсӓ йағаи тәк йӱдӓр ‘А несчастье и бедствие несет он, как слон› (КБ, XLII, 197/9) Йәмӓк ичмӓк әрсӓ йәдим ичтим уδ тәк ‘А еду, питье я ел и пил, как вол› (КБ, LXXI, 387/4).

Как условная форма, так и конструкции с условной формой глагола могут выражать различные модальные отношения, функционируя в качестве вводных слов и вводных предложений:

1) условные формы глагола *көрсӓ*, *көрӱ бәрсӓ*, *билсӓ*, *билир әрсӓ* указывают на отношения между высказываниями или отдельными его частями, а также дают эмоциональную оценку: Нә муңлуғ турур көрсӓ йалңуқ өзи ‘Как несчастен человек, если посмотреть на него› (КБ, LXVIII, 177/7); Ажун тоқлуқу барча ачлық турур, Әрижи, сәwинчи, көр, әмгӓк әрӱр ‘Насыщение [сего] мира, посмотришь,— это [на самом деле] голод, Его благополучие, смотри же, только муки› (КБ, LX, 150/30); Сақығ ол көру бәрсӓ * дӱнйа иши ‘Если вдуматься (букв.: если рассматривать), дела мира сего словно искры› (КБ, XXVI, 57/31); Ӓдӓб бирлӓ аш йә билир әрсӓ сән ‘Ешь, как положено, если ты [об этом] знаешь› (КБ, LV, 131/2); Бағырсақны булса бағырқа орун ‘Если найдешь милосердного, [храни] его в сердце› (КБ, XXX, 75/5);

2) условная конструкция *мән айса* указывает на источник, откуда почерпнута мысль:... бу ма кәрӓклиг турур, ай қадаш айса ма ‘И это необходимо, о друг, если я скажу тебе› (КБ, LV, 130/25).

Условная форма глагола широко используется в функции сказуемого придаточного предложения (в сочетании с относительными местоимениями или без них) [100]. Эта форма выражает действие или состояние, которое относится к настоящему или будущему времени. Поэтому сказуемое главного предложения выражается формами глагола будущего времени: Оқыса ачылғай... ‘Если он прочтет, ему раскроется смысл [прочитанного]› (КБ, XXI, 37/24); Әшйӓк айур башым болса, сундурыда суw ичкӓймӓн ‘Осел говорит: если моя голова будет цела, то я буду пить воду из моря› (ДЛТ, I, 454/407).

Условная форма глагола обычно выступает в функции сказуемого самостоятельного предложения со значением желания: намерения: Табуғқа кәлир әрсӓ йат баз киши, Көрӱ алса, этсӓ отағы

* R. Arat: barsa (стр. 158).

[100] Этот вопрос рассматривается самостоятельно в 5-й главе настоящей работы.

иши ‘Если придет на службу чужестранец и незнакомец, То пусть он примет его, уладит с жилищем и с работой’ (КБ, XXXII, 94/16).

В некоторых случаях сказуемое главного предложения в форме настоящего или прошедшего времени условного наклонения может употребляться в значении будущего: Бу тӱшӱн қобурса тӱшӱн ол ажун ‘Если ты очнешься от сна, то увидишь, что мир — это только временная квартира’ (КБ, XXVI, 57/11); Бэгин кəδ сəwиндӱрсä табнур қулы, Ачылды бу қулқа ағырлық йолы ‘Если служащий раб очень радует своего князя, То для раба открывается путь чести’ (КБ, XIX, 34/30).

Расположение условного придаточного предложения свободно. Оно может располагаться перед, после и внутри главного предложения: Унутма мəни, ай уқуғлы тириг, Өзӱм қоδса дӱнйа төшäнсä йəриг ‘Не забудь меня, о здравствующий понятливый [человек], Когда я покину этот мир и [лягу] в землю’ (КБ, LXX, 184/3); Ақылық ол əрмäс ӱлäсä кӱмӱш ‘Щедрость не в том, чтобы раздавать серебро’ (КБ, LXVII, 174/15).

В некоторых случаях в составе придаточного предложения употребляются союзные слова *абаң*, *қалы*, *ägär*, ‘если’, функция которых сводится к усилению значения условного придаточного предложения: Абаң Əлиг əδгӱ тəр эрсä мəни, Өзӱң əδгӱ болсу, йарутқй сəни ‘Если же Элик называл меня хорошим, То сам будь хорошим, пусть он просветит’ (КБ, XLV, 109/9); Қалы шубҳат эрсä əδи кəδ сақын ‘Но если он сомнителен, то ты весьма и весьма подумай’ (КБ, XLIII, 101/12); Äгäр* тутмаса сəн бу аймышларым, Жувап қыл ‘Если же ты не придерживаешься того, что я [тебе] сказал, То дай мне ответ’ (КБ, XLIV, 105/14); Кəлсä абаң тäркäним, əтилкäмät тӱркӱнӱм ‘Если придет мой царь, то улучшится положение моего племени’ (ДЛТ, I, 414/368).

В составе главного предложения могут использоваться местоимения *анда*, *андын*, *аның*, *аны бирлä*, которые служат для установления тесной логической связи между главным и придаточным предложениями: Йалаwач йаwуз болса қыwчақ қowы, Сəзигсиз төкäр анда йӱзи** сywы ‘Если посол злой, тщеславный и пустой, Тогда несомненно он теряет авторитет’ (КБ, XXXIV, 96/18); Көңул сынса андын йақынлық тӱнӱл ‘Если разбито сердце, от того исчезает и близость’ (КБ, LV, 131/20); Битисä, оқуса, əшитсä сөзӱг Аны бирла*** билгä қылыр əр өзӱг ‘Если он будет писать, читать и слушать, то благодаря этому человек сделается мудрым’ (КБ, XXXIV 96/8).

В языке «Қутадғу билиг» встречаются конструкции, выражающие ирреальное условие; сказуемое придаточного предложения в подобных конструкциях может быть выражено:

* R. Arat: kalı (стр. 370).
** R. Arat: begler (стр. 277).
*** R. Arat: ötrü (стр. 276).

1) сочетанием глагола изъявительного наклонения в форме прошедшего времени или причастия на *-р//-р ~ -с* с недостаточным глаголом *әрсә*; недостаточный глагол *әрсә* служит также для образования сказуемого главного предложения, которое обычно выражается формой глагола на *-гай//-гай*: Йарым суw ичип қоδтум әрсә, Йарым қалғай әрди тиригликлӓрим 'Если бы я выпил половину, а половину оставил, То половина моей жизни осталась бы' (КБ, LXIX, 172/40); Өлӱмгӓ йулығ қылды әрсә киши, Тириг қалғай әрди ажунчы башы 'Если бы человек избавился от смерти, принося жертву, [Тогда] остался бы в живых лишь глава любителей мирских утех' (КБ, XXIV, 47/36); Өлӱмӱг тыδар әрсә дӱнйа нәци, Болуп өлмӓгӓй әрди бәклӓр бәки 'Если бы богатства мира могли отводить смерть, Тогда бы князь князей не умирал' (КБ, XXV, 60/16); Битиг билмӓс әрсә Аба оғланы, Нәгӱ билгӓй әрди йыл ай кӱн саны 'Если сын Евы не познал бы письма, то как же тогда он узнал бы счет времени (букв.: годы, дни)?' (КБ, XXX, 79/25); в некоторых случаях *әрсә* присоединяется к глаголу, в составе которого имеется вспомогательный глагол *әрди*, образуя своеобразную ирреальную конструкцию: Өлӱм йӱз қылур әрди әрсә көрӱп, Ағыр савчыға қалғай әрди туруп 'Если бы смерть принимала во внимание личность, то она остановилась бы на почтенных пророках' (КБ, XXV, 50/19);

2) именными формами; в таких случаях *әрсә* присоединяется непосредственно к сказуемому: Иоқ әрсә ажунда бу алим бөгӱ, Тәгип өнмӓгӓй әрди йәрдӓ йәгӱ 'Если бы в мире не было героев и ученых, То на земле ничего бы не росло съедобного' (КБ, LII, 124/37); Әсизлик билӓ әрсә бәклик мәңа, Кәрӓкмӓс бу бәклик, қоδурман сәңа 'Если бы мне [была дана] власть с дурной молвой, То мне не нужна такая власть, ее передам тебе' (КБ, XXI, 37/22);

3) формой условного наклонения; в этом случае вспомогательный глагол имеет форму *әрди*: Битиг қоδмаса әрди билгӓ тӓтиг, Сақышқа нәгӱ әрди ӱлгӓ * итиг 'Если бы проницательный мудрец не придумал бы письма, Как же можно было бы быстро считать, делать?' (КБ, XXX, 79/26).

Обычно главное предложение выражает следствие того, о чем сообщается в придаточном. Но имеются такие главные предложения, которые дают оценку или поясняют то, о чем сообщается в придаточном предложении. В этих случаях сказуемое главного выражается модальными словами: *йарашур*, *бәлгӱлӱг*, *нә әδгӱ*, *нә көрклӱг*: Сәwитӱр йӱзи көрки көрклӱглӱги, Йарашур кирип чықса әрсиглиги 'Радует красота его лица, нравится его благородство, когда он входит и выходит' (КБ, XXXII, 91/14); Нә әδгӱ иш әрди өлӱм болмаса, Нә көрклӱг нәң әрди киши өлмӓсӓ 'Как бы было хорошо если бы не было смерти. Как было бы прекрасно, если бы человек не умирал' (КБ, XXVI, 61/30).

---

* См.: R. Arat (стр. 129).

Главное предложение выражает модальное отношение говорящего к содержанию придаточного предложения: Бэки қылса тәңсиз аны ким тыбар * 'Но если князь сам поступает непристойно, кто же удержит его?' (КБ, XXXI, 84/26); Суқун ачмыш йалңуқ** қачан тоқ болур 'Если человек отдается алчности, когда же он насытится?' (КБ, LX, 152/33); Оғул қыз әсиз болса қылқы йаңы, Ол әсиз ата қылды, әбты оңы 'Если у сына или дочери плохой нрав и привычки, То это зло сотворил отец, воспитав их так' (КБ, XXV, 51/11).

Главное предложение выражает результат действия, состояния или признака, о котором говорится в придаточном предложении: Йәсä тобса йатса бу йылқы болур 'Если [человек только] жрет, насыщается и лежит, он становится животным' (КБ, XXII, 44/8); Бу сөз уқмаса әр аның өги йоқ 'Если [человек] не понимает этого слова, значит, у него нет разума' (КБ, XXXIV, 223/23); Әт өз баш әсän болса арзу йавуқ 'Если тело и голова здоровы, [значит, исполнение] желание близко' (КБ, XXV, 50/12); Қылыч қан тамузса бэки әл алыр 'Если с меча капает кровь, [значит], князь покоряет народы' (КБ, XXXV, 98/16).

В языке «Қутадғу билиг» имеются конструкции, в которых сказуемые придаточного и главного предложений выражаются одним и тем же словом, хотя и в различном грамматическом оформлении. Такие конструкции служат для усиления утверждения, выраженного сложным предложением: Йана барғу әрсä барайын өзүм 'Если надо еще идти, то я пойду' (КБ, XLV, 111/14); Бу ики кишилäр этäр этсä иш 'Если необходимо сделать, то это сделают эти две [группы] людей' (КБ, XXXV, 98/36); Билиглиг уқушлуғ билир билсä иш 'Знающие и умные непременно знают дела' (КБ, XL, 183/2).

Условная форма глагола может функционировать в роли сказуемого не только придаточного предложения условия, но и других типов придаточных предложений.

1. Придаточное условно-временное:

1) в функции сказуемого выступает форма условного наклонения: Қулақ әшитсä көңил билир, көз көрсä ӱбик кәлир 'Когда слышат уши, сердце чувствует, когда увидят глаза, возбуждается страсть' (ДЛТ, I, 219/182); Акса аның ақыны қанды мәниң қанығ 'Когда ее поток направляется [на меня], то удовлетворяются мои желания' (ДЛТ, I, 358/314); Тирилсä усал болма 'Не будь беспечным, пока живешь' (КБ, XXV, 50/26);

2) сказуемое выражается сочетанием глагольной формы прошедшего времени или причастием на *-р* ~ *-с* с недостаточным глаголом *әрсä* или *болса* (последний употребляется сравнительно редко): Көни болдың әрсä қутадғу күниң 'Если ты будешь правди-

---

* R. Arat: yeter (стр. 227).
** R. Arat: özler (стр. 535).

вым, дни твои будут счастливыми› (КБ, XXXVI, 155/1); Сатыҫчы йўримäди әрсä кәзип, Көзўн ким көрўр әрди инҗў тизип? ‘Если бы купец не странствовал по свету, Кто бы тогда видел глазами, как нанизывают жемчуга?’ (КБ, LII, 126/36); Мәни көрдуң әрсä салам қылмадың ‘Когда ты увидел меня, ты не поприветствовал [меня]› (КБ, LIX, 142/26); Көңўл бәрдим әрсä әрикти әwä ‘Когда же я полюбил, [счастье] быстро убежало от меня› (КБ, XXV, 49/23); Тақы туттум әрсä қатыҫ йўмди көз ‘А когда я схватил его, он крепко зажмурил глаза’ (КБ, XLV, 110/17); Кирўр ҳäм чиқар болса анда нару, Отўнсä өтўк caw төрўчä кирў ‘Когда он затем войдет и выйдет, То пусть он изложит свое сообщение и войдет как полагается› (КБ, XLVIII, 116/12).

2. Придаточное уступительное; содержание уступительности реализуется:

1) общим содержанием сложного предложения: Башың көккä тәксä йана йәрдä сән ‘Если ‘[даже] твоя голова и касается неба, то ты все же на земле› (КБ, LXVII, 75/22) Қамуҫ дўнйа болса бирäгўгä тўз, Қалыр дўнйа ўлги тәгäр әки бөз ‘Если бы кому-нибудь одному достался весь мир, его доля от мира — два куска полотна› (КБ, XXV, 52/24);

2) присоединением недостаточного глагола *әрсä* к сказуемому придаточного предложения: Тәwäй бәдўк әрсä майақы бәдўк әрмäс ‘Хотя верблюд и большой, его кизяк [помет] небольшой› (ДЛТ, III, 138/126);

3) присоединением к сказуемому придаточного предложения, выраженного условной формой глагола, союзов-частиц *тақы*, *йәмä*, *ма*: Ғазылық тилäсä йәмä бу йарар ‘Если даже ты хочешь военной славы, то опять нужно оно же› (КБ, XLVII, 114/7);

4) употреблением в составе придаточного предложения модального слова *кәрäк* (в значении ‘несмотря на то...›): Кәрäк әрди билгä тирилсä қутун, Қамуҫ өлсўн әрди билигсиз отун ‘Мудрецы должны были бы жить счастливо, [однако] они все должны умереть, не зная своего срока› (КБ, XXVI, 61/26).

3. Придаточное сопоставительное — сопоставляется общее содержание придаточного и главного предложений или содержание отдельных их частей; значение сопоставления выражается общим содержанием предложения или же отдельными лексическими и грамматическими средствами:

1) сопоставляемые подлежащие (или другие члены предложения) выражены антонимами: *Азабы* тәлим әрсä *раҳмат* өкўш ‘Если его муки так велики, то [велики] и милости› (КБ, XLIII, 104/15); *Учы* ниьмät әрсä *тўби* мәҳнät ол, Баши *мәҳнät* әрсä кәти *ниьмät* ол ‘Если его начало — наслаждения, то его конец — печаль, а если его начало — печаль, то его конец — наслаждение› (КБ, XLIII, 101/16); если содержание частей сложного предложения не противопоставляется, то логическое соотношение сопоставления вытекает из семантики как самих частей сложного предло-

жения, так и отдельных его членов: Бири әwсä бири амуллуқ тиläр, Бири кӱлсä бири сығытқа улар ‘Если один спешит, то другой стремится к хладнокровию. Если один смеется, то другой плачет’ (КБ, LXIII, 167/2); Қара қарны тоδса тылы башсырар ‘Если желудок народа будет сыт, то язык его станет задорным’ (КБ, L, 124/15);

2) наличием в составе главного предложения союзов-частиц *тақы*, *ма*: Бәки әδгӱ болса йорықы көни, Тақы артук әδгӱ йорықлы қулы ‘Если князь хорош и ведет себя справедливо, То раб его будет поступать еще лучше’ (КБ, XXXI, 84/33); Мәңа тәксä әмгäк äрäж (ژاژ) ма тәкӱр ‘Если меня коснутся трудности, то коснется и покой’ (КБ, XL, 181/8);

3) присоединением к сказуемому придаточного предложения, выраженного формой изъявительного наклонения, недостаточного глагола *әрсä*: Атаң өлдӱ әрсä, ата мән сәңа ‘Если твой отец умер, то я тебе отец’ (КБ, XXVII, 62/10); Ата өлди әрсä оғул бар тириг ‘Если даже умер отец, то ведь живет [еще] сын’ (КБ, XXVII, 62/38);

Условная форма может выступать в функции сказуемого второй части бессоюзного сложного предложения, выражающего цель: Кичигкä айу бәргӱ тутса өзӱг ‘Младшим надо говорить, чтобы [они] сдерживали себя’ (КБ, XXVI, 44/37); Нәгӱ тәк кәрäк муну башласа, Ӈawы барса аты ишин ишлäсä ‘Каким же должен быть князь, чтобы руководить ими, Чтобы его имя и слава стали известны и чтобы он вел свои дела’ (КБ, XXX, 74/10); Ӱч иш қылғу өтрӱ йәтилсä ишиг ‘Делай три вещи для того, чтобы затем дела твои удавались’ (КБ, XXXI, 83/19); Нәгӱ тәк кәрäк бу йалawачлығ әр, Аңар бӱтсä бәклäр, муны айу бәр ‘Какими качествами должен обладать этот посол, чтобы князья верили ему, скажи мне это!’ (КБ, XXXIII, 95/10).

Содержание условного придаточного предложения обычно относится к содержанию главного предложения в целом. Наряду с этим употребляются и такие придаточные предложения условия, которые поясняют содержание определенного члена главного предложения. Характерная особенность подобных конструкций заключается в том, что в главном и придаточном предложении речь идет об одном и том же члене предложения, который повторяется в обеих частях сложного предложения, причем повторяется одним и тем же словом или же заменяется местоимением: Бәки болса әδгӱ будунқа бӱтӱн, Аның асғы барча будун йәр қутун ‘Если для народа его князь вполне хорош, То польза от него — счастье всему народу’ (КБ, XLI, 189/9); Ажун бӱтрӱ булса көзи суқ тӱгäл, Аны бай тәсä ма бу болғай * муҳал ‘Если жадный приобретет целиком весь мир, То все равно невозможно назвать его богатым’ (КБ, LX, 153/2); Қалы этсäläр аш сәңа оғрайу, Ол ашқа йәмä бар ‘Или если

* R. Arat: bolmaġay bu (стр. 535).

они устроят обед, чтобы побыть вместе с тобой, То иди и на такой обед' (КБ, LI, 130/35); Өзи қорқар әрсә байатқа қалы, Бу әр тутға шәксиз көнилик йолы 'Если он боится бога, То, несомненно, этот человек будет придерживаться правильного пути' (КБ, XXXVI, 154/10).

Главное предложение может содержать вывод из того, о чем сообщается в придаточном предложении условия, или же являться оценкой его содержания: Сәwимиш йүзини көрсә көзгә татығ, Көңүл арзусын булса өзгә татығ 'Видеть лицо любимой — это радость для глаз, если сердце достигнет желаемого, это сладость для него' (КБ, 73б/4).

КОНСТРУКЦИИ С ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ И МОДАЛЬНЫМИ СЛОВАМИ

Вспомогательные глаголы [101] могут выступать одним из компонентов составного глагола или словосочетания.

В языке памятников самым употребительным был недостаточный глагол *әр-* — разнообразные его формы с различными значениями. Причастная форма этого глагола (*әркән* [102]) употребляется в составе связуемого придаточных предложений или предиката зависимой конструкции простого предложения и указывает, когда и каким образом осуществляется действие, выраженное глаголом. *Әркән* присоединяется к глагольным именам, существительным, субстантивированным именам и к модальному слову *бар*: Ол кәлүр әркән көрдүм 'Я его видел, когда он приходил' (ДЛТ, I, 132/99); Тал әркән йағач әгсә тутса болур 'Когда дерево молодое, его можно согнуть' (КБ, XXVI, 60/5); Кичиг оғлан әркән билиг огранүр 'Мальчик, когда он еще маленький, учится наукам' (КБ, XVI, 70/23); Бири оғлан әркән табуғқа кирүр 'Во-первых, когда он молодой, начинает служить...' (КБ, XLVII, 116/1); Кичиг оғлан әркән қылынғу тапуғ '[Даже] будучи молодым, он должен нести службу' (КБ, XLVIII, 116/12); Күч йүрәк бар әркән кәд әр нәңгә қорқмас кәрәк 'Пока есть сила и сердце, настоящий человек не должен бояться ничего' (КБ, 79б/3).

Форма прошедшего времени — *әрди* — употребляется для выражения действия, состояния или свойства, проявлявшегося в прошлом или в прошлом с продолжением в настоящем, присоединяется к именам существительным, прилагательным и наречиям: Бир өк оғлы әрди бу Айтолдыныңь Кичиг әрди йашы ош ол оғлы-

---

[101] А. М. Щ е р б а к. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII в. из Восточного Туркестана. М. — Л., 1961, стр. 162.

[102] Глагольная форма *әркән* встречается также в древнетюркском языке—в языке «Золотого блеска»—см.: С. Е. М а л о в. Памятники древнетюркской письменности, стр. 191. — А. Габен предполагает, что *әркән* < *әр-үр-кән* (аналогично *әр-мәз-кән*)— см.: A. G a b a i n. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1956, стр. 181.

ның ‘У этого Айтолды был единственный сын, Этот сын был очень молод’ (КБ, XXI, 49/16); Байат фазлы әрди сәни булмышым ‘Это была божья милость, что я нашел тебя’ (КБ, XL, 180/7); Жәмаъат көп әрди бу мәсҗитләр аз ‘Общин было много, но мало мечетей’ (КБ, LXXXV, 183/19); Толу әрди этим, арылды толу, Талу әрди қылқым, барыр бу талу ‘Мое тело было полным, полнота убывала, совершенной была моя натура, это совершенство исчезает’ (КБ, XXIV, 64/26); Йоқ әрдим төрätти эгитти мәни, Кичиг оғлан әрдим бәдўтти мәни ‘Меня вовсе не было, он создал меня и вырастил, Я был маленьким мальчиком, он сделал меня большим’ (КБ, XXI, 47/33); Бир өк оғлум әрди қобур мән ану ‘У меня есть один только сын, оставляю его’ (КБ, XXI, 52/34).

Әрди может присоединяться и к форме прошедшего категорического времени, образуя форму давнопрошедшего времени: Нәлўг тәрдиң әрди бу қалғу нәңиң ‘Как ты накопил свое добро, которое [ведь] останется? (КБ, XXI, 50/43); Нәгў қылды әрди қадашлар сәңа ‘Что сделали тебе твои родственники (КБ, XLI, 185/19); Байат бәрди әрди аңар жан рәван ‘Бог дал ему душу и жизнь’ (КБ, LXXXI, 179/67).

Недостаточный глагол *әрди* обладал известной самостоятельностью и мог функционировать в роли сказуемого: Әрди оза әрänлäр, Әрдäм бәги билиг тағ ‘В прежние времена были люди, обладающие совершенством, горами знаний’ (ДЛТ, I, 116/83).

Формы недостаточного глагола *әрўр*, *әрмäс*, *әрмиш* сочетаются с местоимениями, прилагательными, наречиями, деепричастиями и условной формой глагола и выражают действие или состояние, а также признаки, проявляющиеся в настоящем и будущем времени: Бағырсаққа жан бәрсä әрмäс өкўш Когда отдают милосердному душу, то это — немного’ (КБ, XXVI, 67/12); Әрўрмў бу йаңлығ айу бәр мәңа ‘Так ли это, скажи мне’ (КБ, XLVII, 114/17); Йана йанғу әрмäс кәчўрмиш күнўң ‘Прожитые тобой дни нельзя возвратить’ (КБ, XXV, 52/26); Сәwиглиг нишаны нәгў әрмиш ай ‘Скажи мне, каковы признаки любви?’ (КБ, XXVII, 73/6); Әсän болса әрмиш бу йалңуқ өзи ‘Если только этот человек сам здоров...’ (КБ, XLI, 192/7).

Широко употребляется условная форма недостаточного глагола *әрсä*. Она сочетается почти со всеми частями речи и в большинстве случаев с знаменательным словом образует сказуемое придаточного предложения. В сочетании с глаголом прошедшего категорического времени *әрсä* служит для образования сказуемого придаточных предложений времени, временно-условных, сопоставительных, уступительных, причинных, относительных (характер каждого придаточного предложения определяется различными лексическими, грамматическими средствами, общим содержанием придаточного предложения, а также смысловым соотношением придаточного и главного): Йақын тәгди әрсä қадашқа барыб, Атындын қобы түшти.. ‘Когда он подъехал близко к родственнику,

Он спустился с коня...› (КБ, XLI, 190/30); Йағың болды әрсә усал болмағыл ‘Если у тебя есть враг, то не будь нерадивым› (КБ, XLII, 198/4); Атаң өлди әрсә атаң мән сәңа ‘Если умер твой отец, я тебе отец › (КБ, Наманганская рукопись, 61); Аттын әмди сән төңӱл, қылдың әрсә қылмағу ‘Так как ты сделал неподобающее дело, теперь не мечтай о коне› (ДЛТ, I, 104/71); Нәгӱ әрди әрсә сөзӱм ‘Все, что я тебе сказал...› (КБ, XLI, 189/17).

Сочетаемость недостаточного глагола *әр-* с глаголом прошедшего категорического времени (на *-ты//-ди*) в языке памятников объясняется близостью последнего к категории причастия.

Форма *әрсә* может сочетаться с глагольными именами на *-р//-ар//-ур*, *-мас*. Подобные сочетания выступают в качестве сказуемого самостоятельного предложения или придаточного временно-условного: Оқыр әрсә дәфтәр уқар әрсә сөз ‘Пусть он читает книги, понимает слова› (КБ, XXXIV, 96/10); Ҳалал ҳам ҳарам аврар әрсә ача ‘Пусть он отличает недозволенное от дозволенного› (КБ, XXXVI, 154/7); Сәңа кӱч қылур әрсә кӱчгӓй қалы ‘Если насильники совершают над собой насилие...› (КБ, XXVI, 60/27).

Сочетания *әрсә* с именами существительными, прилагательными или словами *бар* и *йоқ* выступают в функции сказуемого (или предикативной конструкции) временно-условных, сравнительных, уступительных и причинных придаточных предложений: Нә көрклӱг кӱн әрди йигитлиг кӱни, Қарылық йоқ әрсә йӱрӱсә көни ‘Какими были бы прекрасными дни юности, Если бы не было старости и если бы [все] жили справедливо› (КБ, XXIV, 46/34); Атасы бәк әрсә аталары бәк, Оғул тоғса бәк ҳәм аталары тәк ‘Если его отец — князь, то и его предки были князьями, Если рождается сын, то подобно предкам и он — князь› (КБ, XXX, 75/8); Нәчә йитиг бичӓк әрсә өз сабын йанумас ‘Насколько бы острым ни был нож, он свою рукоятку не обтешет› (ДЛТ, I, 366/322); Тӓлим тапғы әрсә, өкӱш әмгӓги ‘Если много служебных дел, [значит] много мучений› (КБ, XXXVI, 160/15).

Присоединяясь к местоимениям, функционирующим в роли определения (иногда дополнения или подлежащего), *әрсә* выступает в роли частицы, выражающей уступительное значение: Табуғқа ынаныб қайу әрсә қул, Булумады тәңри сөwинчингӓ йол ‘Если какой бы то ни было раб надеется на службу, то он может найти пути к достижению божьей милости (букв.: радости)› (КБ, 120б/5).

Форма *әрсә* могла самостоятельно функционировать в роли сказуемого: Абаң әрсә дӓвлӓт йа булса қутуғ... ‘Когда последует богатство, и находят счастье...› (КБ, XXV, 54/27).

Недостаточный глагол в форме *әрки//әрги* выражает сомнение или вопрос [103]. Эта форма глагола может сочетаться с глагольными формами на *-р*, *-ди*, с местоимениями или же со словом *бар*. Соче-

[103] ДЛТ, I, 149/116.

тание с *әрки//әрги* функционирует в качестве сказуемого вопросительных предложений (некоторые — с риторическим оттенком): Ол кәлӱрмӱ әрки ‘А придет ли он?’ (ДЛТ, I, 149/116); Нәлӱг кәлдиң әрки уларны қобуб ‘Как же ты пришел, оставив их’ (КБ, XLI, 191/14); Бу ики йолунда қайу әрки йол ‘Какая же из этих двух дорог та, [что ты должен выбрать]’ (КБ, XXVI, 57/12); Нәгӱ әрки ҳāлым өлӱмдä кәδин ‘Но каким же будет мое положение после смерти?’ (КБ, LXVI, 173/17); Тириг барму әрки қадашым мәниң ‘И жив ли еще мой родственник?’ (КБ, LXVIII, 179/20).

Недостаточный глагол *әрки//әрги* может служить для образования сказуемого одной из частей (обычно, первой) сложного предложения с пояснительным смысловым отношением: Тилäгиң нә әрки сөзӱң ай бөгӱ ‘Что ты хочешь — скажи свое слово, о герой’ (КБ, LXIV, 170/7); Қawушғум қачан әрки тäңри билир ‘Когда я встречу, об этом знает только бог’ (КБ, LXXXI, 176/32); Нәгӱ әрки ҳалы көрäйин аның ‘Я хочу посмотреть, каково его состояние’ (КБ, LXVIII, 179/20); Вафалығ ким әрки сәwӱг жан бәрäйи ‘Кто же надежный человек — я хочу отдать ему любимую душу’ (КБ, LXXII, 389/11).

Әринч употребляется в значении ‘возможно’, ‘может быть’, ‘вероятно’ [104], т. е. она выражает модальное отношение. Эта форма недостаточного глагола употребляется в составе сказуемого, основной компонент которого может быть выражен как именем, так и глаголом: Бу арқуқ қылынчлығ нә мунлуғ әринч ‘Сколько страданий, бед от тех, кто действует наперекор’ (КБ, XXVIII, 83/30); Болдуң әринч болмағу ‘Ты, пожалуй, попал в неудобное положение’ (ДЛТ, III, 263/186); Кәлди әринч ‘Может быть, он пришел’ (ДЛТ, I, 152/118).

Әринч, *әрки//әрги* образованы от глагольного имени *әр*; этим объясняются некоторые грамматические особенности, сближающие их с именем. Характерно, что глагольное имя могло служить для образования нового глагольного имени: Асиғлиғ әрӱрин муны қылғу тәп ‘И говорит: так надо поступать, чтобы быть уважаемым’ (КБ, XXI, 36/2); Көңӱлгä йоқ әрдӱк* муны билгӱ өз ‘То, что не к сердцу, он должен сам знать’ (КБ, XXIX, 73/8); Йанут бәрди Өгдӱлмиш ачты сөзин, Қадашы иги ҳāли нә әрдӱкин ‘Отвечая, Огдюлмиш начал (букв.: открыл) свою речь О болезни своего родственника и его состоянии’ (КБ, LXXXI, 178/19).

Глагол-связка *турур* в языке памятников еще сохраняет свою полную форму [105]. Крайне редко встречается его сокращенная

---

[104] ДЛТ, I, 152/118; III, 452/331; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 365.

* R. Arat: örtüg (стр. 207).

[105] Глагол-связка *турур* в современном языке или вовсе опускается, или же имеет формы *-дыр*, *-ды*. Но в силу традиции вплоть до конца XIX в. в отдельных случаях употребляется полная форма — *турур*, *турған*: Ҳāкимингизни өлдирä турған өзӱм (Муқимий).

форма *тур*: Уwут бирлä йалңуқ отун қапғы тур ‘Благодаря застенчивости человек — ворота от всего низменного’ (КБ, XXX, 78/2). По свидетельству М. Кашгарского, форма *турур* выражает наличие предмета или его признака в настоящее время [106]. *Турур* присоединяется к существительному, прилагательному, глагольным именам, местоимению и деепричастию на *-а*, выступающему в функции сказуемого: Кəräклиг сəңа əбгӱ атың турур ‘[Поэтому прежде всего] самое необходимое для тебя — это твое доброе имя’ (КБ, LX, 148/24); Бу барча улуғ кӱн нишаны турур ‘Все это — приметы [наступления божьего] суда’ (КБ, LXX, 183/26); Ол қуш турур ‘Это — птица’ (ДЛТ, II, 13/6); Арығлықны сəwмиш турур бир байат ‘Бог любит чистоту’ (КБ, 106 б/8); Тағы бири йалған турур ‘И еще одно — это ложь’ (КБ, XXVII, 65/15); Əр сөгäл турур ‘Человек болен’ (ДЛТ, III, 196/137); Этил сuwы ақа турур ‘Течет вода Итиля’ (ДЛТ, I, 103/70).

В отдельных случаях *турур* сочетается с именем в пространственных падежах: Бизиңä турур иш йарын ‘Завтра нам предстоят дела’ (КБ, LXVIII, 178/32); Ол əwдä турур ‘Он находится дома’ (ДЛТ, III, 196/137). *Турур* может входить в состав сказуемого сложных конструкций (определительных придаточных предложений): Тӱби йəл турур сөз көңӱл ағрытур ‘Легкомысленные слова оскорбляют чувство’ (КБ, XLIX, 123/28) [107].

Глагол-связка *бол-* мог сочетаться с именем, образуя вместе с ним именное сказуемое. В отличие от *турур* он изменяется по лицам, числам и временам. *Бол-* в форме прошедшего времени: Сəниңсиз киши болды көңли өлӱг ‘Без тебя у человека сердце мертвое’ (КБ, XXIX, 71/23); Билиг тамға болур қамуғ қабғыңа ‘Знания — это печать для ворот всяких [благополучий]’ (КБ, XLI, 186/13). *Бол-* в форме будущего времени: Кӱнӱң əбгӱ болғай көнилик кӱни ‘День твой будет хорошим в день суда’ (КБ, XXVI, 56/23); Оғул бəк болур көр ата болды қул ‘Смотри же: сын станет князем, отец — рабом’ (КБ, LXX, 183/18). *Бол-* в форме условного наклонения или глагольного имени: Тиригläр фырақ болса қawшур йана ‘Если люди и расстаются, они все равно встретятся снова’ (КБ, LXVII, 177/12); Ҳава арзуларға болур эрсä эрк ‘Да будет он сильным перед пустыми желаниями’ (КБ, LXIX, 189/3) [108].

Собственно вспомогательные глаголы *тур-*, *көр-*, *бəр-* сочетаются с деепричастной формой (главным образом на *-а*) и служат для образования сложной формы глагола, выступающей в роли сказуемого. Глагол *тур-* выражает продолжительность и много-

---

[106] ДЛТ, II, 13/6.

[107] *Турур* может самостоятельно функционировать в роли сказуемого: Бу əки тӱгäл болса бəклик турур ‘Если эти две вещи будут налицо, то будет существовать княжество’ (КБ, 78а/11).

[108] Глагол-связка *бол-* мог выступать в роли частицы: Бу йаңлығ кəрäк болса ашчы башы ‘[Что касается] шефа-повара, [то он] должен быть таким...» (КБ, 107а/15).

кратность действия или состояния: әбгү қылу тур 'Делай всегда добро' (КБ, XXVII, 64/22); Сөкä турды 'Он все ругал'; Бӱкä турды 'Он согнулся' (ДЛТ, III, 250/175). Глагол *көр-* выражает попытку, стремление к осуществлению действия: Табуғқа бақа көрмä 'Не рассматривай службу...' (КБ, XLI, 188/10); Бақа көрсä 'Если посматривать' (КБ, 82б/7); Сора көрсä 'Если расспрашивать' (Там же). Глагол *бәр-* указывает на продолжительность, многократность проявления действия или состояния или на непрерывно нарастающее действие [109]: Кәлӱ бәрсä дäвлät 'Если [постоянно] приходит счастье...' (КБ, XXXIX, 176/15).

Вспомогательный глагол *қал-* сочетается с деепричастием на *-а*, *-у* и указывает на переход в пассивное состояние: Туру қалды 'Он отстал' (КБ, 46,6)[x].

Вспомогательный глагол *кәл-* сочетается с деепричастием на *-а*, *-у* и указывает на начало действия: аша кәлди 'начал перебираться' (КБ, 13, 14)[x]; йығлу кәлди 'начали собираться' (КБ, 26, 16)[x].

Вспомогательный глагол *кир-* указывает на начало действия и сочетается с деепричастием на *-у*: айту кирди 'он начал говорить' (КБ, 55,1)[x].

Вспомогательный глагол *йаз-* указывает на действие, осуществление которого приближается, и сочетается с деепричастием на *-а*: кӱйä йазды 'он чуть не сгорел' (ДЛТ, III, 45,5)[x].

Вспомогательный глагол *ал-* сочетается с деепричастием на *-у* и употребляется в значении «мочь», «начинать»: мәңа қарылық кәлӱ алды 'Старость приближалась ко мне' (КБ, 22, 19)[x].

Вспомогательный глагол *ыд-* сочетается с деепричастием на *-а* и указывает на начинающееся и продолжающееся действие: сӱрä ыдтым 'я гнал' (КБ, 49, 6)[x].

Уже в языке памятников XI в. наблюдается переход вспомогательного глагола *у-*'мочь' в аффикс. В функции аффикса он присоединяется к основе глагола. Затем следует аффикс отрицания *-ма*: өгрädӱмäди 'он не смог научить', тәгӱмäди 'он не мог приблизиться' (КБ, XXVIII, 69/10); қачумас 'не могу бежать' (КБ, XXX, 89/6); өксӱмäди 'не могло уменьшаться' (КБ, LX, 154/21); ашумас 'не может есть', сыйумас 'не может победить' (ДЛТ, I, 145/111).

Модальное слово *кәрäк* 'нужно, необходимо' [110] и его отрицательная форма *кәрäксиз* широко употребляются в языке памятников в разнообразных функциях и значениях, выступая в качестве самостоятельных или вспомогательных слов. В функции самостоятельного слова *кәрäк* является несогласованным определением или сказуемым: Көңӱл исиглиги кәрäк 'Нужно тепло сердца [любовь]' (ДЛТ, I, 168/135); кәрäк әлги бәрк сақ кәрäксиз ақы

[109] C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, Brill, 1954, § 236.
[110] ДЛТ, I, 371/327.

'Нужен экономный, бдительный, но не щедрый' (КБ, XXXVI, 157/11); Бу ишгä муның тәк силиг әр кәрәк 'Для такого дела нужен такой непорочный человек' (КБ, XXXVIII, 165/4); Кәрәк сөзни сөзлä 'Говори нужные слова' (КБ, LXXIII, 185/7).

В сочетании с недостаточными глаголами *әрсä* или *болса* модальное слово *кәрәк* входит в сказуемое односоставного придаточного предложения: Кәрәк болса булғай қамуғ әбгү нәң 'Если ему нужно, он всегда находит всяких доброт' (КБ, XXV, 54/13); Кәрәк болса ал 'Если необходимо, бери' (КБ, LII, 127/10); Кәрәк әрсä олтур кәрәк тур өрү 'Если нужно, сиди, нужно — стой прямо' (КБ, XLVII, 115/2).

Кәрәк может употребляться и в значении имени существительного; в этом случае оно склоняется: Кәрәксизни қоδғыл 'Оставь ненужное' (КБ, XXVI, 59/34); Йағуды кәрäки 'Необходимое для него готово' (КБ, XXVII, 64/14).

Модальное слово *кәрәк* в функции служебного слова могло подчинять предикативную конструкцию основному глаголу; в этом случае *кәрәк* употребляется в форме винительного падежа: ...илм әбиläри бирлä қатылмағын айур..., чығайлар билä қатылмақ нәгү тәк кәрäкини кәрäкмäзини айур '[В главе] говорится о том, что надо соединиться с учеными, как следует и не следует обращаться с бедными' (КБ, LII, 124); Бәкläргä вäзир болғу нәгү тәк әр кәрäкини айытур '[Глава] рассказывает о том, каким должен быть визирь, достойный князя' (КБ, 84а).

Кәрәк широко употребляется в роли вспомогательного слова. Прилагательные, местоимения и наречия, сочетаясь с *кәрәк*, выступают в роли сказуемого: Уқушлуғ кәрәк ҳам билиглик кәрäк, Тäтиглик кәрäк силиглик кәрäк 'Он должен быть понятливым и многознающим, Ему нужна проницательность и чистота' (КБ, XXX, 78/20); Көзи тоқ кәрäк... Бағырсақ кәрäк 'Нужен не жадный человек, нужен милосердный' (КБ, XXXV, 98/22); Нәгү тәк кәрäк ай бу иш игläр әр 'Скажи, каким он должен быть, человек, выполняющий работу (или: занятый делом)?' (КБ, XXXII, 93/18); Битигчи бу йаңлығ кәрäк ай Элиг... 'Писец должен быть вот таким, о Элик!' (КБ, XXXV, 98/39); Идишчи башы кәδ қойуғ әр кәрäк 'Главный виночерпий должен быть человеком очень выдержанным' (КБ, XXXVIII, 164/14); Әр ат чоқ кәрäк 'Нужно много конницы' (КБ, XXXIX, 174/2).

Употребление модального слова *кәрәк* в сочетании с условной формой глагола в роли сказуемого характерно для языка исследуемых памятников. В этой функции данное сочетание выражает действие или состояние, необходимость осуществления которого относится к будущему или настоящему времени: Аңа йығлур арзу кәрäк өз йäсä 'К тому стекаются желания, и он сам должен ими наслаждаться' (КБ, XXVIII, 69/23); Бу эки кишигä кәрäк сөзлäсä 'Они должны сообщить этим двум человекам' (КБ, XXXV, 97/19); Кәрäк ҳäндäсä сақыш тутсан сән 'Ты должен приступить к изу-

чению геометрии и математики' (КБ, XXXVI, 156/10).Сочетание *кәрәк* с условной формой глагола в современном языке приобрело совершенно другое значение: оно выражает сомнение, предположение в осуществлении действия или состояния.

Для языка памятников XI в. при сочетании глагольного имени на *-р* ~ *-с* с модальным словом *кәрәк* характерно отсутствие аффикса принадлежности при глагольном имени, что в современных языках как правило невозможно: Әр қорқмас кәрәк 'Человек не должен бояться' (КБ, 79б/3), но: киши қорқмаслиги керак — в современном узбекском языке.

Кәрәк может выступать в роли сочинительного союза: Кәрәк йат кәрәк дүнйа тәзгин йүгүр 'Хоть лежи, хоть кружись и бегай по миру [все одно: от судьбы не уйдешь]' (КБ, XXVIII, 67/20); Кәрәк ашқа барғыл кәрәк бармағыл 'Хоть ходи, хоть не ходи в гости...' (КБ, LV, 131/22); Кәрәк бәк кәрәк қул барыр қалғусуз 'Что князь, что раб — все уйдут, никто не останется' (КБ, XXVI, 57/17); Кәрәк ыт болсуны кәрәк көк бөри 'Будет ли это собака или сивогривый волк' (КБ, LXVII, 177/2).

Характерной особенностью модальных слов *бар* и *йоқ* является способность их в сочетании с именем с отвлеченным значением выступать в функции сказуемого: Чығай болғу бар '[Можно] стать бедным'; Уҗуз болғу бар '[Можно] стать низким' (КБ, LX, 150/29); Таблағың барму 'Есть ли у тебя желание?' (ДЛТ, I, 429/384). Для языка XI в. типично употребление *бар* и *йоқ* и в функции связки настоящего времени: Бу нәң алғуқа бир кәрәк бай будун 'Чтобы получить эти вещи, нужен [всегда] богатый народ' (КБ, XXX, 83/9); Ата өлди әрса оғул бар тириг 'Если умер отец, [то ведь] существует сын' (КБ, XXVII, 62/38).

СОГЛАСОВАНИЕ

СОГЛАСОВАНИЕ В ЛИЦЕ

Согласование в лице имеет место между подлежащим и сказуемым, а также между определением в родительном падеже и определяемым [111]. Согласование сказуемого с подлежащим в языке памятников XI в. в основном то же, что и в современных языках. Однако оно имеет и свои особенности.

I. Одна из особенностей вытекает из своеобразной семантики и функции слова *өз*. М. Кашгарский указывает на два значения *өз*: 1) 'внутренность' (өзүм ағрыды 'Заболело у меня внутри') и 2) 'особа', 'сам', 'сущность' [112]. В языке «Қутадғу билиг» *өз*

---

[111] См. раздел «Тюркская изафетная конструкция» данной работы.

[112] ДЛТ, I, 81/47—48. По вопросу о значении слова өз см.: А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, II. «Советское востоковедение», 1949, VI, стр. 37; Его же. Ценный источник истории узбекского

в основном употребляется во втором его значении: өз башы ‘собственная голова’ (КБ, LXXIII, 184/23); Сүчиг сөз силиг өз кәрәк ‘[он должен иметь] сладкие слова и чистое я’ (КБ, XXXI, 83/23); Йолуғ қылдым әмди сәңә мән бу өз ‘Я себя пожертвовал тебе’ (КБ, 62а/5).

В современных языках, например в узбекском, слово *өз* употребляется в значении возвратного местоимения (‘сам, самый’) и оформляется аффиксом принадлежности. В роли подлежащего слово *өз* всегда согласуется со сказуемым в лице: Ед. число — 1-е л. Ўзим келдим, 2-е л. Ўзинг келдинг, 3-е л. Ўзи келди; Мн. число — 1-е л. Ўзимиз келдик, 2-е л. Ўзингиз келдингиз, 3-е л. Ўз(лар)и келди(лар).

В языке памятников XI в. подобное согласование не наблюдается, хотя в функции подлежащего местоимение *өз* способно, как и в современных языках, принимать аффиксы принадлежности:

1-е лицо: Бу күн ма мәниң ма өзүм қылқларын, Сәңа көргитүр барча әрдәмләрин ‘Сегодня же моя особа позволяет тебе видеть всю ее природу и все мои достоинства’ (КБ, XVIII, 42/12); ...муну әмди айтур өзүм ‘Я (букв.: Моя сущность) теперь спрашиваю об этом’ (КБ, XXX, 74/7); Йанут бәрди Одғурмыш өзүм сөзүңни әшитти... ‘Отвечал Одгурмыш и сказал: Я сам (букв.: моя сущность) слышал твои слова...’ (КБ, XLII, 100/15);

2-е лицо: Нәгү әдгү қолса сәңа бу өзүң ‘Чего доброго желает твое собственное я...’ (КБ, XLVIII, 116/23); Бағырсақны булса өзүң бағры қыл ‘Если он найдет милосердного, приблизь его к своей особе’ (КБ, XXXIV, 95/25);

3-е лицо: Тақы йақшы аймыш биликлик өзи ‘Сам знающий сказал еще лучше’ (КБ, XL, 184/4).

Слово *өз*, оформленное аффиксом принадлежности, могло также употребляться в значении возвратного местоимения (‘сам, самый’). В этом случае имеет место согласование подлежащего со сказуемым [113]: Өзи бәклäсä қобса тамға урыб ‘Самому запереть их на замок, опечатать [замок]’ (КБ, XXXVIII, 165/1); Өзүм сөзлäйин ‘Скажу-ка я сам’ (КБ, LXVI, 173/26); Иллāҳым, өзүм бу сөзүм башладым ‘О аллах, я сам начал эти слова’ (КБ, LXX, 183/34); Өзүң сызғурурсан ‘Ты стонешь’ (КБ, XLII,179/2). Такие примеры в языке «Қутадғу билиг» встречаются редко, но и они подтверждают, что уже в XI в. начался сдвиг в семантике слова *өз*.

языка. «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», т. VIII, вып. I, 1949, стр. 72; С. Е. Малов. Ибн Муханна о турецком языке. «Зап. коллегии востоковедов при Азиатском Музее АН СССР», т. III. Л., 1928, стр. 225; П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика киргиз-казахского языка, ч. I. СПб., 1894, стр. 42; W. Radloff. Alttürkische Indschriften der Mongolei, Neue Folge. St. Petersburg, 1897, стр. 113; C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kašgaris Dīvān Lugat-at-turk. Leipzig, 1928, стр. 137; и др.

[113] В языке памятников в значении возвратного местоимения употребляется также *кәндү*.

В качестве самостоятельного местоимения с указанным значением *өз* употреблялось в основном падеже и могло иметь при себе другие определения, главным образом развернутые: Awынчу сәwүгләр билә awнур өз ‘Душа, которая довольствуется возлюбленным...’ (КБ, XXV, 58/15); Қамуғ ғаиб өзләр көрүшсә көзүи ‘Если все отсутствующие души снова встречаются взглядом (букв.: видятся глазами)’ (КБ, XLI, 191/9).

II. Другая особенность заключается в своеобразной форме согласования в третьем лице — использовании частицы *ол* [114], роль которой сводилась не только к указанию на согласование, но и к выделению сказуемого, к которому оно относится.

Как формальный показатель сказуемости 3-го лица *ол* употребляется в большинстве случаев в конце предложения (вместе со сказуемым), в отдельных случаях — после подлежащего или между однородными сказуемыми: Ол мәниң оғлым ол ‘Он есть мой сын’ (ДЛТ, I, 73/41); Ол әwгä бармыш ол ‘Он пошел домой’ (ДЛТ, I, 73/41); Қамуғ нәңгä таңри қылур ол сäбäб ‘Всякому делу бог находит причину [всякое следствие имеет свою причину]’ (КБ, XXV, 60/4); Бу нәң ол бизга кәрäклиг ‘Эта вещь нам нужна’ (ДЛТ, I, 466/420); Бу от ол бурун қанатған ‘Это лекарство вызывает кровь из носа’ (ДЛТ, I, 470/425); Билиглиг* сөзи ол билигсиз көзи ‘Слово знающего — глаз для незнающего’ (КБ, XXIV, 46/3); Йағы ол бу бор йәмä алтун күмүш ‘Вино и всякое золото, серебро — враг’ (КБ, XXXI, 84/17); Оғул қыз сäбäби ата ол ана ‘Причина [появления] сына или дочери — это отец и мать’ (КБ, XXVI, 60/5); Бу сөзгä тануқы муну бу сөз ол, Сөзингä бақа көрсä маъны тўз ол ‘Подтверждением этих слов являются следующие слова; Если вдуматься, значение их верное’ (КБ, XXXI, 84/31).

Ол как показатель третьего лица присоединяется главным образом к именным сказуемым, выраженным именем существительным, прилагательным, числительным, местоимением [115]. Иногда именное сказуемое, имеющее в своем составе *ол*, может быть выражено глагольной формой на -гä(й) или глагольным именем: Сәңа ма сәзиксиз өдү кәлгä ол, Усал болма, ахыр өзүң, өлгү ол ‘И к тебе в свое время непременно придет [смерть], не будь беззаботен, [так как] в конце концов ты должен умереть’ (КБ, XXVI, 61/22).

Именные сказуемые 1-го и 2-го лица, выраженные именем существительным, прилагательным, числительным, местоимением, имеют при себе личные местоимения, которые, указывая на предикативное отношение с подлежащим, осуществляют согласование с

[114] ДЛТ, I, 173/139—140. — Как известно, в современных языках, например в узбекском, отсутствует согласование форм сказуемого в 3-м лице.

* R. Arat: bu bilge (стр. 122).

[115] Показатель 3-го лица *ол* сохранился лишь в отдельных тюркских языках: мал хавуда чор ол ‘скот пасется на пастбище’ (см.: Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956, стр. 265).

ним в лице. Однако личные местоимения в указанной позиции в известной степени сохраняют свою семантическую и функциональную самостоятельность (в современном языке они потеряли свою самостоятельность и перешли в разряд личных аффиксов) [116]: Байатым қулы мән өк мән 'Я раб моего бога' (КБ, LIX, 144/29); Сäбäб сән сән 'Ты есть причина...' (КБ, XL, 180/4). Местоимение *биз* в функции личного аффикса имеет форму *мыз*: әкäгӱ байат қулларымыз 'Оба мы являемся рабами бога' (КБ, XLV, 107/22).

Формант *ол* служит не только показателем сказуемости 3-го лица, но и частицей со значением подчеркивания, выделения. Иногда в простом предложении *ол* повторяется дважды, в одном случае являясь частицей, в другом — показателем сказуемости третьего лица [117]: Бири тäңрилик ол йағы болдачы, Бу кафир йағы* ол йағы ол тучы 'Один враг — по божьей воле, неверующий враг — постоянный враг' (КБ, XLIX, 121/25); Фäсат ол бузуғлы ол әбгӱ изиг 'Интрига уничтожает любой хороший след' (КБ, LII, 126/19).

В роли подобной же частицы употребляется и местоимение *бу*: Äди әбгӱ нәң бу киши көркі йӱз 'Самая красивая вещь — это красота человеческого лица' (КБ, XXXII, 91/22); Қамуғда қатығрақ фирақ бу өлӱм 'Самая тяжкая разлука из всех — это смерть' (КБ, LXVII, 177/13).

Ол присоединяется к глаголам изъявительного и повелительного наклонений (что совершенно недопустимо с точки зрения современного языка). Это обстоятельство лишний раз показывает, что: 1) процесс выработки verbum finitum в XI в. еще не был закончен, и 2) что функцией слова *ол* была функция частицы со значением подчеркивания или выделения: Ачығ суw тәк көр ол бу дӱнйа нәңи 'Словно соленую воду, рассматривай богатство этого мира' (КБ, XXVI, 57/29); Мән айдым эшиттиң сән өгрәндиң ол, Нәгӱ тәк табынғу тӱгäл билдиң ол 'Я сказал, ты слышал и выучил, Теперь ты точно знаешь, как следует служить' (КБ, XLVIII, 119/18).

Но слово *ол* весьма широко выступает и в своем основном значении — личного или указательного местоимения: Ол бир нәңни биргä мәңзätти 'Он уподобил одну вещь другой' (ДЛТ, II, 413/288); Сәwинчин кәчäр ол ош ол йәг** кӱни 'Так он радуется в тот прекрасный день' (КБ, XXX, 76/5).

---

[116] См.: Н. К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956; Э. В. Севортян. Категория сказуемости. — Там же.

[117] Частице *ол* в некоторых современных языках, в частности в узбекском, соответствуют указательные местоимения *у* и *бу* в функции частиц: Фашизм — *у* харобазар ва яланғочлик 'Фашизм — это разрушение, опустошение' (А. Умарий); Инсонга ҳурмат бу ӱзни танимоқ 'Уважение к человеку — это познание самого себя' (С. Жӱра).

* R. Arat: yağılar (стр. 425).

** R. Arat: kör uş ol beg (стр. 215).

Формой предикативности и вместе с тем согласования в 3-м лице является также связка *турур*: Әтил сувы ақа турур ‘Текут воды Итиля’ (ДЛТ, I, 103/70).

III. Согласование подлежащего со сказуемым, выраженным глаголом прошедшего категоричного времени на *-ды//-ти*, наблюдается в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа. Показателями лица в сказуемом выступают следующие аффиксы.

Ед. число

1 л. -м: ынандым ‘я поверил [ему]’ (ДЛТ, I, 213/178), ўдәрдим ‘я шел по [его] следу’ (ДЛТ, I, 187/155).

2 л. -ң: йәдиң ‘ты съел’ (КБ, XLIII, 103/7); бардың ‘ты пошел’ (ДЛТ, II, 53/46).

3 л. —: кәчти ‘он прошел вброд’ (ДЛТ, II, 11/5) [118].

Мн. число

1 л.-*миз* [119]: кәлдимиз ‘мы пришли’ (ДЛТ, I, 314/273), ачтымыз ‘мы открыли’; кәчтимиз ‘мы прошли вброд’ (ДЛТ, III, 253/178).

2 л. *-ңыз*: бардыңыз ‘вы пошли’ (ДЛТ, II, 52/39).

3 л.— : оқуштылар ‘они знавали друг друга’ (ДЛТ, I, 195/162).

Приведенные выше показатели лица восходят к личным местоимениям [120].

В сложных прошедших временах с недостаточным глаголом *әр-* личные показатели присоединяются к основному глаголу, в редких случаях (в «Дīвāн»е) — к недостаточному глаголу: айдым әрди ‘я сказал’ (КБ, XXIV, 47/11); сөктим әрди ‘я бранил’ (КБ, XXIV, 48/16); мән унамас әрдим ‘я бы не согласился...’ (ДЛТ, I, 221/185).

IV. Согласуется сказуемое с подлежащим, выраженным глагольным именем. Одни формы глагольных имен в функции сказуемого согласуются с подлежащим в лице, другие — не согласуются. Глагольное имя на *-р* согласуется с подлежащим в 1-м и 2-м лице. Это объясняется тем, что данная форма по своему содержанию была ближе к глаголу, чем к имени. Формами согласования высту-

---

[118] Нельзя, разумеется, согласиться с М. Кашгарским, который полагает, что *-ы//-и* в составе аффикса прошедшего категорического является показателем 3-го лица (ДЛТ, II, 53/40). Он также утверждает — как это мы знаем из енисейско-архонских надписей,— что в языке племени арғу личные показатели заменяются формой *-г* / /-қ: сән тапындуғ ‘ты молился’, сән қачурдуғ ‘ты дал ему возможность убежать’ (ДЛТ, II, 194/131).

[119] Личный аффикс 1-го лица множественного числа *-(ы)мыз* употребляется в ташкентском диалекте современного узбекского языка, а также в алтайском языке.

[120] М. Кашгарский тоже считает, что аффикс 1-го лица множественного числа *-миз* восходит к местоимению *биз* (ДЛТ, I, 316/275).

чают показатели лица: в ед. числе — 1 л.-*мән*, 2 л.-*сән*, 3 л.— [121]; во мн. числе — 1 л.-*биз//-миз*, 2 л.-*сиз*, 3 л.— [122]. Примеры: алыр мән ‘я возьму’ (КБ, LXV, 172/14); Өлүр мән огүнчүн ‘Я умираю в раскаянии’ (КБ, LXVII, 176/18); Барыр мән муңун ‘Я ухожу с заботами’ (КБ, LXVII, 176/15); Йазуқ биз қылур биз дуа ол қылур ‘Мы грешим, он молится’ (КБ, LXIII, 166/7).

Глагольные формы на *-дуқ//-дүк*, *-ган//-қан* и *-гу//-қу* в большинстве случаев не имеют показателей лица и потому не согласуются с подлежащим: Өтүг өтнүр әркән көни тут әлиг ‘Если ты делаешь доклад [Элику, то] стой смирно (букв.: держи руки прямо)’ (КБ, XLVIII, 116/27); Өтägү кәрәк мән бу ҳақлар сәңа ‘Я должен выполнить свой долг перед тобой’ (КБ, XXVII, 63/15); Өзүң болса Ҳаҗиб урунч алмағу, Чығай тул йәтимләр сөзүн тыңлағу ‘Если ты станешь хаджибом, то не бери взятки и выслушивай слова бедняков, вдов и сирот!’ (КБ, XLVIII, 119/11); Йалың кәлдим әрди йалың киргү йәргä ‘Голым я пришел и голым должен уйти в землю’ (КБ, LXXV, 388/5).

В отдельных случаях личные показатели и притяжательные аффиксы наблюдаются в составе глагольных имен на *-гу//-қу* и *-ығлы*: Кәрäклиг сөзүг мән тутусдум сәңа ‘Я передал тебе необходимое слово’(КБ, XXVI, 60/23); Барығлы мән ‘Мне необходимо пойти’ (ДЛТ, II, 61/48).

Возможно согласование глагольного имени на *-мыш//-миш* с подлежащим в независимом предложении, тогда как в зависимом это согласование нарушается: Сән аймыш бу сөз ‘То слово, которое ты сказал’ (КБ, XLII, 196/3); Мән аймыш бу сөз ‘То слово, которое я сказал’ (КБ, XLI, 196/3); Оқымыш, Әлиг әмди кәлгил тәйу ‘Я прочитал, как Элик просил меня прийти к нему’ (КБ, XLII, 99/1); Йанут бәрди Одғурмыш айды бу сөз: Йәмä әдгү аймыш*, айа қылқы түз ‘Отвечал Одгурмыш, сказал такие слова: Ты говорил очень хорошо, о ты, обладающий хорошим характером’ (КБ, XLVII, 115/4); Мән унытмыш мән әдгү эшиг ‘Я забыл хорошего друга’ (КБ, XXVII, 62/36); Йәтүрмиш сән өз ‘Ты сам довел до конца эwүрмиш сән йүз ‘Ты отвернулся’ (КБ, XLI, 185/8); Бу күн биз илинмиш турур биз муңар ‘Но сегодня мы еще связаны с ними’ (КБ, XIX, 180/42).

Глагольное имя, выступающее в роли сказуемого придаточного предложения, обычно не согласуется со своим подлежащим ни в

[121] О формах личных аффиксов у огузов см. ДЛТ, I, 68/54.

[122] В Наманганском списке «Кутадгу билиг» личные показатели 1-го и 2-го лица единственного числа имеют форму ـمـ , ـص (*-ма,-са*), а в Каирском списке они почти везде пишутся с танвином: ـمً ـصً(*-ман*, *-сан*). В современном карачаево-балкарском языке вариант-*ма//-ме* употребляется параллельно обычному *-ман//-мен* (Н. К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости, стр. 8). Возникает вопрос, не является ли форма личного аффикса 1-го лица *-ма*, *-са* отражением диалектной особенности живой разговорной речи XI в?

* R. Arat: ermez (стр. 404).

лице, ни в числе. Имеются отдельные случаи, когда глагольное имя принимает аффикс притяжательности, служащий показателем согласования сказуемого с подлежащим: Билиглиг уқушлыг тәдӱкӱң ӱчӱн, аны арзуладым 'Так как ты сказал, что он знающий, сообразительный, я пожелал его' (КБ, 117б/3); Сән өз билмишиң сөзни айдың 'Ты сказал то слово, которое знаешь сам' (КБ, 117а/13); Қайу әдгӱ қалды мәңә қылмадың 'Какое же осталось доброе дело, которое бы ты [для меня] не сделал' (КБ, 113б/3).

V. В языке памятников в большинстве случаев отсутствуют грамматические показатели согласования глагола условного наклонения с подлежащим: во всех лицах употребляется одна и та же форма условного глагола. Соотнесенность действия, выраженного условной формой глагола, с определенным лицом устанавливается контекстом или личным местоимением, выступающим в роли подлежащего [123]: Узатса басыттың йити қыл аδақ '[Если ты] тянешь время, [то на тебя] нападут, поэтому быстрее нападай сам' (КБ, XXXI, 88/17); Өзӱм барса ма йасы кәлгәй кәδин 'Если я встану и пойду, то позднее меня настигнет горе' (КБ, XLV 107/10); айса ма 'если сказать мне' (КБ, LV, 130/25); пару барса мән 'если пойду дальше' (КБ, LXIII, 163/20); тапуғ қоδса мән 'если я оставлю службу' (КБ, LXIII, 168/20); Ажунда атыңни йаδайын тәсӓ 'Если ты хочешь распространить в мире свое имя' (КБ, LII, 126/44); Тақы бир ажунуғ тутайын тәсӓ 'И еще, если ты хочешь управлять миром...' (КБ, XXVIII, 67/24); қачан барса сән 'когда ты пойдешь...' (ДЛТ, I, 383/338); Биз әмди бу оңду төрӱ урса биз 'Если мы будем противодействовать порядку и закону...' (КБ, XLVII, 115/13). Встречаются личные местоимения, ставшие аффиксами, показателями лица—*-м*, *-ң*; в этом случае мы имеем согласование сказуемого с подлежащим в 1-м и 2-м лице: Қалы кәлсаң (قلي كلسانك 'Если ты придешь' (КБ, XLI, 189/1); Тилӓб булғу әрсӓм тилӓйӱ көрӓй (تيلاب بولغو ارسام 'Я хотел бы их найти, хочу постараться, поискать их' (КБ, LXXII, 389/3); Қалы булсам (قلي بلسام 'Если я найду [его]' (КБ, LXXII, 389/4); Әмсӓм аңар тиläниб 'Если я попрошу его лечения' (ДЛТ, I, 386/341). В одном двустишье в первой строке условная форма имеет аффикс лица, а во второй строке она употребляется без этого аффикса, но с личным местоимением: Қалы кәлсӓң асғы түсӱси сәңа, Йәмӓ кәлмӓсӓ сән йасы йоқ мәңа 'Если ты придешь, [то это] принесет тебе пользу и выгоду, а если не придешь [от этого] мне нет вреда' (КБ, XLI, 189/1).

Таким образом, процесс оформления условной формы глагола личными формантами в языке памятников XI в. еще не закончился.

[123] Аналогичное явление наблюдается в языке «Тафсира»: динимгӓ кирсӓ сиз (5 л., 28 п., сура XX), ӓгӓр айтмаса сиз (там же), мусулман болса мән (там же).

VI. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным глаголом в повелительном наклонении, в основном такое же, как и в современных языках [124], хотя имеются некоторые особенности:

1) аффикс 2-го лица *-ыңыз* для выражения уважения к собеседнику употребляется, по свидетельству М. Кашгарского, только в языке огузов и кыпчаков [125];

2) 1-е лицо множественного числа имеет показатель *-алим//-әлим*: Қалқан сөңӱн чөмшәлим ‘Будем же биться в кольчугах и копьями’ (ДЛТ, I, 413/368); Ойналым ‘Будем же веселиться’ (ДЛТ, III, 145/96); Тӱнлә билә көчәлим ‘Двинемся-ка ночью’ (ДЛТ, II, 12/5);

3) во 2-м и 3-м лицах для усиления значения повеления глагола повелительного наклонения к его основе присоединяется *-ы//-и*; Қалы дӱнйа қолса йолы урсуны* ‘Если желаешь мира, то и следуй его путем’ (КБ, LXX, 183/32);

4) в некоторых случаях повеление выражается формой на *-су//-сӱ* (т. н. сокращенной формой): тилиң тәбрәсӱ ‘пусть двигается твой язык’, өзӱң кизләсӱ ‘скрой самого себя’ (КБ, XXIII, 45/13); Өдӱнсӱ ӱни ‘Пусть голос его звучит’ (КБ, LX, 150/23).

СОГЛАСОВАНИЕ В ЧИСЛЕ

Согласование в числе сказуемого с подлежащим и определения в форме родительного падежа с определяемым в языке памятников не является обязательным; оно нарушается чаще, чем в современных языках: Алплар башын тоғрадым ‘Я размозжил головы героям’ (ДЛТ, I, 146/112); Тәлим башлар йуwулдымат ‘Катилось [с плеч] много голов’ (ДЛТ, I, 377/332); Өгӱнди олар ‘они раскаивались’ (КБ, LX, 145/17).

Согласование сказуемого с подлежащим в числе в 3-м лице встречается крайне редко (когда подлежащее выражает лицо): Ириг сөзгә йумшақ йанут қылса өз, Ачығ сөзләсәләр сӱчӱг тутса сөз ‘На суровые слова он пусть отвечает мягко, Если говорят горькие слова, то встречай их с умилением’ (КБ, XLII, 199/13); Ара от болурлар* ара суw болур, Ара кӱлдӱрӱрләр** ара йығлатур ‘То они — огонь, то — вода, то они заставляют смеяться, то плакать’ (КБ, XLVIII, 117/31); Олар бармаслар ‘Они не пойдут’; Булар бармаслар ‘Эти не пойдут’ (ДЛТ, II, 69/55).

Показателем согласования в числе может выступать аффикс взаимно-совместного залога *-(и)ш*: Олар икки тawарын ӱләшди ‘Они вдвоем разделили свой товар’ (ДЛТ, I, 198/165); Бөри барча улышды ‘Все волки завыли’ (ДЛТ, I, 197/164).

---

[124] А. М. Ш е р б а к. Грамматический очерк, стр. 157.
[125] ДЛТ, II, 51/38.
* R. Arat: uṣ unu (стр. 641).
** R. Arat: bolur kör... kuldurur kör (стр. 413).

ТЮРКСКАЯ ИЗАФЕТНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

В языке памятников XI в. употребляется изафетная конструкция, первый компонент которой оформлен аффиксом родительного падежа, а второй — аффиксом принадлежности. Компоненты изафетной конструкции выражаются, как и в современных языках, именными частями речи, логически и грамматически тесно связанными между собой.

Определяемое в изафетной конструкции обычно оформляется следующими аффиксами принадлежности [126]:

Ед. число	Мн. число
1 л. *-ым//-им, -ум//-ӱм, -м*	1 л. *-мыз//-миз*
2 л. *-ыӊ//-иӊ, -ун;//-ӱӊ, -н*	2 л. *-ыӊыз//-иӊиз, -уӊуз//-ӱӊӱз*
3 л. *-ы//-и, -у//-ӱ, -сы//-си* [127]	3 л. *-ы//-и, -у//-ӱ, сы//-си*

В отдельных случаях в 3-м лице могут одновременно использоваться два аффикса принадлежности — «удвоенная форма» принадлежности: *-ы + -сы*; «удвоенная форма» особенно характерна для числительного *бир*, выступающего в функции неопределенного местоимения [128]: Бириси йалаwач битигчи бири ‘Один из них — посол, другой — писец’ (КБ, XXXVIII, 166/15); Бириси билигсиз, бириси агын ‘Один невежественный, другой немой’ (КБ, XXII, 43/21).

Оформленная изафетная конструкция, первый компонент которой имеет аффикс родительного падежа, а второй — аффикс принадлежности, в противоположность современным языкам употребляется крайне редко [129]: Мәниӊ йоқ сақынчым мунуӈда абын ‘У меня кроме этого нет другой заботы’ (КБ, XXV, 51/3); Өзӱм мәниӊ будурсын ‘Я сам [как] перепелка’ (ДЛТ, I, 469/423); Аныӊ атасы, аныӊ оғлы ‘Его отец, его сын’ (ДЛТ, III, 227/157); Тӱн күнӱӊ қаршысы ол ‘Ночь есть противоположность дня’ (ДЛТ, I, 399/354); Кишиниӊ сөзи ‘Слово человека’ (КБ, XXVI, 56/8); Ҳāлы нәгӱ ол аныӊ ‘Каково его состояние’ (КБ, LXVIII, 178/16);

---

[126] См.: С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М. — Л.. 1957; А. М. Щербак. Грамматический очерк, стр. 98—100; Он же. Грамматика староузбекского языка. М. — Л., 1962, стр. 215; Н. К. Дмитриев. Категория принадлежности. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956; Э. В. Севортян. Категория принадлежности. — Там же.

[127] ДЛТ, III, 227/157—158.

[128] В современных языках (узбекском, турецком, ногайском и др.) «удвоенная форма» категории принадлежности употребляется шире, чем в языке XI в.

[129] Ср.: Н. А. Баскаков. Предложение и словосочетание в тюркских языках. «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961 стр. 78.

Өзўң қуллуғы қыл 'Неси свою рабскую службу' (КБ, LXVII, 175/17).

В отличие от современных языков аффиксы принадлежности не изменяют фонетического состава слова: оғулум 'мой сын' (علم) (ДЛТ, III, 445/325); йарымы 'половина его' (ДЛТ, III, 26/15); қулақын 'его уши' (ДЛТ, I, 226/189) [130].

Следует различать аффикс принадлежности 3-го лица *-ы//-и, -у//-ӱ*, от звука *-и//-ы, -ӱ//-у*, который употребляется для присоединения падежных аффиксов, например: *-ы//-и* является соединительным звуком — *Бағырсақлығын* ай 'Милосердия ради скажи' (КБ, XXX, 75/2); Бақа көрди Әлиг көр *Өгдӱлмишиг* 'Тут Елик посмотрел на Огдюлмиша' (КБ, LXVII, 117/37); *-ы//-и* является аффиксом принадлежности — Ол *ашын* ағулады 'Он отравил его пищу' (ДЛТ, I, 301/260); Ағыр тут... *йарлығларын* 'Высоко чти все его повеления' (КБ, XXV, 53/12).

Расположение компонентов изафетной конструкции в языке памятников было более свободным, чем в современном языке: зависимое слово могло стоять после главного; оба компонента могли разделяться другими членами предложения: Әмгәк мәниң билиң 'Знайте же мои трудности' (ДЛТ, III, 382/275); Оты аның чақланур 'Пламя [любви] его трепещет' (ДЛТ, I, 469/423); Йағысы аның 'Его врагов' (КБ, XLII, 199/2); Аның қачмыш атығ әwришти 'Он помог ему поймать его убежавшего коня' (ДЛТ, I, 238/200); Мәниң йоқ сақынчым 'У меня нет заботы' (КБ, XXV, 51/3).

По своим формальным признакам и значению изафетные конструкции делятся на пять групп:

I группа: определение и определяемое имеют свои формальные показатели, т. е. аффикс родительного падежа и аффикс принадлежности.

II группа: первый компонент оформляется аффиксом родительного падежа, вторая часть не имеет аффикса принадлежности. В таких конструкциях выражается принадлежность предмета или признака определенному лицу. Первая часть (определение в родительном падеже) выражается в основном личным местоимением первого лица единственного или множественного числа: Тиләк йоқ мәниң 'У меня нет желания' (КБ, XLVII, 115/29); Мәниң йӱздин ытлын 'Уходи прочь от моих глаз' (ДЛТ, I, 256/216); Қанды мәниң қанығ 'Удовлетворено мое желание' (ДЛТ, I, 357—358/314); Ол мәниң tawарығ саттурды 'Он заставил продавать мои товары' (ДЛТ, II, 213/144); йарды мәниң йӱрәк 'разбило мое сердце [т. е. испугало меня]' (ДЛТ, III, 40/25); Бу бизниң өз киши ол 'Он наш человек' (ДЛТ, I, 80/47).

Второе или третье лицо личного местоимения редко используется в качестве компонента изафетной конструкции второй группы: 2-е л. ед. числа — Сәниң сап кәлди 'Пришла твоя очередь' (ДЛТ,

[130] Ср. с современным узбекским языком: *оғлым, йармы, қулағыны*.

III, 159/107); көңүл сәниң 'твое сердце' (КБ, LXVIII, 178/16); 3-е л. ед. числа: Асығ йоқ аның 'От него нет пользы' (КБ, XXV, 49/20); аның қойунда'у него за пазухой' (ДЛТ, II, 391/272); Тынсын аның аруқлуқ 'Пусть он отдохнет' (ДЛТ, II, 366/255).

Определение в составе изафетной конструкции второй группы редко выражается другими разрядами местоимений и имен существительных: Өч кәк қамуғ кишиниң йалңуқ ўзä алым бил 'Месть и [затаенную] злобу понимай, как долг, который одни люди должны взять у других' (ДЛТ, I, 79/46);... өзнүң қанлығ йуδрук йəг '...лучше кровавый кулак близкого человека' (ДЛТ, III, 49—50/32); Озўң əδгў қолма бəкиң əδгў қол 'Не стремись к собственной выгоде, стремись к выгоде своего князя' (КБ, XLI, 189/10); Tawap кимиң өкўлсä 'Чье богатство увеличится...' (ДЛТ, I, 343/302); Болса кимиң алтун кўмўш ырла этäр 'У кого есть золото и серебро, тот строит дом' (ДЛТ, III, 268/190).

Наличие формального признака первого элемента изафетной конструкции связано также с характером определяемого слова: если определяемое выражено послелогом или значимым словом в роли послелога, первый компонент изафетной конструкции всегда принимает аффикс родительного падежа: аның бирлä 'с ним' (ДЛТ, I, 400/355); аның тəгрä 'вокруг него' (ДЛТ, I, 301/260), аның табару 'в его сторону' (ДЛТ, III, 445/325), кимиң билä 'с кем' (ДЛТ, III, 28/18), аның уδу 'за ним' (ДЛТ, I, 114/81), мəниң сөндä кəл 'иди за мной' (ДЛТ, III, 369/265).

Определение могло помещаться и после определяемого (что немыслимо с точки зрения современной узбекской прозаической речи): Көңүл кимиң болса қалы йоқ чыгай 'У кого сердце совершенно бедное' (ДЛТ, III, 257/180).

III группа: определение не имеет форманта родительного падежа, определяемое принимает аффикс принадлежности. Компоненты изафетной конструкции третьей группы выражают одно общее понятие или принадлежность вообще, безотносительно к конкретному предмету: ай битиги 'тетрадь, куда записывается количество израсходованного провианта войск' (ДЛТ, I, 76/43), тириглиг йолы 'дорога жизни' (КБ, XLIII, 104/13), көнилиг йолы 'путь справедливости' (КБ, XXXI, 86/20).

В некоторых современных языках, например в узбекском, в следующих случаях обязательно оформление первого компонента изафетной конструкции аффиксом родительного падежа: 1) если первый компонент изафетной конструкции (определение в форме родительного падежа) имеет при себе другое определение; 2) если первый компонент имеет в своем составе аффикс принадлежности; 3) если оба компонента находятся в дистантном положении; 4) если определяемое выражено именем собственным или субстантивированным именем [131].

[131] Подробнее см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного уз-

В языке памятников, несмотря на наличие вышеуказанных лексико-грамматических условий, первый компонент изафетной конструкции мог употребляться без аффикса родительного падежа: Қыз киши cawы йорықлы болмас ‘Не распространится слава жадного человека’ (ДЛТ, I, 315/274); аба оғланы аслы ‘происхождение сыновей Евы’ (КБ, XXX, 75/16), билиглиг киши орны ‘место знающего человека’ (КБ, XXXII, 91/6), көзи соқлуғы ‘алчность [человека]’ (КБ, XXXIV, 95/31), өзи асғы ‘собственная выгода’ (КБ, XLII, 99/23), атам жаны ‘душа моего отца’ (КБ, Наманганская рукопись, 62а/5); Нәңи болмаса әр алып бәргүгә ‘Если человек не находит достояния, чтобы пожертвовать им’ (КБ, XLVII, 114/8); Кәрәклиг тутузтум сәңа барча сөз ‘Я передал тебе все нужные слова’ (КБ, LXVII, 176/24).

IV г р у п п а: компоненты изафетной конструкции не имеют формальных признаков. Изафетная конструкция этой группы выражает одно общее понятие: күн орту ‘полдень (букв.: середина дня)’ (ДЛТ, I, 145/112), тағ тармут ‘долина (букв.: низменности гор)’ (ДЛТ, I, 145), халқ йан ‘народные обычаи’ (КБ, XXX, 74/18), тириглиг йәгү ‘хлеб (букв.: пища жизни)’ (КБ, LX, 148/5).

В современном языке первый элемент подобных конструкций перешел в разряд прилагательных; ср., например, в узбекском: тахта күприк ‘деревянный мост’, олтин соат ‘золотые часы’.

В языке памятников употребляется изафетная конструкция, компоненты которой не имеют аффиксов, но сохраняют свои грамматические функции и выражают значение принадлежности (в современном языке элементы таких конструкций употребляются только оформленными соответствующими аффиксами): Йитүглиг анасы қойун ачар ‘Потерявший что-либо откроет даже пазуху своей матери’ (ДЛТ, III, 25/14); Киши көңли бәлгү тануқ әрди тил сөз ‘Речь — свидетель и выразитель помыслов [души] человека’ (КБ, LXXII, 389/16).

Компоненты изафетных конструкций, определяемое которых выражено местоимениями *қамуғ*, *барча*, употребляются без соответствующих аффиксов: Атларқамуғ сөчүшди ‘Все лошади вскочили’ (ДЛТ, II, 98/74); Будун қамуғ күлүшди ‘Все люди смеялись’ (ДЛТ, II, 124/88); Сөзүң барча чын ‘Все твои слова верны’ (КБ, XXII, 43/34). Безаффиксальными являются даже те изафетные конструкции, определение которых выражено именем собственным, а в некоторых случаях — субстантивированным именем: Олар икки а:рышды ‘Они обманули друг друга’ (ДЛТ, I, 191/159); Олар икки әрләшди ‘Они состязались в мужестве’ (ДЛТ, I, 242/203); Бу ики бириксә ‘Если эти двое объединятся...’ (КБ, XXXI, 90/3). Безаффиксальная форма изафетной конструкции

бекского литературного языка. М. — Л., 1960, стр. 356—357; А. Г у л я м о в. Определение в узбекском языке. «Изв. Узб. филиала АН СССР», 1940, № 8, стр. 6—7.

встречается главным образом в языке «Дйвăн» а, который является собранием образцов народно-разговорного и письменного языков.

Определение изафетной конструкции может быть опущено, если: а) определяемое имеет аффикс принадлежности, а основное внимание уделяется определяемому: Көкүң ким 'Кто твой род?' (ДЛТ, II, 328/226); Тилим қачты 'Мой язык отнялся' (КБ, XXIV, 48/6); б) определяемое относится к субъекту предложения: Әр ышын уқды 'Человек понял свое дело' (ДЛТ, I, 180/147); Гäнж анасын әмди 'Ребенок сосал [грудь] своей матери' (ДЛТ, I, 181/148); Айур мән битидим тилäгим сөзүм 'Он говорит: я написал мою просьбу' (КБ, XLV, 109/16); в) определение изафетной конструкции известно из предшествующего контекста; Муҳал ики түрлүг киши ол, билин, Бириси билигсиз, бириси ағын 'Непригодны люди двух видов, знай; одни — незнающие, другие — немые' (КБ, XXII, 43/21); Узы аз йəгүгä, ағусы өкүш 'Он имеет много яда и мало хорошего для употребления' (КБ, LXIX, 180/36).

В современных языках, в частности в узбекском, употребляются имена с аффиксом принадлежности 3-го лица, не имеющие при себе определения в родительном падеже (как правило, восстановить подобные определения невозможно): *қўли йўқ киши*, *қорни оч одам*, *бешинчи куни келди* и др. Такие конструкции в языке памятников употребляются значительно шире. Показатель принадлежности 3-го лица в таких случаях употребляется для большей конкретности, определенности [132]: Йүгүрсä тüни барча күнгä улап 'Пусть все дни и ночи он побегает [т. е. пусть постоянно служит]' (КБ, XLIII, 104/19); Көр арслан болу бəрсä ытқа башы 'Если [вдруг] лев станет главарем собак' (КБ, XXXI, 82/28); Байатығ тапуғ бирлä булмас қулы '[Только] службой раб не найдет бога' (КБ, XLVII, 114/11); Бəки бай кəрäксиз 'Не нужно [такого], у кого князь богат' (КБ, XXXI, 174/2).

Некоторые слова, оформленные в современных языках аффиксом принадлежности 3-го лица, в языке памятников употребляются без него: қарын ачмыш əр 'изголодавшийся человек' (КБ, XXXVIII, 166/10) — в современном узбекском языке: қарны ачқан киши.

V группа: первый компонент изафетной конструкции оформляется аффиксом местного падежа, употребляемого в функции исходного падежа; второй — принимает аффикс принадлежности (обычно 3-го лица). Управляющее слово здесь выражает часть, а управляемое — целое или группу: кишидä талусы, кишидä башы 'замечательный из людей', 'вождь людей' (КБ, XXX, 78/1); буларда бири 'одно из этих' (КБ, XXXI, 83/10). Некоторые такие конструкции выражают отношение разделения, выделения: Сəниндä кичигин 'Из тех, кто ниже тебя' (КБ, XLIX, 122/15).

---

[132] Аффиксы *-ы/-и* в таких случаях вряд ли составляют категорию принадлежности, поэтому, возможно, их следует отнести к особой грамматической категории определенности.

Иногда аффикс принадлежности опускается: Буларда қайу әрса ‘Если кто-либо из этих...’ (КБ, LV, 130/30).

Управляющее слово в изафетной конструкции выражается обычно именем существительным, а в некоторых случаях — субстантивированным прилагательным или причастием: мәниң билмишим ‘то, что я знаю’ (КБ, XXXV, 53/9); Уш кәлдүгүм бу ‘Я только что приехал (букв. это только что мой приход)’ (ДЛТ, I, 72/40).

Для языка памятников XI в. характерно употребление имени действия и глагольного имени в составе изафетной конструкции без аффиксов принадлежности.

Именам действия современных языков в памятниках XI в. соответствовали глагольные имена на *-ҳу//-гу//-гӱ//-ку*, которые выражали те же значения и служили для образования таких же конструкций, хотя и не были оформлены аффиксами принадлежности. Следовательно, в языке XI в. не было грамматических различий между личными и безличными конструкциями, сказуемое которых выражено глагольным именем: Байат ғазли қолғу кәрәк қул қамуғ ‘Все рабы должны молить о божьей милости’ (КБ, XXXVIII, 69/28); Сийасәт йорытғу кәрәк сӱ башы ‘Военоначальник должен соблюдать строгость’ (КБ, XXXI, 86/13).

Персидский и арабский изафеты очень редко встречаются в памятниках XI в. Случаи употребления персидского изафета имеются в языке «Құтадғу билиг’. Арабский изафет (status constructus) встречается лишь в отдельных устойчивых словосочетаниях.

Сравнивая изафетную конструкцию в памятниках XI в. с изафетной конструкцией современного узбекского языка, мы пришли к выводу, что в последнем наблюдается тенденция к аффиксации обоих компонентов изафета, а не «к прогрессирующему ослаблению аффиксального режима изафета», как считал С. С. Майзель [133].

---

[133] См.: С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.— Л., 1957, стр. 178.

Глава 3

СОЮЗНЫЕ СЛОВА И СОЮЗЫ

СЛОВА В РОЛИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ И СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

В функции союзов используются следующие слова: *йоқ әрсә*, *тағы//тақы*, *кәрәк*, *йана*, *ара//арала*, *айру*. В современных языках одни из этих слов окончательно перешли в разряд союзов (*йоқ әрсә* > *йоқса*), частиц (*йана*) и модальных слов (*кәрәк*), другие вообще вышли из употребления.

В исследуемых памятниках употребляются специфичные для языка того времени сочинительные союзы *аб*, *йәмә*, *азу*, *ма*, а также сочинительные союзы *ҳәм*, *йа*, *нә*, *вәлакин*, известные и в современных тюркских языках. Сочинительные союзы и слова, употребляемые в роли сочинительных союзов, используются как средство связи однородных предложений или членов предложения [134].

СОЮЗНЫЕ СЛОВА

Й о қ э р с ә ‘а то’, ‘не то’ служит для связи частей сложного предложения, содержание которых сопоставляется или противопоставляется друг другу, а также для связи однородных членов: Әлиг тиңләр әрсә аны сөзләйин, Йоқ әрсә бу сөзни өзүм кизләйин ‘Если Элик будет слушать, то я скажу об этом, а если нет, то эту мысль (букв.: слово) сохраню при себе’ (КБ, XXXVIII, 168/6); Күбәзгил, йоқ әрсә өзүндин төңүл ‘Сдерживай себя, в противном случае пеняй на себя’ (КБ, XXXI, 89/5).

Йоқ әрсә может соединять части осложненного предложения: Йоқ әрсә айу бәрсү өнди төрүлүк ‘В противном случае пусть они назовут мне линию поведения’ (КБ, LXXII, 320/14). Действие или состояние, выраженное сказуемым одной из частей сложного предложения, соединенного элементом *йоқ әрсә*, обычно относится к будущему времени. Поэтому сказуемое одной или обеих частей в большинстве случаев выражается повелительной формой глагола.

---

[134] См.: M. M a n s u r o ğ l u. Türkçede cümle çeşitleri ve bağlayıcıları. «Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten». Ankara, 1955, стр. 61—64.

Йоқ эрсä представляет собой сочетание недостаточного глагола в форме условного наклонения *эрсä* со словом *йоқ*. По всей вероятности, это сочетание первоначально служило сказуемым придаточного предложения. Частое употребление этого сочетания без подлежащего (подлежащим является все содержание предыдущего высказывания) привело к изменению его функции и содержания и превратило его в сочинительный союз. В языке «Қутадгу билиг» имеются случаи, когда *йоқ эрсä* сохраняет свое основное, первоначальное значение и функцию: Йарашғу йарағы бар эрсä йараш, Йоқ эрсä йарықлан бэл алшып кўрäш 'Если есть возможность заключить мир, то заключай его, Если нет, то вооружайся и вступай в борьбу' (КБ, XXXI, 88/8); Муны тэк йоқ эрсä сэн андын төңўл 'Если не будет так, то отвернись от него' (КБ, 81б/9).

Йоқ эрсä в функции союза имело и современную стяженную форму *йоқса*: Йағуса сўнгўн тэккў йоқса табун * 'Если они подойдут, то необходимо бить их дротиками или пращами' (КБ, XXXI, 88/24).

Тақы//тағы (*тақ-* 'присоединять' + формант деепричастия *-ы*) 'также' [135] используется для связи простых предложений, входящих в состав сложных, выражающих присоединительные смысловые отношения, и реализует следующие смысловые отношения между частями сложного предложения:

1) присоединительный характер второй части: Бириси caw алтун қылыч бир тақы 'Одно — самородное золото, другое — меч' (КБ, XXXIX, 174/10); Элиг айды: уқтум муны бэлгўлўг, Тақы бир сөзўм бар сэн аны ай кўлўг 'Сказал Элик: Я, конечно, внял этому, но есть еще у меня слово, [чтобы] тебе сказать: ответь мне, о знаменитый' (КБ, XXXI, 90/14);

2) вторая часть является продолжением мысли, высказанной в первой части сложного предложения: Тақы мунда йэгрäк айур көр уқуш, Уқуш йолы тутса асырлар өкўш 'Еще лучше говорит разум, Если следовать путем разума, то получишь много пользы' (КБ, LXVII, 174/13);

3) вторая часть ограничивает то, что высказано в первой части: Элиг айды уқтум йаруттуң мэни, Тақы бир сөзўм бар айу бэр аны 'Элик сказал: я понял, ты просветил меня, Я должен спросить еще об одном слове, сообщи мне его' (КБ, XXXVI, 159/7);

4) сопоставление, противопоставление или несоответствие содержания частей сложного предложения: Сўти ўзä сағрақ йэри тақы ағлақ '(У племени Ограк) возле посуды с кумысом всегда стоят кубки, хотя земля их тощая' (ДЛТ, I, 435/389); Амуллуқ өрўглўк болур бэккä көрк, Бу бэклик ишингä бу ол тақы ўрк 'Спокойствие и величие украшают князя, но к государственным делам относится также [умение внушать] и страх' (КБ, XXX, 76/17).

* R. Arat: ... birse boyun (стр. 251).

[135] Современная форма этого союзного слова *тағын* является частицей.

Тақы может употребляться в роли и значении частицы-наречия ‘еще’, ‘опять’ [136], не являясь средством связи частей сложного предложения: Бир арзу йәтўрсә тақы бир қалур, Тақы бири булса тўгәл йәг болур ‘Если исполнится одно желание, останется другое, Если и это исполнится, тогда будет замечательно’ (КБ, XLIII, 102/24).

Если сопоставляется содержание обеих частей сложного предложения или если вторая часть его имеет присоединительный характер, союзное слово *тақы* может быть расположено на стыке частей сложного предложения; если сопоставляются отдельные члены компонентов сложного предложения, то союзное слово *тақы* обычно располагается в середине второй части сложного предложения, непосредственно за сопоставляемым членом: Тақы йахшы аймыш билиг бәргўчи ‘Очень хорошо также говорил человек, который дает знания’ (КБ, XXXIV, 95/33); Тоғуб тақы қалмады мәңгў әрән ‘Родившись, человек не останется вечно [на земле]’ (ДЛТ, III, 389/280).

В составе простого предложения союзное слово *тақы* выражает присоединительный характер второй части однородного члена и подчеркивает, оттеняет его значение: Билиг ишкә тутғыл тақы бил * көни ‘Применяй знания и знай также справедливость’ (КБ, XL, 183/5); Көкрәр тақы маңрашур ‘[Гром] гремит и ревет’ (ДЛТ, III, 407/295).

К э р ә к, модальное слово, кроме своего основного значения ‘нужно’, ‘необходимо’, имеет значение союза, соединяющего части сложного предложения, а также однородные члены предложения: Кәрәк ит болсуны кәрәк көк бөри ‘Будет ли это собака или сивогривый волк’ (КБ, LXVII, 177/2).

Союзное слово *кәрәк* соответствует по своей функции разделительному союзу *йа*, употребляемому в современных языках [137]. Поэтому в некоторых случаях союзное слово *кәрәк* выступает параллельно с союзом *йа*: Кәрәк қат шалыса кәрәк тарйақ әт, Кәрәк митридус тут йа чайры әгит [138] ‘Приготовь шалису или терьяк, Примени митридус или разбей чайри’ (КБ, XXIV, 46/19). Но *кәрәк* не всегда синонимично союзу *йа*: оно может выражать и разделительные отношения с оттенком уступительности: Кәрәк бәк кәрәк қул барыр қалғусуз ‘Князья это или рабы — все уходят без остатка’ (КБ, XXVI, 57/17); Кәрәк билгә болғыл, кәрәк миң йаша ‘Будь ты мудрым или живи тысячу лет...’ (КБ, LXIX, 181/14); Кәрәк ашқа барғыл, кәрәк бармағыл ‘Или ходи, или не ходи

[136] М. Кашгарский указывает, что в языке огузов слово *тақы* употребляется в функции союза-частицы (см. ДЛТ, III, 246/172).

* R. Arat: til (стр. 323).

[137] *Кәрәк* в функции союзного слова в современном узбекском языке не употребляется, но в азербайджанском, турецком и некоторых других тюркских языках оно функционирует в этой роли.

[138] Названия лекарств—см.: И б н и С и н о. Тиб қонунлари, книга V. Ташкент, 1962, стр. 29, 234, 235.

в гости...› (КБ, LV, 131/22). Конструкция с союзным словом *кәрәк* с оттенком уступительности представляет собой придаточное уступительное предложение.

Й а н а (*йан-* ‘возвращаться’ + формант деепричастия *-а*) выступает в роли союза, соединяющего части сложного предложения, а также однородные члены предложения. Присоединяемая часть в таких синтаксических конструкциях содержит добавочное сообщение: Ашы аз йәгүгә, ағусы өкүш, Йана өгдиси аз, өкүши сөкүш ‘Он имеет много яда и мало пищи [для употребления]. Хвалить его — немного, а много — ругать’ (КБ, LXVX, 180/36); Әсизләргә ҳиммәт сийасат кәрәк, Йана әдгүгә түтчи ҳурмат кәрәк ‘Скверным нужны строгость и великодушие, добрым — вседа уважение’ (КБ, XXXI, 86/16); Киши нәңи алма, йана төкмә қан ‘Не бери чужого имущества, не проливай кровь’ (КБ, XXVI, 57/16); әди сақ кәрәк бәк йана кәд одуғ ‘Князь должен быть очень осторожным и весьма бдительным’ (КБ, XXX, 77/12).

Йана может выступать не только как союзное слово, но и как частица-наречие: Йана кәлмә ‘не возвращайся опять’ (КБ, XLV, 109/37); Йана йаңғу әрмәс йигитлиг күчи ‘Юная сила снова не возвращается’ (КБ, LX, 145/25); Тумлуғ йана кәлгүсүз ‘Холод больше не вернется’ (ДЛТ, I, 141/107).

А р а//а р а л а ‘иногда’ в роли союзного слова выступает как средство связи частей сложного предложения, а также однородных членов предложения. Подобные синтаксические конструкции выражают разделительные смысловые отношения: Арала awытур сәwүнчин висал, Ара йығлатур бу фырақын түгәл ‘Иногда свидание наполняет его радостью, Иногда его печалит полная разлука’ (КБ, LXVII, 177/10); Ағызтын ара от ара суw чықар, Бириси бузар ол бириси этәр ‘Из уст выходит то огонь, то вода, Одно разрушает, другое создает [добро]’ (КБ, XXXV, 97/27); Ара күлдүрүр бу ара йығлатур ‘То заставляет смеяться, то — плакать’ (КБ, XLIII, 102/22).

Й ә м ә ‘еще’, ‘опять’, ‘также’, ‘и’ употребляется чаще, чем другие союзы и союзные слова. Это объясняется широтой и разнообразием его функций. *Йәмә* не является фонетическим вариантом союзного слова *йана*, так как оба союзные слова употребляются параллельно и имеют различное начертание. С другой стороны, *йәмә* не следует связывать и с таджикским местоимением *ҳәмә*, так как указанная форма союзного слова употребляется уже в древнетюркском языке[139], где мы не встречаем местоимения *ҳәмә*. По всей вероятности, *йәмә* есть своеобразная форма местоимения-частицы.

Йәмә в функции и значении местоимения: Йәмә әмди билгә бөгү сөзләди ‘Все это рассказал много знающий [человек]’ (КБ,

---

[139] С. Е. М а л о в. Памятники древнетюркской письменности. М. —Л. 1951, стр. 387.

XXXIII, 93/ 9); Әки түрлүк ол көр йәмә бу йағы ‘Смотри, все эти враги двоякого рода’ (КБ, XLIX, 121/24).

Йәмә в функции наречия-частицы: йәмә йахшы аймыш ‘Он еще лучше сказал’ (КБ, XLVII, 115/4); Тириг болса йалңуқ йәмә игләр өк ‘Если человек живет, то он и болеет’ (КБ, LII, 125/4); Игләр йәмә awрыйур ‘[Количество] больных также уменьшается’ (ДЛТ, III, 400—441, 321). Как частица в составе сказуемого придаточного предложения *йәмә* служило для передачи уступительных смысловых отношений: Йалқса йәмә йаг әдгү, күйсә йәмә күн әдгү ‘Масло хорошо, хотя и надоедает; солнце — хорошо, хотя и обжигает’ (ДЛТ, III, 370).

В качестве союзного слова *йәмә* служит для присоединения частей сложносочиненного предложения, вторая часть которого выражает добавочное сообщение или имеет присоединительный характер: Табуғқа әң ашну төрү билгү өз, тапунмақ қылынчы сөзи сөзгә тўз ‘Для службы сначала надо знать законы, необходимо [всегда] заниматься делом, чтобы слова [его] соответствовали [его же] словам [делу]’ (КБ, XLVII, 114/23); Чығай ма өлўр йәмә бай өлўр ‘Бедный умирает, и богатый умирает’ (КБ, LXIX, 180/29).

Союзное слово *йәмә* служит для соединения частей сложного предложения с сопоставительным смысловым отношением: Нәчә бәк ҳақы әрсә қуллар ўзә, Йәмә қул ҳақы йоқму бәкләр ўзә ‘Какие права имеет князь по отношению к рабам. И нет ли у раба прав по отношению к князю?’ (КБ, XXXVIII, 168/11); Қалы кәлсә асғы тосусы сәңа, Йәмә кәлмәсә сән йасы йоқ мәңа ‘Если он придет, это принесет тебе пользу и выгоду, Если ты не придешь — для меня не будет вреда’ (КБ, XLI, 189/1).

В тех случаях, когда обе части сложного предложения имеют сказуемое, выраженное одним и тем же словом, одно из этих сказуемых может опускаться: Сөзўг өккўси бар йәмә сөккўси ‘Есть слово восхваляющее, и есть слово оскорбляющее’ (КБ, XXIII, 47/7).

В языке памятников исследуемого периода наблюдается параллельное употребление союзного слова *йәмә* и союза *ҳәм*: Көзи тоқ кәрәк кәδ йәмә коңли бай, Арығлығ кәрәк ҳәм йўзи көрки ай ‘Он должен быть очень сдержанным и великодушным, а также чистым и с красивым лицом’ (КБ, 106а/10).

В приведенных примерах союзное слово *йәмә* соединяет одну часть сложного предложения с другой. Но когда необходимо обратить внимание на содержание отдельных членов предложения, вышеуказанное союзное слово располагается внутри второй части сложного предложения. В этом случае не только сопоставляется или противопоставляется содержание отдельных членов предложения, но и выражаются причинно-следственные и другие смысловые отношения: Кәчўрмиш тириглик барыр кәлгўсўз, Нәчә ол бу қалмыш йәмә бәлгўсўз ‘Прожитая жизнь уходит безвоз-

вратно, Сколько [лет] жизни осталось, также не узнать› (КБ, XLIII, 103/22); Тоқлы бөри йәтилсүн, Қадғу йәмә cawылсун ‹Пусть ягненок и волк гуляют вместе, и пусть уходит печаль› (ДЛТ, I, 130—131/97); Әгин бүтти боғзум йәмә болды тоқ ‹Я был одет, а также сыт (букв.: моя глотка стала сытой)› (КБ, XLV, 109/1).

Союзное слово *йәмә* изредка употребляется в составе простого предложения как средство связи однородных членов (преимущественно однородных сказуемых): Кишиг тәпсämägил, йәмә ичмä соң ‹Не относись к людям враждебно (букв.: не топчи людей) и не пей› (КБ, XXV, 54/8); Сөзүг барча тыңла йәмә бүтмä тäрк ‹Слушай все слова, но не обязательно верь› (КБ, XXV, 54/7) [140].

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ [141]

А б-а б ‹ни — ни› — разделительный союз-частица, в языке памятников XI в. сравнительно с древнетюркским языком употребляется редко: аб бу аб ол ‹ни то, ни это› (ДЛТ, I, 70/37).

В современных языках рассматриваемому союзу-частице соответствует разделительно-перечислительный союз *нä — нä*.

А з у ‹или›, как и союз-частица *аб-аб*, употребляется редко. Он служит для соединения частей сложного предложения или однородных членов предложения и выражает разделительные отношения [142]: Анадын-му билгä тоғар бу киши, Азу өгränүрмү йәтилсä йашы ‹Рождается ли человек от матери мудрым, Или же он учится мудрости, становясь взрослым?› (КБ, XXVII, 65/26); Тылыг шүк-мү тутғу азу сөзлäсä, Сөзүг ачса-му йәг азу кизлäсä ‹Нужно ли сдерживать язык или надо говорить, хорошо ли вести речь открыто или же скрывать ее?› (КБ, XXIII, 45/4); Үзүм йәгил азу қағун йәгил ‹Скушай виноград или дыню›; Кәлүрмүсän азу барырмусän ‹Приходишь или уходишь?› (ДЛТ, I, 115/82); Өлүмгä этиг йоқ азу бәрк толум ‹Против смерти нет ни средства, ни сильного оружия› (КБ, LXIX, 179/33); Тилкү му тоғды азу бөри мү ‹Родила лису или волка› (ДЛТ, I, 404/359); Аны тыңлä барғу азу бармағу ‹Слушай его, ходить или не ходить› (КБ, LV, 130/30).

В отдельных случаях союз *азу*, будучи синонимичным союзу *йа*, употребляется параллельно с ним: Азу тәлwä мундуз болдум йа мундум ‹Или же я стал безумным и глупым, или же я запутался› (КБ, LXXII, 390/9).

М а — основной функцией этой частицы-союза является подчеркивание и усиление значения того слова, к которому она при-

---

[140] Союзные слова *йоқса*, *йана*, *тақу* (*дағы*) продолжают употребляться в языке памятников последующих эпох.

[141] А. М. Щ е р б а к. Грамматический очерк, стр. 194—195.

[142] ДЛТ, I, 115/82.

соединяется: Муны ма әшитгил 'Слушай же и это' (КБ, XLIII, 104/12).

Частица *ма* может служить средством связи частей сложного предложения. Органически входя в состав второй части сложного предложения, она служит для выражения сопоставления содержаний обеих частей; но и в этом случае частица *ма* может служить для подчеркивания и усиления значения того члена предложения, после которого она следует: а) Өрү турды Одғурмыш айды салам, Әлиг ма йанут бәрди қылды қыйам 'Затем поднялся Одгурмыш, произнес приветствие, Элик также ответил и встал' (КБ, LX, 154/30); б) Сәңа тәкмәгәй әрди әмгәк өкүш, Маңа ма дуа тәккәй әрди үлүш '[И тогда] у тебя не было бы столько работы, [И тогда] на мою долю пришлось бы больше молитв' (КБ, XL, 181/2).

Частица-союз *ма* может стоять между частями сложного предложения. В этой позиции *ма* выполняет функцию сочинительного союза, что подтверждается семантикой подобных сложных предложений: они выражают главным образом перечислительные смысловые отношения: Бағырсақ кәрәк ма көзи көңли тоқ, Бүтүн чын ма көңли кәни болса оқ 'Нужен [человек] милосердный, глаза и чувство которого сыты, совершенно честный и чистосердечный' (КБ, XXXIV, 95/23); Ашың сиңмәгә ма көңүл ағрыға 'Не переварится пища, и тебя затошнит' (КБ, LII, 130/38).

Служебное слово *ма* употребляется как союз при однородных членах предложения: йоқуғ бар қылур ма қылур йоқ барығ 'Несуществующее он делает существующим, а также уничтожает существующее' (КБ, XLVI, 111/32); Улушларда турма ма тутма нәңиң 'Не живи на окраинах и не держи там свое имущество' (КБ, LIII, 129/28); Тили үз кәрәк ма көңүллүг кәрәк 'Нужен красноречивый и чуткий' (КБ, XXXIV, 26/96); Узунлуқ тиләсә өзүң ма сөзүң 'Если [ты] хочешь [иметь] долголетия и острый язык (букв.: длинные язык и слова)' (КБ, XLIX, 123/22).

Х ә м — заимствованное из иранских языков служебное слово [143], употребляется параллельно со служебными словами *ма* и *тақы*. По своей функции *ҳам* ближе всего стояло к частице-союзу *ма* и употреблялось в идентичных конструкциях: Түзүлди төрү ҳәм әтилди эли 'Выработался закон, и его государство процветало' (КБ, XXVIII, 68/19)—Байуды буδун ма әтилди эли 'Народ разбогател, и государство процветало' (КБ, XXVII, 62/30). Как союзное слово частица *ҳәм* может находиться внутри второй части сложного предложения. В этом случае сопоставляется содержание частей сложного предложения или отдельных его членов: Ким әсиз қылынса өзүңә қылур, Ол әсиз йануты ҳәм әсиз болур 'Кто делает другому зло, тот вредит себе, [ибо] на зло отвечают злом' (КБ, LXVIII, 179/1).

[143] В языке «Қутадғу билиг» употребляется его фонетический вариант *әм*: Көңүл бәрди сөз әм йүрүтти тилин 'Он дал ему сердце и слова и привел его язык в движение' (КБ, по словарю В. Радлова, т. I, стр. 944).

В следующих случаях содержание второй части сложного предложения носит присоединительный, добавочный характер: Боғуздын кирўр иг кишигä кэми, Боғуздын болур ҳам аңар от эми ‘Болезнь входит в человека через горло, но через горло также поступают к нему и исцеляющие средства’ (КБ, XXXVIII, 164/9); Бу дўнйа ичиндä булур бу тилäк, Қалы ‘уқбы қолса булур ҳам йөлäк ‘В этом мире он находит [исполнение своих] желаний, но если он ищет [блаженства] потустороннего мира, то он найдет также способ [достижения]’ (КБ, XLII 198/13).

Ҳäм выступает как союз, когда находится на стыке частей сложного предложения, выражающего присоединительные отношения: Тирилди өги ҳäм қойылды билиг ‘Оживился его разум, и углубились его знания’ (КБ, XXXIX, 176/12); Этилсä эли ҳäм байуса буδун ‘Чтобы государство процветало и народ обогатился’ (КБ, XXX, 74/11); Уқушлуғ көни ҳäм силиг тил сөзи ‘Он сообразительный, справедливый, а слова и речь его чисты’ (КБ, XXIX, 72/1). Союзное слово *ҳäм* может быть использовано в сложном предложении, части которого выражают противительные смысловые отношения: Бу ол дин йолы ҳäм бу дўнйа йолы ‘Это дорога веры и дорога этого мира’ (КБ, LXX, 183/3); Өзи амрытур ҳäм өзи йэгўчи ‘Сама она успокаивает и сама является пожирателем’ (КБ, XXVI, 62/4).

В функции союза *ҳäм* выступает и в составе простого предложения для соединения однородных членов. В этой позиции союз *ҳäм* может быть одиночным или повторяющимся: ...муңар ҳäм қазар ‘[она] прыгает и роет [землю копытами]’ (КБ, XLIII, 102/27); Уwутлуғ силиг ҳäм қылынчы тўзўн ‘[Да будет он] стыдливым, чистым и сдержанным’ (КБ, XXX, 75/23); Ақы ҳäм тўзўн ҳäм уwутлуғ, силиг ‘[Пусть он будет] шедрым, справедливым, стыдливым и чистым’ (КБ, XXX, 77/30); Кўwäнсä бэки ҳäм қулы ҳäм эли ‘Чтобы и князья его, и рабы, и народ были довольны’ (КБ, XXXI, 20/17).

Й а — ‘или’ союз, заимствованный из иранских языков, выступает в составе простого или сложного предложения в функции разделительного союза [144]. В составе сложносочиненного предложения союз *йа* служит для выражения разделительных смысловых отношений: Сөкиш му тälимрäк йа өгди кэлир ‘Чего больше, порицания или похвалы?’ (КБ, XL, 178/12); Ким урды йа ким сөкти ‘Кто [тебя] побил или кто поругал?’ (КБ, LXIX, 179/37); Көни му йўрир сэн йа эгри йолуң ‘Справедливо ли ты поступаешь (букв.: ходишь ли ты прямо) или же крив твой путь?’ (КБ, XXVII, 63/4).

В памятниках XI в. союз *йа* мог соединять предложения, сказуемые которых были выражены разными временными формами:

---

[144] М. Кашгарский утверждает, что слово *йа* выступало в функции и значении отрицательной частицы. См. ДЛТ, III, 234/162.

Қайу өдкä тўштўм йа қайда турай ‘В какое время я попал или где я должен жить?’ (КБ, LXXII, 390/8); Бигиг му кэрäк йа сөз этсä тилин ‘Нужно ли послать письмо или достаточно передать устно (букв.: слово) [через посла?]’ (КБ, XL, 182/8). Это характерно и для союза *ҳäм*: Дäйимлик кэрäк ҳäм тутулса чэрик ‘Необходимы стойкость и порядок в войске’ (КБ, XXXI, 87/8).

Союз *йа* мог выполнять те же функции, что и соединительные союзы *ва*, *ҳäм*, т. е. мог служить для образования сложных предложений с перечислительным смысловым соотношением: Бу йэр тэр эриҗиг, эриҗ тутмағыл, Йа көчгў сэwинчиғ сэwинч тэмäгил ‘Землю называют местом покоя, не предавайся покою и не называй радостью преходящую радость’ (КБ, LX, 146/39); Өрўг ҳам силиг ол йа қылқы амул ‘Будь возвышенным и чистым, о ты, со спокойным характером’ (КБ, 72а/5), Боды ортуболса йа җawлығ, кўлўг ‘Он должен быть среднего роста и знаменитым’ (КБ, XXXI, 84/2); Қымыз сўт йа йўң йағ йа йоғруғ қурут, йэдим йа кэдиз ҳам эдар * эwкä тут ‘Имей в доме кумыс, молоко, шерсть, жир и высушенное кислое молоко, паласы, войлок и седло’ (КБ, LII, 127/7).

Йа выступает не только в функции союза, но и в функции формального средства для образования сложных конструкций с перечислительными смысловыми отношениями [145]: Йа қузза йорығлы қалын көп қотуз, Йа тўздä йорығлы уд ингäн өкўз «На возвышениях в тени пасутся многочисленные буйволы, А на равнинах — коровы, верблюды и быки» (КБ, LX, 152, 21); Нэ эдгў йарашур уқушлуғқа қут, Йа эдгў қылынчлыг билиглигкä бўт ‘Как славно подходит счастье умному человеку, Верь добродетельному и знающему человеку’ (КБ, XXVIII, 68/25).

Союз *йа* может употребляться в простом предложении для связи однородных членов, выраженных различными частями речи: Сэкиртўр йа өлдрўр йа уршу өлўр ‘Он прогоняет его, или убивает, или [сам] погибает в борьбе’ (КБ, XXXI, 88/31); кичиг йа улуғ ‘малые или большие’ (КБ, XLVIII, 117/27); ...бу кўн йа йарын ‘... ни сегодня, ни завтра’ (КБ, XXXVIII, 167/1); ... асыг йоқ сэңа йа мэңа ‘...ни тебе, ни мне нет пользы’ (КБ, XLV, 108/29); Будун бирлä қатлып йорық тўзмäдим, Йа бэклар билä мэн қылық билмадим ‘Обращаясь с людьми, я не мог научиться жить, а также не мог научиться, как обращаться с князьями’ (КБ, LXIII, 163/18).

Связывая однородные члены предложения, союз *йа* выполняет те же функции, что и соединительные союзы *вä* и *ҳäм*: Тэлим өксўзўг көр йа тул, турсақыг, Йа көзсўз йа олдурум йэмä ақсақыг

---

* R. Arat: erej (стр. 446).

[145] В подобных случаях трудно определить, соединяет ли сочинительный союз части сложносочиненного предложения или начинает простое предложение. То же можно сказать и о конструкциях с другими сочинительными союзами.

‘[Заботиться] о сиротах, о слепых, [разбитых] параличом и о всех калеках’ (КБ, XLI, 1871/11); ... тутқыл қадаш йа адаш ‘Принимай как родственника или товарища’ (КБ, XLIX, 122/24); Йигитлик йа байлық бу қут өсрүги ‘Молодость и богатство — это счастливое опьянение’ (КБ, LXVII, 175/14).

В ə л ə к и н — двойной союз (*ва ləкин*), в языке «Қутадғу билиг» употребляется сравнительно ограниченно. Этот союз служит для связи частей сложносочиненного предложения, выражающего сопоставительные смысловые отношения в широком смысле этого слова (отношения противопоставления, несоответствия), пояснение содержания одной части сложного предложения другой, ограничительный оттенок одной части сравнительно с другой и др.

Союз *вəлəкин* употребляется в начале второй части сложного предложения, которое обычно состоит из двух и более простых предложений. В нижеследующих примерах приводится только вторая часть подобных сложных предложений: ...Вəлəкин əwирди бу дүнйадан йүз, Туруб тағқа кирди кеңүл кылды түз ‘Но он отрекся от этого мира. Он отправился в горы и обрел душевное спокойствие’ (КБ, XL, 181/16); Вəлəкин бу бир қач муны бар аδын, Өзүм барса мə йа кəлгəй кəδин ‘Но у него имеется еще ряд недостатков. Если я буду жить, то позднее его вред настигнет и меня’ (КБ, XLV, 107/10); ... Вəлəкин буларсыз йəмə болмас иш, Тилин əδгү сезлə, аны қылма əш ‘Несмотря на это, ни одна вещь невозможна без него. Поэтому разговаривай с ним хорошо, но не делай его своим другом’ (КБ, L, 124/9).

Сложные предложения с союзом *вəлəкин*, состоящие из двух предложений, встречаются реже: Сəн əмди кеңүл бирлə кəлдиң мəңа, Вəлəкин нəтəк ол бу иш, ай тоңа ‘Ты пришел ко мне добровольно, но как же теперь обстоят дела, о богатырь?’ (КБ, LIX, 142/24).

Н ä — разделительно-перечислительный союз, заимствованный из иранских языков, служит для связи частей сложносочиненного предложения с отрицательным значением или же для соединения однородных членов предложений с тем же значением: Күүäз кор кəрäксиз, нä кеңли улуғ ‘Гордый не нужен, как и высокомерный’ (КБ, XXXI, 84/34); Нä қылқым қылынчым, нä сезүм сөзүм ‘[Не подходит для этого] ни мой характер и действия, ни слова мои и речь’ (КБ, XLIV, 105/29); Өлүм өк тыδумас билиг нä укуш ‘Ни знания, ни ум не могут остановить смерть’ (КБ, XXV, 50/15).

Как видно из примеров, союз *нä* может быть одиночным или повторяющимся; в последнем случае подчеркивается отрицательное значение каждого соединяемого компонента. Союз *нä* может и не выражать отрицания при присоединении однородных членов предложения. Тогда его роль сводится лишь к соединительной функции и соответствует союзу *вä*: Қабуғдақы əр ат кичиг нä улуғ, таңуқ тутты барча қылып жан йолуғ ‘Находящиеся у ворот отряды — большие и малые — взяли на поруки, жертвуя душой

своей [ради него]' (КБ, XXVIII, 68/15); Ақы ҳäм көзи тоқ нä көңли толу '[Необходим человек] щедрый, сдержанный и удовлетворенный в своих чувствах' (КБ, 76б/2); Сақынуқ кэрäк бэк нä қылқы арығ 'Князь должен быть бдительным и справедливым в своих поступках' (КБ, 77а/8); Бэки эдгӱ болса нä коңли тили 'Чтобы у князя было хорошее и сердце и язык' (КБ, 85б/15); Йӱзи көрки көркӱг нä йашы кичиг '[Нужен человек] красивый лицом и молодой' (КБ, 72а/4).

В языке «Дйвāн»а наблюдаются случаи, когда союз *нä* употребляется как отрицательная частица при сказуемом: Бойда нä уч вар 'Племя неисчислимо' (ДЛТ, I, 79/46). Эта функция *нä*, видимо, является первоначальной, союзная же функция *нä* развилась позже.

А м м а — противительный союз, встречается только в предисловии к «Қутадғу билиг», где он служит средством связи частей сложного предложения, в котором выражается несоответствие содержания частей: Бу китабны қошуқны Баласағун мäвлӱдлуғ пархез идиси эр турур. Амма бу китабни Қашқар элидä тӱгäл қылып... tawғач ханы эшкингä кигӱрмиш 'Собравший эту книгу и эти стихи родом из Баласагуна, очень воздержанный человек. Но эту книгу он закончил в стране Кашгаре и принес к двору тавгаческого хана' (КБ, W. Radloff, 3).

В ä —соединительный союз, в «Дйвāн»е не встречается. М. Кашгарский объясняет это следующим образом: «Мы в своей работе не указали союз вави атфа (ﻭ), так как нет места ему в этом (т. е. тюркском) языке»[146]. В другом месте М. Кашгарский указывает, что *вä* (ﻭ) выражает отрицание: Вä нä тэрсäн 'Ты говоришь неправду' (ДЛТ, III, 234/161). По всей вероятности, здесь идет речь о совершенно отличном от арабского служебном слове *ва*.

В языке «Қутадғу билиг» с начертанием ﻱ встречается частица *-у*, заимствованная из иранских языков. Она употребляется для соединения однородных членов предложения: Йа Шэддäд-у Ад тэк тақы учмағ эттим 'Или если бы я построил рай, как Шедад или Ад...' (КБ, LXXI, 387/16); Йана нард-у шатранч билир эрсä кэд 'Пусть хорошо знает нарды и шахматы' (КБ, XXXIV, 96/13).

Употребление союза *вä* в языке памятников XV и XVI вв. значительно расширяется. Его функция не ограничивается соединением простых предложений; он служит своеобразным знаком, указывающим начало нового синтаксического целого, выражающего новую мысль: Вä йāрны ағйāрдын айырурға көп таҳриба кэрäк ва сийасāт 'Для того чтобы отличить друга от недруга, необходимо иметь опыт и уменье' (Навāий, Маҳбубул қулуб, 59-б). В других случаях союз *вä* является формальным элементом, соединяю-

[146] ДЛТ, I, 60/26.

щим однородные члены предложения: Кабул ва кәнтләридә сарысерий мәвәлардын үзүм ва анар ва өрүк ва әлма ва бәҳи ва амруд ва шафтәлу ва әлу ва санҗид ва бадам ва йанғақ көптүр 'В Кабуле и окружающих его селениях много фруктов: винограда, гранат, абрикос, яблок, айвы, груш, персиков, слив, лох, миндаля и орехов' (Бабурнамэ, I т., стр. 153) [147].

Функция союза *вә* в современных языках, например в узбекском литературном, значительно сузилась. В разговорном языке он совершенно не употребляется. Однако, как указывает Ж. Дени, в турецком языке союз *вә* употребляется сравнительно чаще, чем в других тюркских языках: «Elle est d'un usage courant, bien qu'en principe son emploi en soit jamais indispensable» [148].

В союзной функции выступает частица *му*, которая соединяет однородные члены предложения и, следовательно, осуществляет сочинительную связь между ними. В этой функции используют и частицы *-у//-ю*, *-да*: Күwәнч-у тиригlик кетәрди өзин 'Радость и жизнь ушли от меня' (КБ, XIXIV, 46/28); Йана нард-у шатранч билир әрса кәд 'Он должен хорошо знать нарды и шахматы' (КБ, XXXIV, 96/13); Йағычы болур да йарағчы болур 'Он станет предводителем войска и оруженосцем' (КБ, XXXI, 86/28); Оқығыл, ачылгай, ташы да ичи 'Читай это, [тогда] откроется его форма и содержание (букв.: внутренность и внешность)' (КБ, XXXIV, 96/36).

В языке памятников наблюдается своеобразная частица *тут*, функционирующая в роли сочинительного союза между однородными членами предложения: Билиг тут йа әрдәм киши өгрәнүр 'Обучается ли человек науке, или ремеслу...' (КБ, 71а/7); Ҳаҗиблär иши тут йа бәкläр иши, Улуғ йа кичиг тут өтүкчи киши '[Это] дело хаджибов или князей, великих или малых, проходящих людей' (Там же, 94а/12).

-Л ы — -л ы — древний соединительный союз, в языке памятников встречается сравнительно редко и употребляется для соединения однородных членов предложения [149]: Әтли тырнақлы абырмас 'Тело и ногти неотделимы' (ДЛТ, I, 187/155); Қаралы өрүңли абырды көзүң 'Твой глаз отличает черное от белого' (КБ, XXXI, 83/31); Ада (м) лы Абалы ажунға кәлип 'Когда Адам и Ева появились на свете...' (КБ, LXIX, 181/6); Қаралы өрүңли бир өк болдылар 'Черное и белое стало одинаковым' (КБ, LXX, 183/25);

---

[147] Большой теоретический интерес представляет тот факт, что подобная же функция сочинительных союзов была типична для древнерусского языка. «Создаются традиции употребления союзов в качестве знаков связанности двух предложений...» (Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М. — Л., 1941, стр. 21—23).

[148] J. Deny. Grammaire de la langue turque, § 969, стр. 674.

[149] *-Лы — -лы* как соединительный союз сохранился в отдельных диалектах современного узбекского языка: әкәли укәли больб отырысләр 'Сидите, как старший и младший братья' (Чинабадский район Андижанской области).

Адашлы қаδашлы әкäгӱн тудаш ‘Тезка и родственник близки’ (КБ, 129а/1).

В роли сочинительного союза может выступать модальное слово *бар*: Төрӱтти Аба оғланын бир байат, Улуғ бар кичиг бар әсиз әδгӱ ат ‘Один бог создал сыновей Евы, [Он создал] великих и малых, с хорошим или плохим именем’ (КБ, 75а/1). Служебное слово *бирлä//билä* в языке памятников XI в. в функции союза употреблялось крайне редко. Нам встретился лишь один пример, где послелог *бирлä//билä* выполняет функцию союза, но в сочетании с союзом *ҳäм*: Бу ҳиммät билä ҳäм мӱрӱввät кэрäк ‘Нужны великодушие и гуманность’ (КБ, 81б/12).

Сочинительные союзы в памятниках XI в. были или исконно тюркскими (*аб — аб*, *азу*, *ма*, *-лы — -лы*), или заимствованными (*ҳäм*, *йа*, *вәлəкин*, *нä*, *амма*, *вä*). Исконно тюркские союзы встречались реже, чем заимствованные. В языке памятников последующего периода исконно тюркские союзы вовсе выходят из употребления, уступая место заимствованным союзам и союзным словам.

Заимствованные сочинительные союзы не употребляются в языке орхоно-енисейских надписей и в турфанских текстах. Эти союзы не могли появиться сразу и в языке XI в. Следовательно, период между VIII и XI веками можно считать временем проникновения арабо-иранских союзов в тюркские языки.

В языке памятников исследуемого периода наречия и деепричастные формы (*тақы*, *йана*), отдельные модальные слова (*кəрäк*) и словосочетания (*йоқ əрсä*), кроме своих основных функций знаменательных слов, могли выступать в функции сочинительных союзов, причем чаще, чем сами союзы.

СОЧЕТАНИЕ СОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ И СОЮЗНЫХ СЛОВ

Й ə м ä и т а қ ы: Иглар йəмä cawрыйур, Əт йин тақы бəкришӱр ‘[Зимою] болезнь также уменьшается, Тело и мясо [человека] укрепляется’ (ДЛТ, III, 293—294/207); Бу анча йəмä бар тақы ишчилäр ‘Есть еще много [других] прислуживающих [людей]’ (КБ, XLVIII, 119/15).

М а и й ə м ä: Чығай ма өлӱр-өк йəмä бай өлӱр ‘Бедный умирает, и богатый умирает’ (КБ, LXIX, 180/29).

М а и т а қ ы: Бириг бəклäйӱр ма тақы бир бəкин, Оқыду турур... ‘Одного [богатство] сковывает, другого — возвышает (букв.: приглашает)’ (КБ, XLIII, 100/36).

Т а қ ы и м а: Тақы ма нəгӱ йараглыг əрсä ‘И еще то, что необходимо...’ (КБ, XLI, 190/2).

Й ə м ä и ҳ ä м, м а: Йəмä айту турса əр ат ҳäлларын, Ачы ҳäм тоқы ма тонын опрағын ‘Пусть он всегда справляется о

состоянии команды, Голодны они или сыты, не изорвалась ли их одежда› (КБ, XXXIII, 94/18).

К э р ä к и н ä: Кэрäк бэк кэрäк қул нä сawчы қалур ‹Никто не вечен — ни князь, ни раб, ни даже пророк› (КБ, LXIX, 179/32).

Как видно из примеров, сочетаются союзы и союзные слова, имеющие одинаковые функции, хотя каждый из них сохраняет свои особенности. Это обстоятельство создавало широкие стилистические возможности.

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Подчинительные союзы и слова в роли подчинительных союзов [150] служат для образования придаточного предложения аналитического типа, а также являются средством связи различных придаточных предложений с главным. Подчинительные союзы могут служить и для образования придаточных предложений аналитико-синтетического типа в тех случаях, когда сказуемое придаточного выражается деепричастными и причастными формами.

А н ы ң ӱ ч ӱ н, б у й а ң л ы ғ ӱ ч ӱ н — служат средством связи придаточного предложения причины с главным: Мälик Буғра хан да аны ағырлаб өз хас ҳаҗиблигини аңа бэрӱ йарлықамыш турур. Аның ӱчӱн Йусуф хас Ҳаҗиб тэп аты ажунда йадылмыш турур ‹Король Буграхан также, почитая его, велел присвоить ему титул хас хаджиба. Поэтому имя его — Юсуф тайный советник — и распространилось по свету› (КБ, предисловие); ... бу йаңлығ ӱчӱн мэн улуш кэнд қобуб, бу йэргä сығыдым ‹По этим причинам я покинул города и племена, укрылся сюда› (КБ, XLII, 194/13).

А б а ң//а п а ң (إِبَانْكْ ,إِبَانَكْ) ‘если’, ‘когда’ — употребляется для выражения условных и временных смысловых отношений [151]. Поэтому он служит для присоединения придаточных предложений времени, условия и условно-временных к главному.

Сказуемое придаточных предложений указанных типов может быть именным или глагольным; в именное сказуемое обычно входит недостаточный глагол *эрсä* или глагол-связка *болса*; глагольное же сказуемое выражается условной формой глагола: Абаң тэксä эмди сӱ эрки сэңа, йағы убуғ тур ай эрсиг тоңа ‹Если тебе придется предводительствовать войском, то находи врага, будь бдителен, о ты, отважный герой› (КБ, XLVIII, 119/5), Абаң

---

[150] M. M a n s u r o ğ l u. Указ. соч., стр. 64—71. Ср.: A. T e m i r. Die Konjunktionen und Satzeinleitungen im Alttürkischen, I. «Oriens», 9. Leiden, 1956, стр. 41—85.

[151] ДЛТ I, 152/120.

болса бәкләр қылынчы әсиз, Эсизләр күчәйүр, бузар әбгү из ‘Если поведение князя скверное, то плохие [люди] приобретают силу, уничтожают [даже] следы добра’ (КБ, LX, 148/3); Абаң қопмас әрсә өзүң таң билә, Әлиң артады чин ҳақиқат билә ‘Если утром ты не встаешь вместе с зарей, То воистину испортится твой народ’ (КБ, XXVI, 60/27); Кәлсә абаң тарқаным, Әтилкәмәт түркүним ‘Если (когда) придет мой царь, то положение моего племени улучшится’ (ДЛТ, I, 414/368).

В силу синонимичности союзов *абаң//апаң* и *қалы* имеются случаи их параллельного употребления даже в одном двухстишье: Қалы дүнйа қолса йолы уш уну, Абаң уқби қолса изи ош муну ‘Если хочешь [этого] мира,— вот его дорога, Если желают потустороннего мира, то вот это его след’ (КБ, LXX, 183/32).

Қ а л ы (ﻗﻠﻲ) — служит для соединения придаточных предложений условия, времени и условно-временных с главным. Сказуемые этих придаточных предложений выражаются условной формой глагола, поэтому их связь с главным предложением является аналитико-синтетической.

Место союза *қалы* в предложении (в начале, середине или конце) зависит от акцентирования значения условия и логического ударения: Қалы болмаса әрдәм атсыз қалыр ‘А если у него нет достоинства, то он остается безвестным’ (КБ, XXXIV, 233/24); Йалаwач битигчи қалы болмаса йиг, Аның йасы әлгә тоқыр ай тәтиг ‘Если плохи посол и писец, то они причиняют вред народу, о проницательный’ (КБ, XXXVIII, 167/2); Идишчи йа ашчи йиг әрсә қалы, Аның йасы җан көр тириглик улы ‘Но если плохи виночерпий и повар, это вредит душе — фундаменту жизни’ (КБ, XXXVIII, 167/3).

Слово *қалы* не всегда служило средством связи. Оно могло выступать и в значении местоимения ‘как’, ‘каким образом’ [152] и в качестве местоимения-наречия (по всей вероятности, *қалы* в роли союза выделился из этого разряда местоимений): Қалы өгмәгү ол уқушлуғ кишиг, Қалы бәрмәгү уқушлуғқа ишиг ‘Как же не похвалить умного человека, Как не дать дела умному человеку!’ (КБ, XXVIII, 68/23); Тириг болса йалңуқ қалы сөзләмәс? ‘Но если человек живет, как же ему не говорить?’ (КБ, XXII, 44/29).

Анализ письменных памятников XI в. приводит нас к выводу о постепенном вытеснении союза *абаң* его синонимом *қалы*, который встречается в исследуемых текстах значительно чаще. В свою очередь союз *қалы* позднее вытесняется союзом *әгәр*, который встречается (правда, сравнительно реже) уже в языке памятников XI в.

К и м (реже встречается его разновидность *-ки*) — используется для связи придаточных предложений аналитического типа

[152] ДЛТ, III, 251/176.

с главным. Сказуемое здесь как правило является именным или глагольным. Союз *ким* служит для образования придаточных предложений, в основном определительных, реже — дополнительных и подлежащных.

В образовании конструкций с союзом *ким*, *-ки* определенное влияние оказали иранские языки (например, конструкции придаточных определительных предложений с союзом *-ки* заимствованы из таджикско-персидского языка). Однако было бы ошибочным все придаточные предложения с союзом *ким*, *-ки* объяснять влиянием таджикско-персидского языка. Местоимение *ким* в роли союза употребляется уже в древнетюркском языке [153].

В XI в. союзом *ким* к главному присоединяются следующие придаточные предложения.

1. Придаточное определительное; оно обычно располагается [154] за определяемым (именем существительным, глагольным именем) или местоимением, выступающими в главном предложении в функции подлежащего, сказуемого или дополнения: Бу бӱгдӓ пичӓк ким әлигтӓ турур, Бычықлы кәсигли турур ай онӱр ‘Этот кривой нож, который в руке, остер и легко режет, о ты совершенный’ (КБ, XVIII, 42/23); Ол йиг ким нә әрмиш айу бәрдиләр ‘[Лекари] сказали, что это за болезнь’ (КБ, XXIV, 46/12); Бу сөз ким сән айдың бағирсақлығ ол ‘Слово, которое ты произнес, является милосердием’ (КБ, XLII, 194/1); Ол этчи турур ким аталығларығ, Атасыз қылығлы ай қылқы арығ ‘Это — палач (букв.: мясник), который делает сиротами (букв.: не имеющими отца) тех, кто имел отца’ (КБ, LXVI, 172/36).

Из приведенных примеров видно, что определительное придаточное предложение, стоящее после главного, более самостоятельно: оно не только поясняет определяемое имя, но и выражает дополнительное сообщение о нем.

Характерной особенностью употребления союза *ким* в определительных придаточных предложениях является возможность его расположения перед определяемым именем, что приводит к своеобразной инверсии: Қалы мундағ әрсӓ ким айдым бу сөз, Билин көн сөзӱм тут айа көңлӱ тӱз ‘Если таково слово, которое я сказал, пойми правильно мои слова, держи их в сердце, о справедливый’ (КБ, XLVII, 114/18). Приведенный пример подтверждает самостоятельность союза *ким*, а также факт, что указанный союз не окончательно отошел от относительного местоимения даже в своей союзной функции.

---

[153] См.: A. G a b a i n. Alttürkische Grammatik. ... Leipzig, 1956, § 450, 451, стр. 189—192. З. Р. Т е н и ш е в. Грамматический очерк древнеуйгурского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1963.

[154] Образуемые конструкции сходны с аналогичными конструкциями иранских языков. См.: А. М. Щ е р б а к. Сказание об Огузе. Канд. дисс., стр. 117; Г. А б д у р а х м а н о в. Основы синтаксиса современного узбекского литературного языка. Ташкент, 1958 (на узб. яз.), стр. 45.

2. Придаточное дополнительное; оно располагается в середине главного предложения (если придаточное предложение относится к одному члену главного предложения) или следует за главным предложением (если придаточное предложение относится к сказуемому или же ко всему содержанию главного предложения): Бу бир тўрлўг ол ким тағы бир саны, Айайын сеңа мән әшитгил аны ‘Это одно, еще об одном, подобном этому, я хочу сказать тебе, слушай-ка о нем’ (КБ, LXIII, 163/31); Муны билмишим ки айу бәрдим ош ‘Теперь я сказал тебе то, что я знаю’ (КБ, XLIV, 105/13); Чыну Мачын алымлары қамуғы иттифақ болдылар ким ...‘Ученые Чина и Мачина сошлись на том, что...’ (КБ, предисловие, стр. 2—3). В некоторых случаях придаточное дополнительное предложение представляет собой прямую речь: Айур ким әй Өгдўлмиш ‘Говорит: О, Огдюлмиш’ (КБ, 70а/3).

3. Придаточное сказуемое; союз *ким* присоединяется к указательному местоимению, которое в главном предложении обычно выступает в функции сказуемого: Аның тәк болурким йўритиң тилин ‘Все будет так, как ты сказал’ (КБ, XLII, 196/13); Йоруғы бу ол ким айур сән ‘[Он дал] такое же толкование, какое дал и ты’ (КБ, LXVI, 172/29); Бу аз сөз сл ол ким айытмышқа өз, Җәwаб бәрсә ‘Та речь краткая, которая является [только] ответом на [заданный] вопрос’ (КБ, XXII, 44/29); Тилағим бу ол ким мәңә кәлгўчи, Байуса мәниндин бәдўсә кўчи ‘Мое желание заключается в том, чтобы приходящий ко мне разбогател благодаря мне и стал бы сильным’ (КБ, 112а/11).

4. Придаточное подлежащее: Улуғлар кәрәк ким кичигкә салам, Ашундурса ‘Надо чтобы знатные (букв.: великие) приветствовали простой народ (букв.: маленьких)’ (КБ, LIX, 142/35) [155].

Союз *ким* может функционировать и в роли сочинительного союза, соединяя части конструкций, близкие по своему содержанию к сложносочиненным предложениям: Сыпас-у миннәт окўш өгди тәңри әзәвәжәлгә ким улуғлуғ иδиси тўгәл қудрәтлиғ падишах турур ‘Тысячи благодарностей и всевышнему, господину величия, он является могущественнейшим падишахом’ (КБ, предисловие, 2/1); Нәгў тәр әшитгил уқушлуғ сөзи, Ким андын турур ош бу сөзләр төзи ‘Слушай, что гласит слово разумного человека, От него исходят все эти слова’ (КБ, XXXI, 86/3).

М ә г ә р ‘разве, вероятно, возможно, если’ — заимствован из иранских языков, служит для присоединения следующих придаточных предложений к главному: 1) придаточных условных: Кишидә йawузы өзўң бил өзўң, Мәгәр әδгў болғай озўң кәс сөзўң

[155] Употребление конструкций с союзом *-ки* чрезвычайно расширилось в языке А. Навои. В современном языке наблюдается значительное сокращение употребления подобных конструкций, вытесняемых причастными и деепричастными оборотами (см. сравнительные таблицы).

‘Считай себя среди людей самым плохим, если даже ты самый хороший, не говори об этом’ (КБ, XLIV, 105/12); 2) придаточных временных: Көзи соқ киши нәңгә тоδмас көзи, Мәгәр болмағынча қара йәр йўзи ‘Жадный не насытится ничем До тех пор, пока не сойдет в могилу’ (КБ, LX, 153/6).

В образовании вышеуказанных придаточных предложений большую роль играет форма сказуемых, выраженных повелительным наклонением глагола и деепричастием. Поэтому подобные придаточные предложения относятся к аналитико-синтетическому типу.

Конструкции с союзом *мәгәр* могут служить для образования сложносочиненных предложений: Төзў халқ сәwәр ол киши көркини, Мәгәр тәңри фазлы кўδәзсә аны ‘Ведь весь народ любит красоту человека, да сохранит ее милость бога’ (КБ, LIII, 128/6); Қамуғ иш ичиндә амуллуқ өδўр, Мәгәр таъат әрсә сән әwгил йўгўр ‘Во всех делах стремись к хладнокровию, только в служении богу будь расторопен (букв.: спеши и беги)’ (КГ, XXX, 76/28).

А г ä р ‘если’ — заимствован из иранских языков, входит в состав придаточного предложения как один из составных его грамматических элементов. Сказуемое придаточных предложений, в состав которых входит этот союз, выражается условной формой глагола (в староузбекском языке в придаточных предложениях указанного типа сказуемое в основном выражалось глаголом изъявительного наклонения или именем): Агәр тутмаса сән бу аймышларым, Җәваб қыл, Йанайын, ай әрсиг әрим ‘Если же ты не придерживаешься того, чего я тебе сказал, то дай мне соответствующий ответ, я хочу вернуться назад, о отважный муж!’ (КБ, XLIX, 105/14).

Основным грамматическим средством связи вышеприведенных придаточных предложений с главным является форма сказуемого на *-са//сä*. Роль союза *äгäр* сводится к акцентированию оттенка условности придаточного предложения, хотя в известной степени указанный союз используется для конструирования сложноподчиненного предложения. Подобные синтаксические конструкции относятся к придаточным предложениям аналитико-синтетического типа.

В языке «Қутадғу билиг» союз *äгäр* встречается редко и совершенно не встречается в языке «Дīвāна».

Частица -м у... присоединяется к именам и глаголам и выражает вопрос [156]. В роли союза она участвует в организации и присоединении к главному придаточных предложений аналитического типа: 1) придаточного условно-временного: Киши йиглäдиму, өлўм қошнысы ‘Как только человек заболевает, смерть ста-

[156] ДЛТ, III, 232/161. — По свидетельству М. Кашгарского, в языке огузов эта частица присоединяется к глаголам в форме *-мы*, а к именам — в форме *-му* (Там же).

новится его соседом› (КБ, LV, 131/28); Қатылдың-му булгақ қопурғай көр-ä ‹Если ты связался со смутой, то это погубит тебя, смотри› (КБ); сказуемое указанного типа предложений выражается глаголом прошедшего времени; 2) придаточного дополнительного: Кәлӱр-му йа кәлмäз ачылмаз сөзӱм ‹Придет он или не придет, об этом я ничего не могу сказать› (КБ, XL, 182/11); сказуемое таких придаточных предложений выражается всеми частями речи и предшествует главному предложению.

КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗНЫМИ СЛОВАМИ

tәn//tәйӱ//tәбäн, tәсä, tәдӱктä

Глагол *te-* в форме деепричастия, причастия и условного наклонения уже в древнетюркском языке выполнял роль союзного слова [157]. Эта форма глагола, теряя со временем свою семантическую и функциональную самостоятельность, в известной мере стала средством связи словосочетаний и предложений. Этому процессу способствовало употребление глагола *te-* в различных зависимых функциях [158]. Для языка XI в. характерно употребление синонима данного глагола *ай* (*айу*) также в функции союзного слова: Оқыр өлӱчиläр мәңа кәл айу, Сӱräрläр қарындағылар кәт тәйӱ ‹Умирающие зовут, говоря: приди, Находящиеся в утробе гонят, говоря: уходи› (КБ, LX, 141/1).

Придаточное предложение, присоединяемое союзным словом *te-* и лишь по форме представляющее собой прямую речь, образует придаточное дополнительное предложение особого типа: Нәтäк айғу: барма тәйӱ, ай тӱзӱм ‹Как можно сказать, чтобы он не уходил, о мой хороший?› (КБ, XLII, 99/19). Конструкция, присоединяемая союзным словом *tə-*, представляет собой придаточное предложение, которое дополняет содержание главного или указывает, с какой целью осуществляется то, о чем сообщается в главном предложении.

Союзное слово *tәn* (иногда в форме настоящего времени — *tәйӱ*) присоединяет придаточное предложение цели. Сказуемое придаточного предложения обычно выражается формой повелительного или желательного наклонения; в отдельных случаях — именем (существительным, прилагательным, числительным, местоимением): Йәгӱм от көги болсу йамғур сувы тәп, Ädиз қум тӱнäйи тағар (تغار) тон кәδäйи ‹Чтобы пищей моей были корни растений и дождевая вода, В высоких песках я хочу проводить

[157] Форма *тәйин* не встречается в языке памятников XI в.; она считается архаичной даже в древнетюркском языке. См.: A. G a b a i n. Указ. соч., стр. 180.

[158] См.: А. Н. К о н о н о в. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 331.

ночи и одеваться в рубище (букв.: в мешковину)' (КБ, LXXII, 389/8); Туруб кәлдим әмди көрәйин тәйү, Сақынч қабғу бағын бүрәйин тәйү 'Теперь я пришел, чтобы повидать тебя и развеять оковы тоски и печали' (КБ, XLI, 191/17); Оғул қызға өгрәт билиг ҳам әдәб, Аңар эки ажун аның асғы тәп 'Учи сына и дочь знаниям и учтивости, чтобы быть им полезными для двух миров!' (КБ, LIII, 128/31).

Союзное слово *тәп*, *тәйү* в большинстве случаев служит для образования придаточных дополнительных предложений; по своей семантике они уточняют, дополняют содержание главного предложения или отдельных его членов.

Сказуемое придаточного дополнительного предложения может быть выражено глаголом изъявительного или повелительного наклонения, а также именными частями речи: Сәwәрмән тәйү барча даъва қылур 'Все утверждают, что я люблю' (КБ, XXIX, 73/5); Орун бәрди, олтур тәйү имләди 'Он указал ему на место, жестом дал понять, чтобы он сел' (КБ, XXII, 38/43); Кичиг душманым тәп усанма өзүн, Нәлүг қорқарман тәп күwәнмә сөзин 'Полагая, что твой враг слаб (букв.: мал), не будь нерадивым. Не хвастай, говоря: чего мне бояться' (КБ, XLII, 198/3); Хазинәм өкүш тәп күwәнмә нәңин, Хәшәм сү тәлим тәп кәтүрмә әгин 'Не хвались тем, что имеешь много сокровищ. Не возноси голову (букв.: с плеч) от того, что имеешь многочисленную свиту и войско' (КБ, LX, 147/25).

Сказуемое придаточного предложения может выражаться словом *бар*: Йағыда асыг бар тәп аймас тылым 'Я (букв.: мой язык) не могу сказать, что от врагов есть польза' (КБ, XLIX, 120/18).

Некоторые придаточные дополнительные представляют собой прямую речь; в таких случаях сказуемое главного предложения выражается глаголами *айды*, *аймас*, *тәмә* и т. п.: Түңүлдүрди айды мәңа кәлмә тәп 'Он отказал мне и сказал: не приходи' (КБ, XLV, 110/32); Әлиг тыδты, айды: аз олгур тәйү 'Элик задержал его и сказал: посиди немного [со мной]' (КБ, LX, 154/26). В некоторых случаях *тәп* опускается, но оно легко восстанавливается по контексту: Оқығлыға артуқ ағыр кәлмәсүн, Озүм үзри қолдум ача ҳәм йара 'Чтобы читающим было не слишком тяжело, я сам молил о прощении ясно и открыто' (КБ, LXXIII, 185/1).

Союзное слово *тәп* может служить также для присоединения условного придаточного предложения к главному: для этой цели используется и союзное слово *тә-* в форме *тәсә*. Сказуемое придаточного предложения выражается глаголом повелительного или желательного наклонения (в последнем случае подлежащее придаточного предложения не согласуется со своим сказуемым ни в лице, ни в числе): Түгәл бай болайын тәсә бәлгүлүг, Кәңүл байлықы қол ай әрсиг күлүг 'Если действительно хочешь быть вполне богатым, стремись к богатству чувств, о ты, отважный герой' (КБ, XXXIV, 95/34); Йарағлығ тәсә мән қылайын бу иш,

Йарағсыз тәсä қалсуны бу кәнäш ‘Если скажут, что подойдет, то я хочу выполнить это дело, Если скажут, что это не подходит, то пусть этот совет остается [невыполненным]’ (КБ, LXII, 160/31).

В тех случаях, когда в составе придаточного предложения есть относительное местоимение, союзное слово *тәсä* присоединяет относительные придаточные предложения к главному: Нәгӱ қолса қолмыш тилäги қылур, Нәтäк бол тәсä ол тилämиш болур ‘Чего он ни захочет, [он] осуществит свое желанное желание, Каким он хочет [видеть что-то], таким оно и будет [по его желанию]’ (КБ, XLVI, 111/34).

Союзное слово в форме глагольного имени *тәдӱктä* (*тә-дӱк-тä*) присоединяет придаточное предложение времени: Сәwинчлиг тәдӱктä сақынч кәлдӱрӱр ‘Когда жаждут радости, приходят заботы’ (КБ, LXIII, 167/3).

Формы *тәп*, *тәйӱ* присоединяют придаточное предложение причины: Йана ашнуғы сөзкä йанғай тәйӱ, Тақы қорқар әрдим сәңа ыйману ‘Так как я думал, что он вернется к своим прежним решениям (букв.: словам), Я боялся, стеснялся тебя’ (КБ, LIX, 143/10).

Характерно употребление союзного слова *тә-* в составе сказуемого определительного придаточного предложения. В этой функции оно употребляется в форме имени действия с аффиксом местно-временного падежа, управляемого послелогом *аδын*: Баралым тәмägтä (н) аδын йоқ сөзӱм ‘У меня нет другого слова [предложения], кроме слова «пойдем»’ (КБ, 129а/5).

Союзное слово *тәп*, *тәйӱ* употребляется также в составе простого предложения, управляя именем существительным или другими субстантивированными частями речи в форме основного падежа. Конструкция с *тәп*, *тәйӱ* выражает причину или цель или же дополняет содержание сказуемого: Киши тәп ынансу ‘Нужно было бы верить в то, что они люди’ (КБ, XXVII, 64/1); Киши тәп йорықлы тәлим бар саны ‘Есть многие, которые считают себя людьми, подумай’ (КБ, LIX, 144/5); Билиг әрдäм ӱс тәп қызартмадың әң ‘Ты тогда еще не печалился (букв.: не заставил краснеть) о знаниях, умениях и об искусстве’ (КБ, LXIII, 164/14); Ӱнӱн сықтады эш тәп Өгдӱлмиш-ä ‘Тогда громко зарыдал Огдюлмиш, вспомнив своего друга’ (КБ, LXIX, 179/34); Чығай тәп айурлар ‘Называют бедным’ (КБ, LX, 153/3).

В вышеприведенных примерах слово, которым управляет союзное слово *тәп*, заключает в себе содержание предиката, но не функционирует в качестве сказуемого. Управляемое слово с союзным словом составляют второстепенный член предложения, который подчиняется другому члену — обычно глагольному сказуемому.

Формы союзных слов *тәп*, *тәсä* используются для образования таких конструкций, которые по своему содержанию занимают

промежуточное положение между сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями: Билигсиз кишидин йырақ тур тәсä, Билигсиз сөзи қылқы барча отун ‘Держись подальше от неуча, избегай его, Его слова и его поступки—сплошная подлость’ (КБ, LII, 127/18); Бу дин дүнйа бирлä бирикмäги сәрп, Йағушмас әкäгү, муны билса тәп ‘Веру и богатство соединить трудно, оба они несовместимы, знай же это’ (КБ, LX, 150/25); Бу әдгүг билир ол киши әдгү тәп, Асығлығ әрүрин муны қылғу тәп ‘Человек, которому [свойственна] доброта, говорит: чтобы быть полезным, поступай так’ (КБ, LXXI, 36/21).

Такие конструкции в современных языках совершенно не встречаются. Служебные слова *тәсä*, *тәп* в них не являются грамматическими средствами связи частей сложного предложения. По всей вероятности, они используются для выражения модальных отношений и способствуют логической связи частей сложного предложения.

Глава 4

ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Типы предложений в языке памятников XI в. по своей структуре в основном совпадают с типами предложений и их структурными особенностями современных языков. Предложения могли быть нераспространенными или распространенными. Ниже мы остановимся на некоторых неполных и односоставных предложениях, в которых, как нам кажется, имеются специфические особенности, отличающие их от подобных же предложений в современных языках.

НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В языке памятников употребляются разнообразные типы неполных предложений, в которых может отсутствовать один или несколько членов предложения. Существуют два типа неполных предложений: 1) неполные предложения, которые употребляются самостоятельно; 2) неполные предложения, которые употребляются в составе сложного предложения.

1. Неполные предложения, употребляющиеся самостоятельно, обычно не имеют сказуемого; они состоят из подлежащего, дополнения или обстоятельства и относящихся к ним слов: Ыш йарағында, сарт асығында ‘Работа [выполняется] в подходящих [условиях], [но] купец [всегда думает] о своей выгоде’ (ДЛТ, III, 20/10); Барчын йамағы барчынқа, қарыш йамағы қарышқа ‘Шелковая заплата — на шелк, шерстяная заплата — на шерсть’ (ДЛТ, III, 35/22); Көрӱ бәрсä тәкмä ишиндä хатар ‘Если взглянуть [пристальнее], то [в каждом] деле есть опасность’ (КБ, XXXI, 86/2); Татығқа татығсыз сӱчӱгкä ачыг, Ағышқа иниш ол, әдизкä батығ ‘За приятным следует неприятное, За сладким — горькое, за подъемом — спуск, за высотой — низина’ (КБ, LXVII, 174/30); Бу эки билä әрän қыймäти ‘Достоинство человека [заключается] в этих двух [вещах]’ (КБ, XXXIV, 97/4). Хотя из контекста и известно, какое именно сказуемое здесь пропущено, восстановить его и включить в состав указанных предложений невозможно: это привело бы к образованию предложений совершенно нового типа с другим значением, стилистической окраской и назначением. Опущенное сказуемое определяется не только контек-

стом; в некоторых случаях на него указывают служебные слова *бар*, *кәрәк*, *бол*, *турур*.

В силу изложенного многие виды неполных предложений представляют собой фразеологические сочетания. Редко встречаются неполные предложения с пропущенными второстепенными членами — дополнением, обстоятельством и особенно определением.

2. Чаще неполные предложения употребляются в составе сложных предложений. Тот или иной недостающий член неполного предложения можно восстановить из содержания других частей сложного предложения или по семантике отдельных его членов; в этом случае смысловой акцент падает на неполное предложение, и основное внимание обращается на те члены, которые выражены в неполном предложении.

Неполные предложения представляют собой вторую (реже первую) часть сложных предложений, в которых отсутствуют подлежащее, сказуемое, или другие члены предложения.

П о д л е ж а щ е е: Исиг йўзлўг ол көр, камуғқа сәwўг ‘Облик его обаятелен, всеми любим’ (КБ, XXIX, 71/20); Нä әбгў нәң ол бу ywут, әргä көрк ‘Какая хорошая вещь стыдливость, она является украшением человека’ (КБ, XXX, 76/7); ...Көңўлни тўгäрмäн, әрдäм ўзä тўрлäнўр ‘...отдамся сердцем, [ибо оно] сообразуется с добродетелью’ (ДЛТ, II, 282/192); Улуғ иш, бу ишкä әр обрўм кәрäк ‘[Это] очень высокая должность, для нее нужен избранный человек’ (КБ, XXX, 78/19).

Особо следует отметить неполные предложения, в которых отсутствующее подлежащее могло быть выражено местоимениями *бу*, *ол* ‘это’, ‘то’, ‘тот’. Эти местоимения указывают на содержание предыдущего высказывания: Әлиг айды: әмди тилämиш ишим ‘Элик сказал, теперь [это то], чего я желал’ (КБ, XXVII, 64/28); Йанут бәрди Өгдўлмиш айды: татығ ‘Огдюлмиш ответил: [это уже] удовольствие’ (КБ, XXIX, 73/1); Кэчўр сән, йарақлық сәниндин мәңар ‘Ты меня прости, [это] от тебя самое лучшее для меня’ (КБ, XLV, 108/14). Такие предложения, как и в современных языках, употребляются, когда речь идет о предмете, известном из предыдущего изложения.

В языке памятников встречаются такие конструкции сложных предложений, в которых обе части представляют собой неполные предложения с опущенным подлежащим; речь в них идет о разных предметах и лицах: Йағы қылма сөзин, қылычы қылур ‘Не веди войну словами — [враг] действует мечом’ (КБ, XXXI, 63/8).

Неполные предложения с пропущенным с к а з у е м ы м употребляются реже: Тақы бир сäбäб қолса оғлан билиг... ‘[Есть] еще одна причина: если мальчик стремится к знаниям,...’ (КБ, XXVIII, 70/12); Бири сөз эшитсä қатығ тутса бәрк ‘Во-первых, если он услышит слово, пусть крепко держит [его при себе]’ (КБ, XXXII, 93/2).

Дополнение: Олӱмгӓ этиг йоқ йа болмас толум ‘От смерти нет лекарств (букв.: действий) и нет никаких средств (букв.: орудий)’ (КБ, LXVII, 177/13).

Как видно из приведенных примеров, в памятниках XI в. чаще, чем в современных языках, употреблялись разнообразные типы неполных предложений: употребление только тех членов предложения, о которых непосредственно идет речь, было, по-видимому, связано со спецификой языкового мышления того времени[159]. В эволюции неполных предложений наблюдается тенденция к полному выражению мысли. Это, видимо, объясняется развитием разнообразных лексических и грамматических средств для выражения различных семантических и стилистических оттенков.

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сравнительно редко встречающиеся в языке XI в. односоставные предложения употребляются или самостоятельно, или, чаще, в составе сложного предложения.

Безличные предложения. Грамматические особенности безличных предложений заключаются в следующем.

1. Сказуемое односоставных безличных предложений может быть выражено глаголом страдательного залога: Қурвы чувач қурулды, Туғум тикиб урулды, Сӱси отун орулды, Қанчуқ қачар ол тутар ‘Была установлена ханская палатка, подняты знамена, заиграли барабаны, Вражеские войска были скошены, как трава, куда бы ни бежал [враг], он будет пойман’ (ДЛТ, I, 203/169).

По сравнению с современными языками этот вид безличного предложения в языке памятников употребляется реже. В современных языках может быть выражен субъект безличных предложений, сказуемое которых выражено безличным глаголом. В таких конструкциях название субъекта сочетается с послеложным именем *тӓмӓнидан, жиҳӓтидӓн, тӓрӓфидӓн.* Конструкции с указанными послелогами появляются только в староузбекском языке [160].

2. В роли сказуемого безличных предложений в отдельных случаях могут выступать глагольные имена на *-ғу//-қу*...: Сӓңа барғу эрсӓ этингил этиг ‘Если тебе необходимо идти, то приготовься’ (КБ, XL, 184/8); Нӓрӓк дӱнйа тӓрмӓк йана қодқу ол ‘Для чего собирание мирского добра, если все-таки надо его оставить?’ (КБ, XLIII, 100/29); Табуғқа әң ашну тӧрӱ билгӱ өз, Йӓмӓ қылқ қылынчы сөз өгрӓнгӱ тӱс ‘Для службы сначала надо знать законода-

[159] Пропуск того или другого члена неполного предложения, представляющего собой одну из частей сложного целого, диктуется грамматико-стилистическими соображениями; пропущенный член легко восстанавливается из предыдущего предложения или из контекста.

[160] См.: А. М. Щ е р б а к. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.— Л., 1961.

тельство, Еще необходимо знать слова [при помощи которых можно было бы] действовать' (КБ, XLVIII, 114/28).

Безличное предложение может иметь форму придаточного предложения: Йана барғу әрсä барайын өзўм, Нәғў айғу әрсä айайын сөзўм 'Если необходимо снова пойти, я пойду, Если необходимо сказать, я скажу мое слово' (КБ, XLV, 111/14); Нәтäк қылғу айғыл 'Скажи мне, как необходимо действовать' (КБ, XLII, 99/2); Нәгў тәк йорығу аны билгў ол 'Необходимо знать, как нужно вести себя' (КБ, XLIX, 119/35).

3. В роли сказуемого безличных предложений могут выступать глагольные имена на *-гулуқ*, *-гусы*: Қара қылқы ол бу йырақ тургулуқ 'Такова природа народа, от нее надо держаться подальше' (КБ, XXXI, 83/29); Тилиг сөксä болмас тәлим өггўси 'Не всегда следует бранить язык, побольше надо его хвалить ' (КБ, XXIII, 45/7); Кишидä қайу ол киши өггўси, Ақығ өггўси ол саран сөкгўси 'Кто из людей достоин похвалы? Щедрого надо хвалить, скупого — порицать' (КБ, XXVIII, 67/9).

4. Сказуемое безличного предложения может быть выражено глаголом условного наклонения с глаголом-связкой *бол-* в форме причастия на *-р* ~ *-с* или же в форме настояще-будущего времени на *-гай...*:

а) Тал әркäн йығач әгсä тутса болур, Қарыса қачан аны әгсä болур 'Пока дерево молодое, [его] легко согнуть, Но как же можно его согнуть, если оно стало старым?' (КБ, XXVI, 60/15); Әр атсыз болумас будун башласа' 'Без отрядов нельзя вести народ' (КБ, LX, 155/11); Аны басса * болмас өкўш йыл ўчўн 'На него нельзя давить многие годы' (КБ, XXXI, 90/10); Аның йўзинä титинў бақса болмас 'Нельзя смотреть пристально ей в лицо' (ДЛТ, II, 168/114); Тәлим сөзўг уқса болмас, йалым қайа йықса болмас 'Многословие нельзя понять, крутую скалу нельзя свалить' (ДЛТ, III, 27/15);

б) Аны ыдса болғай йалаwачлықын 'Его можно будет посылать в качестве посла' (КБ, XXXIV, 97/8); Йарағай аны чин фаришта тәсä 'Подобает назвать его истинным ангелом' (КБ, XXXVI, 154/3); Муны алса болғай 'Это можно взять' (КБ, LXIX, 180/9).

Глагол-связка *бол-* также может представлять собой безличное предложение: Өгдўлмиш айды болур 'Огдюлмиш сказал — будет [т. е. быть этому]' (КБ, 73б/7).

5. Подлежащее некоторых конструкций по своей семантике сливается со сказуемым и составляет синтаксически неделимое целое.

В таком односоставном безличном предложении подлежащее не воспринимается как производитель действия или носитель признака. Этот тип безличного предложения имеет следующие разновидности:

---

* R. Arat: sursa (стр. 256).

а) сказуемое выражено сочетанием местоимения *нә* с глаголом-связкой *бол-* или модальным словом *кәрәк*: Муны тилямәсә сән айру нә кәрәк ‘Если ты не желаешь это, что же тебе нужно?’ (ДЛТ, I, 146/113); Нә болды сәңа ‘Что с тобой?’ (КБ, XLI, 191/12);

б) сказуемое выражено сочетанием глагольного имени на *-мыш* или *-гу* с модальными словами *бар*, *йоқ* и *кәрәк*: Тәлим көрмишим бар ‘Много я видел’ (КБ, XXXII, 93/7); Әмгәксизин турғу йоқ ‘Без тягот нет жизни’ (ДЛТ, I, 397/351); Ачынғу кәрәк, тәгүргү кәрәк ‘Нужно пожалеть, Нужно довести’ (КБ, 110б/11);

в) сказуемое выражено сочетанием глагольного имени или имени существительного с абстрактной семантикой (например: *өпкә*, *уйқу*, *ғазаб* и др.) с вспомогательным глаголом: Өпкәм кәлиб оғрадым ‘Разозлившись, я бросился в бой’ (ДЛТ, I, 146/112); Қадашымға барғум кәлур ‘Я хочу поехать к моему товарищу’ (КБ, LXII, 161/1).

6. Сказуемое безличного предложения может быть выражено модальным словом *кәрәк*, которое сочетается с недостаточным глаголом *әрсә* или *болса*. Такой тип безличного предложения представляет собой придаточное или вводное предложение: Кәрәк болса булғай қамуғ әдгү нәң ‘Если необходимо, он найдет любую хорошую вещь’ (КБ, XXV, 54/13); Кәрәк болса ал ‘Если необходимо, бери’ (КБ, LII, 127/10); Кәрәк әрсә олтур, кәрәк тур өрү ‘Если нужно, сиди, нужно — стой прямо’ (КБ, XLVII, 115/2).

7. Типичными являются безличные предложения, сказуемое которых выражено переходным глаголом в изъявительном наклонении. Безличный характер таких предложений вытекает из общего содержания всей конструкции (некоторые типы этих предложений приближаются к неопределенно-личным). Описываемый тип безличного предложения является почти постоянным для пословиц и поговорок в «Дīвāн»е (сохранился он в некоторых диалектах современного узбекского языка): Қылыч бирлә тутлур қалы тутса әл, Қалам бирлә баслур қалы басса әл ‘Если необходимо удержать государство, то удержать его можно только мечом, Если необходимо навести порядок в государстве, то навести его можно только пером’ (КБ, XXXV, 98/12); Йоққа санмас ‘Не будет считаться отсутствующим’ (ДЛТ, II, 36/24); Адын киши нәңи нәң санмас ‘Чужой человек [твою] вещь не считает вещью’ (ДЛТ, I, 124/91); А:й толун болса, әлигин имлямәс ‘Если луна полная, нечего указывать на нее пальцем’ (ДЛТ, I, 11/78); Тавғач ханның турқусы тәлим, тәңлямәдиб бычмас ‘У китайского князя много шелка, но он не дается без измерения’ (ДЛТ, I, 402/357); Битисә қалур сөз усанса барыр ‘Если слово записано, [оно] остается, если позабыли [записать, то оно] исчезает’ (КБ, 104а/4).

Неопределенно-личные предложения. Сказуемое неопределенно-личных предложений выражается глагольным именем на *-р* ~ *-с* в 3-м лице: Йағысыз киши аты қопмаз тәйүр ‘Имя человека, у которого нет врагов, говорят, безвестно (букв.:

не возвышается)' (КБ, XLII, 199/6); Быгчас битиг қылурлар, Андкäй йəмä бəрӱрлäр, Хандын басут тиläрлäр, Басмыл чəмäл тиркäшӱр 'Пишут соглашения, дают клятвы, просят помощи у хана, [но несмотря на это] басмыл и чумул собираются [воевать]'(ДЛТ, I, 427/382); Киши тəп айурлар қайу ол киши '[Кого-то] называют человеком, [а] кто же он, человек?' (КБ, 121а/10).

Обобщенно-личные предложения. Действие или состояние, выраженное сказуемым обобщенно-личных предложений, в равной мере относится к любому лицу. Односоставные предложения подобного типа носят характер пословиц и поговорок: Нəгӱ йəргä əксä, йана ол орур 'Что посеяли в землю, то и пожнут' (КБ, XXVI, 57/15). В языке памятников встречаются односоставные предложения, соответствующие инфинитивным предложениям современных языков. Сказуемое указанных предложений выражается глагольным именем на *-ғу//-кӱ, -гӱ//қу*. Такие конструкции представляют собой первую часть сложного предложения; во второй части сложного предложения выражается отношение к содержанию первой части: Əлигкä тосулғу йоқ əрдämläрим 'Использовать Элика — у меня нет для этого заслуг' (КБ, XLIV, 105/29).

В языке памятников встречаются также вокативные предложения: Əсизим тириглик, əсизим тириглик, Өгӱнчӱн сығыт бирлä гөргä кирӱр 'Жаль жизни, жаль жизни, [человек] скорбит и с рыданием идет в могилу' (КБ, 60б/9).

Глава 5

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Связь частей бессоюзных сложных конструкций осуществляется без каких-либо специальных морфологических средств.

ОСОБЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В языке памятников широко употребляются предикативные конструкции, имеющие в своем составе сказуемое, выраженное в большинстве случаев именем (существительным, прилагательным, числительным и, реже, глагольным именем). Эти конструкции имеют свое подлежащее, выраженное именем существительным в форме основного падежа. Особенностью таких подчинительных конструкций является то, что они выражают относительную законченность мысли и относятся к членам предложения, выраженным обычно именем существительным, выполняя по отношению к главному члену функцию придаточного предложения особого типа [161]: Кези соқ * киши өлсä ачлық қобыр ‘Алчный человек перестанет голодать, когда умрет’ (КБ, XXX, 77/1).

Другой особенностью указанных конструкций является отсутствие грамматических показателей согласования сказуемого с подлежащим, а также отсутствие разделительной паузы между предикативной конструкцией и главным предложением. Эти конструкции могут субстантивироваться, принимая формальные признаки имени существительного. Выражая относительную законченность мысли и имея в своем составе подлежащее и сказуемое, они соответствуют придаточным предложениям. Проф. Н. К. Дмитриев полагает, что аффикс 3-го лица, присоединяемый в некоторых случаях к субъекту предикативных конструкций, соответствует подчинительному союзу ‘который’ [162]. Нижеследующие примеры подтверждают правильность этой точки зрения: Нэ

---

[161] См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.— Л., 1948, стр. 247; А. К. Боровков. Краткий очерк грамматики узбекского языка. «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 714—715; Г. А. Абдурахманов. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка. Ташкент, 1960, стр. 78—81; Э. А. Грунина. Сложноподчиненные предложения в современном узбекском языке. Канд. дисс., стр. 54.

* R. Arat: ac (стр. 218).

[162] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 255.

әдгӱ билиг бәрди билгә сӱзӱг, Қылынчы бӱтӱн қылқы көңлӱ тӱзӱг ‘Что за хорошие знания дал мудрый прорицатель, чьи деяния совершенны, нрав и сердце искренни’ (КБ, XLIV, 105/22).

В роли сказуемого особых предикативных конструкций могут также выступать слова *бар*, *йоқ*, наречия, прилагательные, а также некоторые имена. Типично для языка памятников употребление имени действия на *-мäк//-мақ* в роли сказуемого указанных конструкций: Аны биз йәргә оқымақ мухал ‘Это невозможно, чтобы мы его сюда позвали’ (КБ, 138/7) [x]; Нәлӱг мунча йалңуқ йӱки йӱдмäк өз ‘Как я должен взять на себя груз столь многих людей?’ (КБ, 155, 17) [x].

Особые предикативные конструкции выполняют следующие функции:

1) функцию развернутого предикативного определения: в этой функции предикативная конструкция относится к имени существительному и называет его признак: Нәгӱ тәр әшитгил сақы йоқ * киши, Сақы йоқ* киши ол ажунда башы ‘Слушай, что говорит незапятнанный человек. Он — глава в этом мире’ (КБ, XXVI, 58/30); Көзи тоқ киши иштә алмас уруңч ‘Довольный человек не принимает взятку за работу’ (КБ, XXXII, 90/27); в поэтической речи особые предикативные конструкции в роли развернутого предикативного определения могут помещаться после определяемого слова: Әрди оза әрänлäр, әрдäм бәки билиг тағ ‘В прежние времена были люди, обладающие добродетелями, с большими знаниями’ (ДЛТ, I, 116/83);

2) функцию развернутого предикативного подлежащего: Нәгӱ тәр әшитгил билир көгӱ йоқ ** ‘Слушай, как говорит знающий, не желающий зла’ (КБ, XXXIV, 96/23); Нәгӱ тәр әшитгил сағы йоқ чығай ‘Слушай, как говорит незапятнанный бедняк’ (КБ, XLIII, 103/6); Нәгу тәр әшит әмди көңли көни ‘Слушай, что говорит чистосердечный’ (КБ, XXVI, 61/10); Кӱчи тәңи тоқышды ‘[Люди] с равными силами боролись’ (ДЛТ, II, 114/83);

3) функцию развернутого предикативного обращения: Нәгӱ тәр әшитгил ай көңли сӱзӱг, Қамуғ иш ичиндä ай көңли тӱзӱг ‘Слушай, что говорит, о [ты], с чутким сердцем, о [ты], чистосердечный во всех делах’ (КБ, XXXIX, 177/12); Муны ышқа тутғыл айа әлги кәң ‘Руководствуйся этими словами, о ты, щедрый’ (КБ, XLI, 188/11);

4) функцию развернутого сказуемого: Әлигкä башық болды көңлӱ бӱтӱн ‘Элику он был предан всем сердцем’ (КБ, XXVIII, 66/33); Көзи тоқ кәрäк ҳäм қылынчы бӱтӱн ‘Нужен сытый человек, совершенный в поступках’ (КБ, XXXVI, 154/5); Бәк алчақ кәрäк болса көңли ачуқ ‘Скромным, общительным должен быть князь и с открытым сердцем’ (КБ, XXXI, 85/5); Йашы қысқа әсиз

---

* R. Arat: saḳınıḳ (стр. 161).
** R. Arat: kök ayuḳ (стр. 277).

көрўнмäс бу кўн ‘Сегодня еще не видно, что у злодея короткая жизнь’ (КБ, XXI, 37/23);

5) функцию развернутого предикативного дополнения: ...йақшы аймыш... көзи соққа өт саw әрик бәргўчи ‘Хорошо сказал человек, дающий успокоение алчному’ (КБ, XXXIV, 95/33); Муңаδса табуғчы әлиг тарлықын ‘Если слуги поражены скупостью...’ (КБ, XXXVI, 158/14); Бақа көрдўм әмди диним йөглиги, Бу йәрдä көрўнди өзўм йиглиги ‘Я теперь увидел превосходство моей веры, здесь проявилась моя собственная порочность’ (КБ, XLII, 194/4); Сўви аз өкўшўн йағы билмäсä ‘Чтобы враг не узнал, малочисленно или многочисленно его войско’ (КБ, XXXI, 87/30); Тириглик барында табуғ қыл табын ‘Пока живешь, всегда неси службу, служи’ (КБ, XXVI, 56/19); Қадашым барыны өтўнди өзўм ‘Я сообщил о существовании моего родственника’ (КБ, XL, 182/11); предикативные конструкции могут выступать в функции развернутого предикативного дополнения, если они субстантивируются: Көзи соққа өт саw бәргўчи ‘Тот, который дает наставления алчному...’ (КБ, XXXIV, 95/38); в некоторых случаях указанные предикативные конструкции управляются глаголами *бил,- билин-* ‘знай’, *саны-* ‘считай’ и пр.: Ол әр әрдäми әрдäн артуқ билин ‘Знай, что добродетельный человек стоит выше [других] людей’ (КБ, XLII, 199/5);

6) функцию развернутого обстоятельства: Кәлип қаршықа кирди көңли тўшўк ‘Вошел во дворец рассеянным, печальным’ (КБ, XXIV, 47/33) [163].

В современном узбекском языке особые предикативные конструкции в функции дополнения по своим формальным признакам стоят ближе к второстепенным членам предложения, чем к придаточным предложениям, так как субъект предикативных конструкций может употребляться в форме родительного падежа. Следовательно, в современном языке особые предикативные конструкции в функции дополнения являются вариантами согласованных определительных словосочетаний [164].

Таким образом, на примере особых предикативных конструкций прослеживается тенденция к грамматическому оформлению отдельных членов предложения.

---

[163] Подобные конструкции К. Брокельман называет Zustandssätze. См.: C. B r o c k e l m a n n. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, Brill, 1954, стр. 422.

[164] Исследуя особые предикативные конструкции, Э. В. Севортян приходит к выводу, «... что с синтаксической точки зрения подобные группы для более ранних эпох развития правильнее считать смешанными, т. е. атрибутивно-предикативными. В современных литературных тюркских языках... рассмотренные комплексы правильно будет относить уже к придаточным определительным предложениям...» (Э. В. С е в о р т я н. О сложноподчиненном предложении в тюркских языках. «Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. III. Синтаксис». М., 1961, стр. 134).

ТИПЫ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Бессоюзные сложные предложения в языке памятников XI в. являются самыми употребительными. Это, по-видимому, можно объяснить недостаточным развитием союзов и других лексико-грамматических средств. Некоторые типы бессоюзных сложных предложений, например сложные предложения с пояснительным отношением, были более разнообразными и продуктивными, чем в современных языках, например в узбекском литературном языке. Другие типы бессоюзных сложных предложений, в частности те, в которых выражаются соединительные, сопоставительные, причинно-следственные отношения, мало чем отличаются от таких же типов сложного предложения современных языков.

Бессоюзные сложные предложения по характеру смысловых взаимоотношений составляющих их частей можно разделить на пять типов: 1) временные, 2) сопоставительные, 3) причинно-следственные, 4) пояснительные, 5) присоединительные.

Каждый из указанных типов не ограничивается выражением только одного смыслового отношения, а заключает в себе несколько значений. Одно из них является основным, ведущим и учитывается нами при классификации.

Смысловая самостоятельность частей сложного предложения не одинакова; части рассматриваемых сложных предложений, выражающих соединительные и присоединительные отношения, по своему содержанию относительно самостоятельны, хотя в них выражается одна мысль. Характерной особенностью сложных предложений является возможность функционирования в роли сказуемых разнообразных форм глагола, что объясняется отсутствием или недостаточным развитием отдельных грамматических и лексико-грамматических средств, участвующих в организации сложного предложения.

Типичной конструкцией бессоюзного сложного предложения является такая, где части сложного предложения без всяких грамматических и лексико-грамматических средств соединяются между собой. Основанием для отнесения таких конструкций к сложным предложениям является порядок расположения частей и общий смысл: части сложного предложения выражают действия или состояния, следующие одно за другим, и составляют цепь нерасчлененных бессоюзных конструкций: Тэрärсäн харамыг барырсан қалыр ‘Ты собираешь нечистое, [но ты] уходишь, оно же остается’ (КБ, XLII, 197/3); Өлӱм кәлди ӱндäр барыр мән мунун ‘Смерть пришла, зовет меня, я ухожу с заботами’ (КБ, LXVII, 176/15); Қылынч әвгӱ болса кәлир нәң тәгил ‘Если поступки хороши, то богатство [само собой] придет’ (КБ, XXV, 54/11).

В языке исследуемого периода не всегда формально выражается лицо, что затрудняет возможность разграничения простого и сложного предложения. В этих случаях приходится учитывать общий смысл и контекст.

Было бы ошибочным предполагать, что части бессоюзного сложного предложения связываются между собой только интонацией. Для связи существуют и определенные лексико-грамматические средства; эти же средства обусловливают смысловые отношения между частями сложного предложения [165]. Тип бессоюзного сложного предложения определяется следующим.

1. Общим содержанием предложений. В тех случаях, когда отсутствуют какие-либо грамматические или лексико-грамматические средства, содержание предложений и смысловое соотношение стоящих рядом предложений является единственным критерием определения типа бессоюзного сложного предложения.

2. Семантикой отдельных членов предложения, их соотношением и расположением в составе стоящих рядом предложений.

3. Расположением простых предложений.

4. Соотношением временных форм сказуемых простых предложений.

5. Употреблением отдельных лексических элементов, например *әң айну*, *кин*, *уйу*.

I. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бессоюзные сложные предложения могут выражать одновременность или последовательность действий и состояний. Кроме временных отношений, подобные предложения могут реализовать дополнительные смысловые оттенки: причины, следствия, цели, условия и др. Сложные предложения, выражающие временные отношения, носят описательный характер, так как в них сообщается о различных явлениях и событиях, а также раскрываются внутренние или внешние признаки предмета или лица: Әрәнтир башы инди йәргә йағуқ, Йалық баш көтүрдү йүз ачты йаруқ 'Звезда Арантир склонила голову к земле. Солнце подняло свою голову, излучая сияние' (КБ, LXVII, 177/29); Қар буз қамуғ әрүшди, Тағлар суwы ақышды 'Растаял весь снег и лед, Потекли воды с гор' (ДЛТ, I, 195/162); Табу тәкшүрүлди иши * болды йиг, Ағыр болды көңли қатығ тутты иг 'Состояние изменилось, дела его пошли плохо, Тяжело стало у него на душе, крепко схватила его болезнь' (КБ, XXIV, 46/9); Табу артады көр күчи өксүди, қағыл тәк көни боб өгилди қобы 'Плохо стало ему, смотри, силы его иссякли; прямое, как столб, тело его согнулось' (КБ, XXIV, 46/10).

Действия (или состояния), выраженные сказуемыми обеих частей сложного предложения, могут проявляться одновременно: Йашық йанды йәргә йақурды (يقوردی) башын, Йаруқ дүнй

[165] В некоторых исследованиях преобладает чисто логическое определение синтаксических типов. См.: H. K a h a n e. Principles of Comparative Syntax, «Orbis». Louvain, 1954.

* R. Arat: aşı (стр. 123).

мәңзи қызарды ишин ‘Солнце опускалось к земле, прятало свою голову, Светлый лик мира окрашивался, испарясь’ (КБ, XLI, 190/9). Обе части подобных сложных предложений могут быть синонимичны по содержанию: Арық жан ўзўлди, тўнярди кўни, Байат аты бирлә кәсилди тыны ‘Унеслась (букв.: оборвалась) чистая душа, день его померк, С именем бога дыхание его прекратилось’ (КБ, XXVI, 61/7); Тилäк арзу әрмäс мәниң өлмäгим, Қолуп болмыш әрмäс мәниң бармақым * ‘У меня вовсе нет желания умирать, я не желал уйти [из мира сего]’ (КБ, XXIV, 47/17); Тириглик тўгäди, йәтилди öбўм ‘Жизнь кончилась, наступило и мое время’ (КБ, XXIV, 47/21).

В следующих примерах сказуемые частей сложного предложения выражают последовательные действия: Йана ирлў кирди бу толмыш айы, Қабыр қышқа йанды йарумыш йайы ‘Тогда его полнолуние стало снова убывать, его сияющее лето обернулось ярой зимой’ (КБ, XXIV, 46/7); Алп әр Тоңа өлдимў, әсиз ажун қалдыму ‘Разве умер богатырь Эр Тонга, разве остался [цел] этот негодный мир?’ (ДЛТ, I, 77/44).

В следующих бессоюзных сложных предложениях кроме основных временных отношений реализуются смысловые оттенки условия, времени и дополнительного сообщения: Көңўл тил көни тутса қылқы бўтўн, Аңар тәгмäсä от йалыны тўтўн ‘Пусть будут верными его чувства и язык, пусть [будет] совершенным его поведение, Пусть его не трогает пламя огня и дым’ (КБ, XXXVI, 157/4); Қолдачықа миң йағақ, Барча билä айруқ тайақ ‘Попрошайке — тысяча орешков, сверх того еще кривая палка [чтобы ему было легче ходить?]’ (ДЛТ, I, 394/349).

Для связи частей подобных бессоюзных предложений и для выражения различных смысловых отношений используются различные лексико-грамматические средства:

1) член предложения, общий для обеих частей; в следующем примере таким общим членом предложения является *Әлиг дäвлатиндä*: Әлиг дäвлätиндä этилди ажун, Сақынч қысқа болды сәwинчлäр узун ‘Благодаря власти Элика расцвел мир, Заботы стали короткими, радости — бесконечными’ (КБ, XL, 178/16);

2) наречия или местоимения (*бу кўн, йарын, кин, уδу, анда, әмди* и др.): Бу кўн мән барыр мән муну әрксизин, йарын сән кәлир сән уδу шäксизин ‘Вот я иду сегодня против своей воли, Завтра, несомненно, за мной последуешь ты!’ (КБ, XXV, 56/14); Сақынчин тирилсä булур кин сәwинч ‘Если придет печаль, она [рано или поздно] пройдет и снова придет радость’ (КБ, XLIII, 101,15); Барыр мән уδу сән кәлир сан адаш ‘Я ухожу, ты последуешь за мной позже, друг’ (КБ, LXVI, 173/25); Өлўм кәлди әлтўр, барыр мән муңун, Сәңа кәлгä мәндä баса сән анун ‘Смерть пришла, зовет меня, я ухожу с заботами, К тебе она придет позже, готовься

* R. Arat: bu kün bolmış ermez kelip barmakım (стр. 127).

и ты› (КБ, LXVII, 176/15); Өбләк өчин алдыму әмди йүрәк йыртылур ‘Время отомстило ему, [поэтому] теперь разрывается его сердце› (ДЛТ, I, 77/44);

3) один и тот же лексический элемент, выступающий в одинаковых или различных функциях в обеих частях сложного предложения, когда речь в этих частях идет об одних и тех же предметах, лицах, явлениях: Аш ичгӱ туз этмäк йаδар әр аты, Аш ичгӱ турур бу тириглик оты ‘Едой и питьем, солью и хлебом человек распространяет свое имя, Еда и питье — лекарство этой жизни› (КБ, XXXI, 86/31); Тилägим бу әрди, умунчум бу оқ ‘Это было моим желанием, моей надеждой› (КБ, LXX, 183/37); Қайу аз йашады қайусы узун ‘Одни жили мало, другие долго› (КБ, LXIX, 181/11); Бириси әwäклик, бириси саран ‘Одно — поспешность, другое — жадность› (КБ, XXI, 83/12); в роли повторяемого члена может выступать само придаточное предложение: Қылынч әδгӱ болса қамуғ халқ сәwäр, Қылқы көни болса төргä ағар ‘Если дела хороши, то весь народ любит его; Если характер его справедлив, то он поднимается на почетное место› (КБ, XXVII, 65/7);

4) соотношение временных форм сказуемых, которые как правило выражаются формами с одним временным значением; в некоторых случаях наблюдается употребление одной временной формы в значении другой; действия или состояния, выраженные сказуемыми частей сложного предложения, могут относиться: а) к настоящему времени: Сäза бәк болур бу будунқа улуғ, Мунундин кәлир утру әδгӱ уруғ ‘Достойный князь является для этого народа старшим. От него идет хорошее племя› (КБ, XXX, 73/24); б) к прошедшему времени: Атым әрди Ай Толды, қылқым толу ‘Имя мое было Ай-Толды, натура моя — совершенная› (КБ, XXVI, 55/28); Алыр ман, төгätӱ ичип өз қанур ‘[Во сне] я взял [воду], выпил ее; и моя жажда была утолена› (КБ, LXV, 172/14); в) к будущему времени: Тӱп аслы кәрäк әδгӱ, қылқы оңай, тосулса будунқа тоғурса күн ай ‘Нужен [такой человек, который] имеет благородное происхождение, обходительный характер [и он будет] нужен народу, [он] принесет народу счастье (букв.: хорошие дни и ночи)› (КБ, XXXII, 90/22); Өги кәδ көрäк, кеңли алчақ амул ‘Он должен быть [человеком] большого ума, быть приветливым и спокойным› (КБ, XXXII, 91/29); Бу әки билä болды йалңуқ улуғ, Бу әкин өңарур көнилиг йолуғ ‘Через эти две вещи человек станет великим, Через них он улучшит путь к справедливости› (КБ, XXVIII, 71/5); Ойунқа awынса ажун тутғучы, әлин бузды болды өзи қолғучы * ‘Если правитель мира развлекается, то он разрушает государство, сам превращается в нищего› (КБ, XXXI, 84/12); сказуемые частей сложного предложения могут называть действие или состояние, относящиеся к различной вре-

* R. Arat: ḳoltgüci (стр. 226).

менной плоскости; в этих случаях выражается последовательность явлений, событий, фактов: Сӱсин йана қабырды, Кәлгәлимәт иркәшӱр ‘Он возвратил назад свое войско, [А они] собираются прийти’ (ДЛТ, I, 161/128);

5) аффиксы принадлежности (обычно 3-го лица), присоединяемые к членам предложения как первой, так и второй части сложного предложения: Қылқы жафа ол қылынчы отун, Йаруқлуқы азрақ, өкӱши тӱтӱн ‘Природа его — страдания, дела его — порок, свет его очень незначителен, во многом же — дым’ (КБ, LXVII, 175/1); Оғрақ эри тығрақ йәми аның оғлақ ‘Люди [племени] оград энергичны, их еда козлята’ (ДЛТ, I, 435/389).

Бессоюзные сложные предложения, выражающие временные отношения, обычно состоят из повествовательных предложений. Редко встречаются сложные предложения, состоящие из вопросительных или восклицательных предложений: Нәгӱ әрки ханың сөзӱң нә әринч ‘Как твое состояние и какой смысл имеют твои слова?’ (КБ, LXVII, 178/7); Нә йawлақ нәң ол бу өлӱм бармағы, Нә йawлақ әрӱр бу кишиг урмағы ‘Что за отвратительная вещь — рука смерти, Как ужасно то, что она настигает человека’ (КБ, 96/13).

Приведенные ниже бессоюзные сложные предложения указанного типа состоят из неполных предложений: Ағышқа әниш ол әдизкә батыр, Сәwинчкә сақынч ол ачығқа татығ ‘За подъемом следует спуск, за высотой — низина, За радостью приходит горе, за горьким — сладкое’ (КБ, XXIV, 47/9); Нә әбгӱ нәң ол бу ywут әркә көрк ‘Какая хорошая вещь стыдливость, она — украшение для человека’ (КБ, XXX, 77/7).

II. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сюда относятся бессоюзные сложные предложения, в которых сопоставляется содержание обеих его частей или отдельных членов предложения. Путем сопоставления выявляются различные оттенки сопоставительных отношений: противоположность, несоответствие, различие в содержании сопоставляемых частей или отдельных членов предложения и др.

Сопоставляются члены предложения, выраженные словами-антонимами: Ӱдик мәни қумытты, Сақынч мәңа йумытты ‘Взволновала меня любовь, Собралось во мне горе’ (ДЛТ, I, 99/66). Сәwӱнчи аз ол, барча қабғу төзи ‘У него мало радости, и всегда горе’ (КБ, LVII, 177/7). Границы противопоставления могут быть расширены, если слова-антонимы органически входят в развернутое обращение: Ай ниъмәт ибиси өлӱм миҳнәтиң, Ай миҳнәт ибиси өлӱм ниъмәтиң ‘О ты, благословенный дарами, смерть — это несчастье для тебя; О ты, живущий в несчастье, смерть для тебя — благодеяние’ (КБ, LXIX, 180/32). Если необходимо выдви-

нуть на первый план сравнительный оттенок сопоставительных отношений обеих частей сложного предложения или отдельных его членов, то в качестве таких членов выступают синонимы или слова, не противоположные по своей семантике: Сөз айтур өзүм, сән мәңä тут көңүл 'Говорить буду я, а ты внимай мне' (КБ, XXVII, 64/2); Тағ тағқа қавушмас, киши кишигä қавушур 'Гора с горою не сходится, человек с человеком сойдется' (ДЛТ, II, 113/83).

Если речь идет о качествах и признаках одного и того же предмета (свойства, действия или состояния), то член предложения, называющий этот предмет (свойство, действие, состояние), повторяется в обеих частях сложного целого: Қуруғ йығач әгилмäс, қурмыш кириш тўгўлмäс 'Сухое дерево не сгибается, натянутая тетива не завязывается' (ДЛТ, I, 206/172); Намаз розä барча өз асғың турур, Өз асғы тилäкли бағырсыз болур 'Молитва, пост — все тебе на пользу, [но] кто думает только о своей пользе — бессердечен' (КБ, 120а/4). Когда член предложения, повторяющийся в обеих частях сложного целого, выполняет различные функции, выражаются пояснительные отношения, т. е. вторая часть сложного предложения поясняет содержание первой части: Әсизлик тилäсä бар әсиз қылын, ол әсиз йануты улытға (й) билин 'Если ты хочешь зла, поступай плохо, Плата за зло всегда приносит стоны, знай!' (КБ, LXVIII, 179/2); Тапуғчы талусы бағырсақ болур, Бағырсақ тапуғчығ тилäб ким булур 'Самый лучший из слуг — милосердный, Но кто найдет милосердного слугу?' (КБ, XL, 180/12); Бу йаңлығ өгўнди өкўш йығлады, Өгўнчи өлўмгä асығ қылмады 'Он во многом раскаивался, много плакал, [Но здесь] его раскаяние не помогло ему' (КБ, XXIV, 48/7).

Для выражения противопоставления или несоответствия содержания обеих частей сложного предложения может употребляться лексический элемент *әмди* 'теперь': Нәгўлўк усандың тириглик иɵип, Нәгўгä иläнўр сән әмди өлўп * 'Почему же ты беспечно жил, почему же сожалеешь теперь, когда ты умираешь?' (КБ, XXV, 50/24). Содержание частей сложного предложения может противопоставляться или выражать взаимное несоответствие, если вторая часть начинается придаточным предложением (обычно условным или условно-временным), выражающим действие или состояние, противоположное содержанию первой части: Ай бәкläр ынанчы сөзўң кизлä бәрк, Сөзўң кизлämäсä башың барға тәрк 'О вы, поверенные князей, Скрывайте ваши слова [тайны], Если не скроете свое слово [тайну], то потеряете голову' (КБ, XXXV, 97/24); Тәтиглик кәрäк қылса тўрлўг сақыш, Тәтиг болмағынча қалы аɵрар иш 'Он должен быть проницательным и делать всевозможные расчеты, Если он не проницателен, то как он сможет различать дела?' (КБ, XXXVI, 155/13); Қылықсыз төрў өнди билмäс киши, Кишигä қатылса этилмäс иши 'Бесхарактерный че-

---

* R. Arat: ulıp (стр. 137).

ловек, не знающий законов и правила поведения, Если он [даже близко] общается с людьми, то дела его не пойдут [на лад]' (КБ, LV, 131/14). В отдельных случаях наличие придаточного предложения с вышеуказанной семантической нагрузкой только подразумевается: Қулы қылмасуны * табысыз табуғ, Йawa қылды бўтмиш тириглик қамуғ 'Его служащий не должен нести неподходящую службу, этим самым он ухудшил бы всю свою жизнь' (КБ, XXVII, 63/33).

В составе каждой части сложной конструкции могут быть придаточные предложения, противоположные по своему содержанию. Тогда на первый план выступает сравнение содержания обеих частей: Толум анутса қулун булур, Толум унутса болун болур 'Кто готовит оружие против врага, найдет жеребенка, Кто забывает готовить оружие, попадает в плен' (ДЛТ, I, 221/184).

Противопоставление или несоответствие содержания обеих частей или отдельных членов бессоюзного сложного предложения может иметь место, если: 1) сказуемое одной из частей имеет отрицательную форму: Әл қалды, төрў қалмас 'Обычаи исчезают — народ остается' (ДЛТ, II, 31/21); Киши азиз әрмäс кишилик азиз 'Не человек дорог — дорога человечность' (КБ, XXVI, 62/3); 2) вторая часть сложного предложения представляет собой риторический вопрос: Амāнат аты бар, қаны қылдачы? Насиҳат сөзи бар, қаны туттачы? 'Доверие есть только на словах, но где же его исполнитель? Совет, назидание есть только на словах, но кто следует ему' (КБ, LXX, 183/4); 3) сказуемыми частей сложного предложения выступают разные формы глагола (в большинстве случаев в составе сказуемого первой части участвует недостаточный глагол *әр-*): Йалаң йўзлўг әрдим йәδилди сақал 'У меня было гладкое лицо, затем выросла борода' (КБ, XXIV, 48/5); Ажун малы тәрди өзўм соқлуқун, Қалыр нәң, барур мән өзўм йоқлуқун 'С жадностью сам я собирал богатство мира, Богатство остается, я ухожу в небытие' (КБ, XXIV, 48/5); Ачурғу буларығ, йолын тутса кәδ 'Необходимо заставить их голодать, чтобы они могли найти свою дорогу' (КБ, LXIX, 180/20); Толу әрди айым, арылды толу 'Моя луна была полной, полнота убыла' (КБ, XXIV, 46/26); Ағырладың әрди табғсуз мәни, Табуғ йәтрўмädим ай Әлиг қаны 'Ты почитал меня тогда, когда еще я не нес службы, О Әлик, я [до сих пор] не услужил тебе' (КБ, XXIV, 47/16).

Сопоставление содержания отдельных членов частей сложного предложения может выражаться формой сравнительной степени, которая присоединяется к основе сопоставляемых членов предложения: Сәwўг нәң бу җан җанда йиграк сәwўг Саw**алтун 'Мила душа, но милее души золото и слава' (КБ, XXXVI, 154/1).

---

* R. Arat: Kalı kilsa begler (стр. 178).
** R. Arat: kümüş (стр. 287).

В сложных предложениях, где сопоставительные отношения вытекают из общего содержания их частей (в основном в пословицах и поговорках), могут быть выражены различные оттенки: 1) ограничение содержания первой части: Аш татығы туз йуғрын йәмäс ‘Вкус обеда [зависит] от соли, но соль не едят мисками’ (ДЛТ, III, 38/24); 2) несоответствие действий или состояний: Ыш йарағында сарт асығында ‘Работа — [лишь] в подходящих условиях, а купец [всегда] думает о своей выгоде’ (ДЛТ, III, 20/10); 3) причина и следствие: Сөкӱшӱб урушур, отра тон титишӱр ‘Ругаются и дерутся, а между тем рвется халат’ (ДЛТ, II, 94/73); Киши әбгӱси көр унытмаз өзин, Қайуда йӱрисä йӱри әбгӱ йол ‘Хороший человек не забывается, Где бы ты ни был, иди справедливой дорогой’ (КБ, 129б/11); 4) сравнение, уподобление: Қуш қанатын әр атын ‘Птица [сильна] своими крыльями, человек — своим конем’ (ДЛТ, I, 70/37); Субузғанда әв болмас, Тубурғанда aw болмас ‘На (чужом) кладбище нет дома, на засушливой земле нет охоты’ (ДЛТ, I, 471/425); 5) противопоставление, условие: Тилäкни буларман, Йылқым аңар өплäнӱр ‘Я добьюсь своего желания, но будут растащены мои кони’ (ДЛТ, III, 99/64).

Таким образом, бессоюзные сложные предложения, в которых выражаются сопоставительные отношения, характеризуются, во-первых, полисемантизмом, и, во-вторых, возможностью сочетания различных форм сказуемых, что немыслимо с точки зрения современных языков, где бессоюзные сложные предложения указанного типа заменяются союзной конструкцией.

III. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Третий тип бессоюзного сложного предложения характеризуется тем, что первая его часть выражает причину, а вторая — вытекающее из нее следствие.

Основными средствами образования бессоюзных сложных предложений указанного типа являются показатели времен сказуемых и общее содержание обеих частей. Обычно сказуемое первой части выражается глагольной формой прошедшего времени, а сказуемое второй части — глагольной формой настояще-будущего или будущего времени: Умунчлығ аб̈аш йайсады, Будун анын ӱркӱшӱр ‘Надежный друг стал врагом, Поэтому народ пугается//опасается его’ (ДЛТ, I, 170/137); Усанлық * мәни алқты өкнур өзӱм ‘Беззаботность ослабила меня, я раскаиваюсь [теперь]’ (КБ, XXV, 50/30); Киши соңы қалды, нэ әбгӱ булайи ‘Остались [только] низкие люди, какое же я найду добро?’ (КБ, LXXII, 390/15); Қачты сақынч сэwнäлим ‘Ушло горе, так будем же радоваться’

* R. Arat: usallık (стр. 138).

(ДЛТ, I, 160/126); Атың болды қул қылма бәкләр иши ‘Ты раб, не делай то, что является княжеским делом’ (КБ, LXVII, 175/17).

Сказуемые обеих частей бессоюзного предложения, выражающего причинно-следственные отношения, могут иметь идентичные временные формы. В подобных случаях последовательность действий, т. е. факт, что действие или состояние первой части, выражающей причину, предшествует действию или состоянию второй части, выражающей следствие, вытекает из общего содержания предложения: Әлиг тәкмä тўрлўг айытты билик, Өтўндў бу Өгдўлмиш ачты тилиг ‘Элик просил его говорить о всевозможных знаниях, и Огдюлмиш заговорил, начал свою речь’ (КБ, XXVII, 63/11); Әкägў байат қулларымыз бир * өк, Бу қуллуқ ичиндä қурумыз тўз өк ‘Оба мы являемся равным образом рабами бога, и как у (божьих) рабов, у всех у нас одна степень’ (КБ, XLV, 107/22).

Для выражения причинно-следственного отношения могут использоваться отдельные лексические элементы:

1) в начале второй части сложного предложения может употребляться указательное местоимение в различных падежных формах, указывающее на смысловую связь с предыдущим предложением: Әwäкликтä йас ол, аны қылмайын ‘[Так как] в поспешности [только] вред, не буду я допускать [его]’ (КБ, LXII, 160/24); Тәлим башлар йуwылдымат, Йағы андын йäwилдимät ‘Много голов покатилось, от этого враг обессилел’ (ДЛТ, I, 377/332); Улуғ тәңри ағырлады, Анын қут қы тўри тоғды ‘Великий бог смилостивился, Поэтому счастье и богатство у него возросли’ (ДЛТ, I, 294/252);

2) вторая часть сложного предложения может начинаться лексическим элементом *әмди*: Иглädим андын узақ, әмлägил әмди тузақ ‘Долгое время от этого я болел, теперь ты избавь (букв.: вылечи] меня [от этого] силка’ (ДЛТ, I, 361/317).

Если при наличии указательного местоимения основное внимание обращается на содержание первой части сложного предложения, выражающей причину, то при наличии лексического элемента *әмди* основное внимание обращается на содержание второй части, выражающей следствие, а также реализующей временное соотношение частей сложного предложения [166]. Причинно-следственные отношения могут выражаться также в сложных предложениях, сказуемое первой части которых сочетается с недостаточным глаголом *әрди*: Байат бәрди әрди уқуш хäм билиг, Тўзў әдгўлўккä тәгўрдўм әлиг ‘[Так как] бог дал [мне] ум и знания, я приложил свои силы (букв.: руки) к добру и порядку’ (КБ, 128a/11).

---

* R. Arat: biz (стр. 377).

[166] В памятниках последующих столетий увеличивается число лексических элементов, указывающих на смысловые соотношения между частями бессоюзного сложного предложения: аның ўчўн, бу жиҳатдин, ул сäбäбдин и др. (см.: Қысасул анбийä, 44; Навäий, Маҳбубул қулуб, 55 и др.).

IV. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бессоюзное сложное предложение, одна из частей которого поясняет другую, является самой употребительной сложной конструкцией в языке памятников XI в. Предложения данного типа выражают следующие смысловые отношения: 1) обусловленность, 2) время, 3) причину, 4) цель, 5) уподобление, 6) уступительность, 7) следствие, 8) дополнение.

1. Отношения обусловленности. Первая часть сложного предложения выражает условие, при котором может осуществиться то, о чем говорится во второй части. Поэтому сказуемые обеих частей относятся к будущему времени, хотя по смыслу действие (или состояние), о котором говорится во второй части, осуществляется после осуществления действия (или состояния), названного в первой части. Если сказуемое первой части обычно выражается глаголом повелительного наклонения, то в функции сказуемого второй части могут выступать следующие глагольные формы:

1) глаголы на *-ғай//-гәй* (в значении будущего времени): Көңӱл тил көнитут қылынчың бӱтӱн, Сәңә кәлгә дәвлат бу дӱнйа бӱтӱн 'Будь правдив в чувствах и словах, пусть дела твои будут совершенны, Тогда к тебе придет полное счастье на этом свете' (КБ, XXXVI, 154/14); Оқығыл, ачылғай ташы ҳәм ичи 'Читай, и тебе откроется смысл (букв.: внутренность и внешность)' (КБ, XXXIV, 96/36);

2) глаголы повелительного наклонения: Бу кӱн сән аны қыл, йарын бул татығ 'Сегодня ты сделай это, завтра — получай удовольствие' (КБ, LX, 145/16); Боғуз тыδ аш аз йә, әсänин тирил 'Сдерживай себя, ешь мало, Живи в здравии!' (КБ, LV, 132/22);

3) глаголы прошедшего времени в значении будущего или настоящего времени; употребление одной временной формы глагола в значении другой объясняется быстрой сменой действия или состояния, выраженных сказуемыми обеих частей предложения, а также тем, что во второй части выражается действие (или состояние), проявление которого считается обычным, постоянным: Бу қач нәң кӱδäзгил, кӱδäзилди әл, Узун турға бәклик, сәңа қалды * әл 'Береги эти вещи, тогда сохранится государство, Долго будет держаться власть, тебе достанется племя!' (КБ, XXII, 59/7); Бағырсақ болун, болдуң әδгӱ киши 'Будь милосерден, тогда ты станешь хорошим человеком' (КБ, XVI, 189/15);

4) глагольное имя на *-р*: Өзӱң ** қырғыл артуқ, йағычы болур 'Убивай сам побольше, [тогда люди твои] станут [настоящими] воинами' (КБ, XXXI, 88/20); Бу уч нәң йолуғ қыл қамуғни әwär 'Пожертвуй этими тремя вещами, и тогда они сами поспешат к тебе со всех сторон!' (КБ, XXXI, 89/22).

---

* R. Arat: birge (стр. 163).
** R. Arat: örüng (стр. 251).

Как видно из приведенных примеров, сказуемое первой части выражается глаголом повелительного наклонения 2-го лица единственного числа. Реже встречаются примеры, когда сказуемое первой части выражено глаголом желательного наклонения 3-го лица. В таких случаях образуются своеобразные конструкции: Өзўң әдгӱ болсу, йарутғай сәни 'Ты будь лучше, он тебя озарит' (КБ, XLV, 109/9).

В следующем примере сказуемое обеих частей сложного предложения выражено глаголом прошедшего времени, в значении настояще-будущего времени: Қара борчы болды, нәңи болды йәл 'Если народ пьяница, то богатство его развеется ветром' (КБ, XXXI, 84/16). Наблюдаются бессоюзные сложные предложения, первая и вторая части которых выражаются глагольным именем в перфектном значении: Ағы чуз төшänўр өзўң оғлағу '[Если перед тобой] лежат драгоценности, дорогие ткани, то ты вырос [значит] среди изобилия' (КБ, XXVI, 58/14); Әwä йығлу тәрлўр әр ат сӱ болур 'Торопясь собираются, отряды превращаются в войска' (КБ, XXXI, 83/2).

Бессоюзные сложные предложения, выражающие причинно-следственные отношения, могут передавать и другие дополнительные смысловые отношения, например желание: Мәңа бәрсу тäвфиқ қылайын төру 'Пусть бог даст мне удачу, и я буду издавать законы' (КБ, LXVIII, 179/13).

2. Временные отношения. Одна из частей бессоюзного сложного предложения может указывать на время осуществления действия или состояния, выраженного другой частью [167]. Обычно сказуемые подобного сложного предложения выражают одновременность действия или состояния. В большинстве случаев в составе сказуемого первой части употребляется недостаточный глагол *әр-*: Йыл алтмыш эки әрди төрт йӱз билä, Бу сөз сөзлädим мән тутуп җан сӱрä 'Это было в 462 году, когда я сказал эти слова, раскрыв им душу' (КБ, LXXIII, 185/3); Кичиг әрдиң оғлан билигсиз отун, Сәни ол йӧлäди, қопурды қутун '[Тогда] ты был еще маленьким мальчиком, ничего не знал, Он указал тебе дорогу, принес тебе счастье' (КБ, LXIII, 164/97); Йӱгӱрди käwäл ат, Чақылды қызыл от 'Помчался чистокровный конь, Полетели искры (букв.: вспыхнул красный огонь)' (ДЛТ, II, 153/105); Уӧып барды азрақ уӧунды йана, Өчӱкмиш көмӱр тәк қаранғу түн ä 'Он немного уснул и снова проснулся, Тут пролетела черная, как уголь, ночь' (КБ, XLVI, 113/6).

Характерной особенностью бессоюзных сложных предложений, выражающих временные отношения, является возможность расположения той части, которая выражает время, после основной части сложного предложения: Көзӱм йашы сawруқуб қоӧы ақар, Билниб ажун әмгäгин түгäл уқар 'Мои слезы обильно потекли,

[167] См.: C. Brockelmann. Указ. соч., стр. 392—393.

[когда] я окончательно понял тяготы мира› (ДЛТ, II, 265/180); Әлигим арығ қырчатур оқ башақы, Өнмиш улуғ тәриңәк ўзә көп қашақы ‘Острый наконечник стрелы ранил мою руку, [когда я проплывал сквозь] заросли зелени озера› (ДЛТ, II, 380/264).

3. Отношения причины. Вторая часть бессоюзного сложного предложения может выражать причину или логическое обоснование того, о чем сообщается в первой части. Структурной особенностью таких конструкций является повторяемость члена предложения, несущего основную смысловую нагрузку, во второй части сложного предложения или замена его местоимением: Қатығлан усандур уса бас *кәчä*, *Кәчä* аз окўшўг нэ билгäй ача ‘Соберись! Застань [врага] врасплох, нападай ночью: Каким образом [враг] узнает ночью, много или мало у тебя людей?› (КБ, XXXI, 88/9); Сынамыш бўтўлмиш *кишиг* тут қатығ, Сәңа тәккäй *андын* тўмäн миң татығ ‘Держи при себе крепко испытанных верных людей, От них к тебе придет тысяча удовольствий!› (КБ, XXV, 54/6).

Соотношение временных форм сказуемых в предложениях рассматриваемого типа более свободно, чем в сложных предложениях других типов:

1) действия или состояния, выраженные сказуемыми обеих частей, происходят в разных временных плоскостях: в первой части — в настоящем времени, во второй части — в будущем: Тэрäр нәң байумас *, қалыр нәң кәбин ‘Собирают имущество, [но] не становятся богатыми, богатство потом остается› (КБ, XXVII, 65/19); Кичиг болуб йағыны йэргў эмäс, Әбгўрмабиб қобса аны элни қунар ‘Нельзя пренебрегать врагом, даже если он малочислен, Если пренебречь им, то он разграбит страну› (ДЛТ, II, 37/24);

2) действия или состояния, выраженные сказуемыми обеих частей, относятся к настоящему времени: Сән өк сән сақынчым, барыр мән муңун, Кичигликтä мәнсиз қалур сән бу кўн ‘Ты моя забота, я умираю (букв.: ухожу) в тревоге: ты сегодня остаешься ребенком без меня ‘(КБ, XXV, 51/2); Оғулдын йазуқ йоқ атадын җафа ‘Грех падает не на сына, [ибо грех] идет от отца› (КБ, XXV, 51/10);

3) действия или состояния, выраженные сказуемыми обеих частей, относятся к будущему времени; при этом: а) сказуемое первой части может быть выражено формой повелительного наклонения, а сказуемое второй части — глаголом на *-ғай//-гäй*, глагольным именем на *-р* или глаголом повелительного наклонения: Саранға тапынма..., Тиригликйаwа болға ‘Скупому не служи, Иначе жизнь будет напрасной› (КБ, XXI, 38/15); Тайанма тирригликкä тўш тәк кәчäр, Кўwäнмä қыwы қутқа қуш тәк ўчäр ‘Не полагайся на жизнь, она проходит, как сон, Не верь счастью, оно улетает, как птица› (КБ, XXV, 55/8); Қобу бәргил эмди мәни, тәңригä, Дуачы болайын сәңа әбгўгä ‘Оставь теперь меня [наедине], Богу я хочу молится о твоем благе› (КБ, XLIX, 106/2); б) ска-

* R. Arat: yiyümez (стр. 184).

зуемое первой части может быть выражено глаголом прошедшего времени со значением будущего времени, а сказуемое второй части — глагольным именем на *-р ~ -с* с перфектным значением: Йарағсыз өзи қылды қылмас киши 'Сам поступил плохо, а не кто-нибудь другой' (КБ, XXVIII, 68/7);

4) действия или состояния, выраженные сказуемыми первой и второй части, относятся соответственно к будущему и к настоящему времени: Муны алса болғай уқушлуғ амул 'Его можно взять, [он] разумный, спокойный' (КБ, LXIX, 180/9); Өлүмүг унутма аңар йоқ толум 'Не забывай о смерти, против нее нет оружия' (КБ, XXVI, 57/2); Әсиз өңди урма ай әлчи бөгү, Әсиз болса булмас ажуныг йәгү 'Не указывай на неправильную линию, о мудрый народный герой, Кто станет плохим, тот не приобретет ни богатства (букв: мира), ни пищи' (КБ, XXV, 59/12); Атыг өгсä йүгрүр учарыг йәтäр 'Если похвалишь лошадь, то она побежит и нагонит летящую [птицу]' (КБ, XXXI, 89/14);

5) действия или состояния, выраженные сказуемыми первой и второй частей, относятся соответственно к будущему и к прошедшему времени: Барсун нару қабғура, Сатты маниң айымы 'Пусть он уходит прочь, горюя, [так как] он продал моего слугу' (ДЛТ, II, 224/152);

6) действия или состояния, выраженные сказуемыми обеих частей, относятся к прошедшему: Йанды әринч оғрағы, Кәлди бәрү тығрағы 'Возможно, он отказался от своих намерений, [так как] прибыл его гонец' (ДЛТ, III, 73/48).

На причинную связь могут указывать отдельные лексические элементы и словосочетания: Көрү бәр * қара бәккä қылмас салам, Бу маъны üчүн ол ай билги тамам 'Смотри, простой человек не приветствует князей, Это по той причине, что он без знания' (КБ, LIX, 143/5).

4. Целевые отношения. Вторая часть бессоюзного сложного предложения может раскрывать, с какой целью осуществляется то, о чем сообщается в первой части. Временное соотношение сказуемых частей такого сложного предложения имеет следующие разновидности:

1) действия или состояния, выраженные сказуемыми первой и второй частей, относятся соответственно к настоящему и будущему времени; в роли сказуемого второй части выступает глагол желательного или условного наклонения: Көзи тоқ кәрäк ҳам қылынчы бүтүн, Бары арта бәрсä күниңä қутун 'Нужен сытый человек, совершенный в поступках, Для того, чтобы все с каждым днем счастливо умножалось' (КБ, XXXVI, 154/5); Кишигä бәрүрман тилäб әдгү ат, Дуа әр тәсä ** атым йүритсү байат 'Я отдаю людям [мои дары], выпрашивая доброе имя, Чтобы они мо-

* R. Arat: bar (стр. 506).
** R. Arat: artsu (стр. 311).

лились и донесли до бога имя мое› (КБ, XXXIX, 173/7); Әриг йәтгӱ тутғу болун тутмаса ‘Держи крепко людей, чтобы не возникло никакого замешательства [*или*: Надо готовить и содержать воинов, (но не из) пленных]› (КБ, XXXI, 89/1);

2) действия или состояния, выраженные сказуемыми обеих частей, относятся к настоящему или будущему времени; в роли сказуемых обеих частей выступают глаголы повелительного или условного наклонения (в этой функции условное и повелительное наклонение приближается к изъявительному наклонению): Буларны сақынғыл өлӱмгä әтин, Өкӱнмä йарын бу қара йәр қатын ‘Думай о том и готовь [себя] к смерти, Чтобы завтра не чувствовал раскаяния (букв.: не раскаивайся) под черной землей› (КБ, XXVI, 58/17); Мәңа кӱч бәр әмди өтäйин ҳақын ‘Теперь дай мне силы, чтобы я вознаградил его› (КБ, XXXIX, 176/2); Сөзи чын кәрäк на қылқы бӱтун, ынанса аңар халқ тирилсä қутун ‘Слово его должно быть правдивым, его характер — совершенным, Чтобы народ мог верить ему и жить в счастье› (КБ, XXXI, 82/19); Сӱсин кәδ кӱδäзсä, тил ычғынмаса, Сӱси аз өкӱшӱн йағы билмäсä ‘Он должен хорошо заботиться о своих войсках и не допускать распространения слухов, Чтобы враг не узнал, малочисленно или многочисленно его войско› (КБ, XXXI, 87/30).

5. Отношения уподобления. Содержание одной части бессоюзного сложного предложения может уподобиться содержанию другой части. Если содержание первой части уподобляется содержанию второй части, кроме отношений уподобления, выражаются пояснительные отношения: а) Билигсиз киши көңли қум тәк турур, Өкӱз кирсä толмас, ап от йәм өнӱр ‘Разум невежественного человека—словно песок: войдет [в него] река, но не наполнит его› (КБ, XXII, 43/27); б) Бу көрклӱг киши көзгä көрӱнӱр арығ, Арығ болмаса аш боғузқа қарығ ‘Красивый человек кажется глазу чистым, Если еда не чиста, то для горла она отвратительна› (КБ, XXXVII, 161/10).

Действия (или состояния), выраженные сказуемыми частей сложного предложения данного типа, обычно проявляются одновременно. Поэтому сказуемые обеих частей сложного предложения, выраженные глаголом в настоящем времени, именными частями речи, а также глагольными формами в перфектном значении, относятся к одной временной плоскости: Оδуғ бәк сөзи көр бөга * йолчылығ, Көр арслан мӱнӱгли қылыч қамчылығ ‘Словообдительного князя — это мудрый путеводитель, Видишь ли, Кто оседлал льва, у того плеткой должен быть меч› (КБ, XXXI, 88/2) Йәр басруқы тағ, Буδун басруқы бәк ‘Гнет земли — горы, гнет народа — князья› (ДЛТ, I, 433/388); Көп сӱкӱтгä қуш қонар, Көрклӱг кишигä сөз кәлир ‘[Подобно тому, как] на густую иву садятся птицы, К красивому человеку приходит слава› (ДЛТ,

* R. Arat: büke (стр. 249).

I, 309/268); Әр ат болды бәкләр қанаты йўги, Қанатсыз қуш учмас ай бәкләр бәки 'Отряды, словно крылья и перья князей, Без крыльев птица не летит, о ты, князь князей' (КБ, XXXIX, 172/5).

6. Уступительные отношения. Содержание одной части бессоюзного сложного предложения может не соответствовать содержанию другой части. Однако осуществимость того, о чем говорится в основной части, не ставится под сомнение. Расположение частей сложного предложения, содержание которого носит уступительный характер, свободное. Если оно расположено на первом месте, в роли сказуемого выступает глагол повелительного наклонения: Улуғ йа кичиг тут қара йәр болур '[Будь они] большие или маленькие — все будут в черной земле' (КБ, XXVI, 61/27); Тилäсä ағыр тут, тилäсä уҗуз, Йолуғ қылдым әмди сәңа ош бу өз 'Высоко или низко ты меня ценишь, все равно, Теперь я приношу в жертву самого себя' (КБ, XXVII, 63/25).

В следующих сложных конструкциях предложения, носящие уступительный характер, занимают второе место: Көни сөз әрик ол көңүлгä ачығ 'Справедливое слово могущественно, [даже если] оно обидно [горько] для чувства' (КБ, LXIII, 164/9); Осанма өлүр сән мәниндин баса 'Не будь нерадивым, даже если ты умрешь после меня' (КБ, XXIX, 47/15); Атым әбгү болсу өзүм өлсүни 'Мое имя должно быть хорошим, даже если я умру' (КБ, LXI, 159/23).

7. Бессоюзные сложные предложения, одна из частей которых дополняет содержание другой части. Характерная особенность сложных предложений подобного типа заключается в том, что одна из его частей относится к определенному члену предложения другой части. Определяя содержание данного члена предложения, она дополняет содержание всего предложения.

Такой тип сложных предложений имеет следующие разновидности.

1) Бессоюзные сложные предложения, выражающие объектные отношения. Вторая часть предложения дополняет содержание сказуемого первой, основной части сложного предложения, выступая по отношению к нему в функции объекта. Обычно сказуемое первой части выражается глаголом, семантика которого связана с такими понятиями, как сообщение, восприятие и т. п.; во второй части раскрывается сущность сообщаемого и воспринимаемого: Айур: ай тириг сән осанма одун 'Он говорит: О живущий, не будь нерадив, будь осторожен' (КБ, XXVI, 59/2); Чық әт көрäйин 'А ну пикни' (ДЛТ, III, 143/94); Уқ а оғул, өлүмүг унутма 'Слушай, о сын, Не забывай о смерти' (КБ, XXV, 53/8).

В конструировании рассматриваемых сложных предложений особую роль играют глаголы *сақын*, *саны* 'думай', 'считай', управляющие особыми конструкциями: Tawap йығыб cyw ақын инди сақын 'Собранные тобою товары, считай их потоком' (ДЛТ, III, 69/46); Будун қой саны ол бәки қойчысы 'Считай народ овцами,

князей — пастухами› (КБ, XXVI, 58/1); Булар ол сӱрӱк қойқа әркäч саны ‘Считай их вожаком стада баранов› (КБ, LII, 124/42); Тилин әдгӱ сөзлä әшим сәнмägил * ‘Говори с ними хорошо, но не называй их друзьями› (КБ, LII, 127/13).

Для рассматриваемого периода характерно использование прямой речи в бессоюзных сложных предложениях, выражающих объектные отношения. При этом речь автора может располагаться по отношению к прямой речи препозитивно, постпозитивно, а также разрывать прямую речь: а) Әшйäк айур башым болса, Сундурыда сyw ичкäймäн ‘Осел говорит: Если голова моя будет цела, буду пить воду из моря› (ДЛТ, I, 454/407); Йанут бәрди Одғурмыш айды: чин ай, Нәгӱ ол тилäгиң айа көрки ай ‘Ответил Одгурмиш, спросил: скажи мне правду, Какое у тебя желание, о ты, с красотой луны!› (КБ, XLII, 201/7); Йәтилди тириглик бу болды awынч ‘Жизнь совершенствовалась, она стала утехой› (КБ, XXVIII, 68/21); б) Адаш қолдаш, әрдаш тутунғу тәдиң ‘Нужно приобрести друзей, приятелей, помощников — сказал ты› (КБ, XLII, 197/10); Әр әдрӱм тилä ҳам толум тӱм билä ‘Ищи (букв.: пожелай) избранных людей и много оружия при них› (КБ, XXXI, 87/17); в) Қуруғ сөзлämäсмäн, тдәиң, тил сөзӱң ‘Я не говорю,— сказал ты,— пустые слова› (КБ, XLII, 129/10).

Разновидностью бессоюзных сложных предложений, выражающих объектные отношения, являются такие конструкции, в которых одна часть представляет собой вопросительное предложение, другая часть служит для раскрытия содержания первой части, а также является ответом на вопрос: Ким айыб әштӱр қулақ, Ай әwи артуч бутақ ‘Кто может сказать, что он слышал о том, что дом луны — это ветка можжевельника› (ДЛТ, I, 358/315); Нәгӱ қылды дӱнйа мәни ** көр, Сақын ***, ‘Что сделала со мной жизнь (букв.: мир), посмотри, думай об этом› (КБ, XXV, 53/14); Улуғ Ҳаҗибиғ ай нәтäк әр кәрäк ‘Скажи, каким человеком должен быть великий Хаджиб› (КБ, XXXI, 90/15). Часть сложного предложения, выражающая вопрос, могла располагаться в конце: Әликкä өтӱндӱм табуғчы йолы, Нәгӱ тәк табынғу бәкингä қулы ‘Я рассказал Элику о нормах поведения служителя, как раб должен служить своему князю› (КБ, 110а/1).

Месторасположение главного и зависимого частей бессоюзного сложного предложения, выражающего объектные отношения, свободное. В большинстве случаев та часть, которая выражает основную мысль, предшествует другой части, раскрывающей ее содержание. Однако имеются случаи обратного размещения частей сложного предложения, когда сказуемое основной части выражено глаголами *сақын//саны* или *бил*: Өч кәк қамуғ киши-

---

* R. Arat: isimsinmegel (стр. 447).
** R. Arat: manga (стр. 146).
*** R. Arat: bakın (стр. 146).

ниң йалыңуқ үзä алым бил 'Месть и злобу понимай как долг, получаемый человеком от других людей' (ДЛТ, I, 79/46); Кочигли турур дүнйа кэчти сақын 'Мир преходящ [для меня], он прошел, подумай [об этом]' (КБ, XXVI, 59/18).

В этих конструкциях основное внимание обращено на содержание уточняющей части. Основная часть в некоторых случаях может переходить на положение вводного предложения: Бу эл ишлäри тэрс улуғ көр аты 'Эти дела народные, смотри, очень важны' (КБ, XXXI, 85/29); Муңар мәңзäр әмди, көрү бәр, бу сөз... 'Теперь сюда хорошо подходит это слово, смотри-ка...' (КБ, XLIII, 101/2).

В приведенных ниже примерах главное предложение расположено в середине зависимого предложения: Багырсақ көрүр мән бу Өгдүлмишиг 'Я вижу, что Огдюлмиш очень милосерден' (КБ, XXVII, 66/1); Кәмä мйнди сақын киши алғучы 'Подумай-ка, тот, кто взял женщину, поднялся на судно' (КБ, XLII, 197/4).

Особую группу бессоюзных сложных предложений, выражающих объектные отношения, составляют конструкции, в составе главного предложения которых указательное местоимение употребляется в функции дополнения; уточняющая часть, раскрывая содержание этого местоимения, дополняет содержание основной части: Бу тил йасын айдың, эшиттим *аны* 'Ты говорил о вреде языка, я слышал это' (КБ, XXII, 43/35); Нэ тэк йумутты бу эрдäм сэнга, Айу бәргил әмди *муны* сэн мэнга 'Каким образом собралась в тебе эта добродетель, расскажи мне об этом' (КБ, 70а/6). В некоторых случаях указанное местоимение заменяется именем, выражающим отвлеченное понятие: Күwäзлик билä көккä ағмас киши, Эшиткил бу сөзни ай бәклäр башы * 'Гордостью человек не может возвыситься до небес, Слушай же слово это, о, глава князей' (КБ, XXXI, 85/2).

2) Бессоюзные сложные предложения, выражающие атрибутивные отношения. Одна из частей предложения может выполнять атрибутивную функцию по отношению к другой части. Уточняющая часть сложного предложения, которая обычно следует за основной частью, определяет не только семантику определенного члена предложения, но и одновременно определяет, дополняет, характеризует или уточняет содержание основной части. Смысловая функция и структура уточняющей части определяется, главным образом, смыслом и структурой определяемого слова в основной части. Определяемое слово в составе основной части выражается в основном местоимением, существительным, числительным и прилагательным. В качестве определяющего слова чаще всего выступают местоимения *бу* или *ол*: Бу йаңлығ айалдын қачан ** бар вафā, Қылықы йаwуз ол қылынчы жафā 'Когда же от такой жены можно ожидать

---

* R. Arat: Kutadgu Bilig, I, metin (стр. 228).
** R. Arat: kacar (стр. 342).

верности, нрав ее плохой, поступки ее — [одно] мучение' (КБ, XLII, 197/8);... айды бу сөз '... сказал он такие слова, [которые]' (КБ, XLII, 99/17); Әр ол әр турур көр кишилär ара йўриб тил кўдäзсä бу булса төр ä 'Тот человек, кто следит за своим языком при людях и этим приобретает почет' (КБ, XLII, 199/12); Әр ол әр болур көр миң арзу булуб, Йәтўрсä ичўрсä чығайқа улаб ... 'Человек тот, кто, добившись осуществления тысячи своих желаний, поит и кормит бедных, раздает [свое богатство]' (КБ, 127а/14—15); Кәңäш бу йўри барғыл әмди қопуб '[Мой] совет таков: теперь встань и иди' (КБ, 129б/1); Сәwўглўг нышаны бу ол бәлгўлўг, Сәwўг аъйбы әрдäм болур әй кўлўк 'Примета любви заключается в том, что недостатки любимого кажутся достоинствами, о знаменитый' (КБ, 130а/6); Йитäр ол билигсиз барыр бу өтўн, Иши барча бузлур қобар көк түтўн 'Этот невежда исчезает в такое время, Когда все дела испорчены и поднимается серый дым' (КБ, XXVIII, 68/10).

Предложение с атрибутивной функцией может быть по своей структуре неполным: Бу йаңлығ киши булса әмди Әлик, Уқушлуғ билиглиг ywутлуғ силиг 'Если бы нашел Элик такого человека, который был бы умным, знающим, скромным и чистым' (КБ, XXXVI, 159/5).

В бессоюзных сложных конструкциях, где основная часть следует за уточняющей, выражается дополнительный смысловой оттенок обобщения: Бу йаңлығ болур әмди игдишчилäр 'Таковы теперь эти скотские лекари' (КБ, LII, 127/19).

В качестве определяемого слова в составе основной части могут употребляться местоимения *ол*, *мундағ*, *бу*, функционирующие в роли сказуемого: Өгрäйўги мундағ оқ, Атса ажун оғраб оқ, Тағлар башы кәртилўр 'Привычка [его] такова: Если судьба (букв.: мир) будет метко бить, то отломятся и вершины гор' (ДЛТ, I, 174/140); Тақы әрдä йигрäк эрäн ол турур, Миң арзу булуб бу өзин тыδса төрк 'Еще лучше тот человек среди людей, который, достигнув тысячи своих желаний, непременно держит себя в узде' (КБ, XLII, 201/5); Сөзўм бу усал болмағыл 'Мое слово таково: будь беспечным' (КБ, LXVII, 173/29); Ақылық ол әрмäс ўлäсä кўмўш 'Щедрость состоит не в том, [что человек] раздает серебро' (КБ, LXVII, 174/15); Тилäгим бу әрди умунчум бу оқ, Оқығлы мәңа бир дуа қылға * оқ 'Мое желание и моя надежда заключается [в том, чтобы] умеющий читать прочитал бы [за меня] молитву' (КБ, LXX, 183/37).

В тех случаях, когда необходимо обратить особое внимание на содержание основной части, местоимение-сказуемое в ней опускается: Йанут бәрди Одғурмыш айды сäбäб, өлўмўг түшўмдä йаруқ қылды раб 'Одгурмиш ответил и сказал: причина та, что господь во сне просветил меня относительно смерти' (Кб, LXIV,

* R. Arat: idgä (стр. 641).

170/34); Тақы бир сäбäб қолса оғлан билиг ‘Еще одна причина [заключается в том, что], если юноша добивается знаний...’ (КБ, 71а/4).

Определяемый член в составе основной части может быть выражен именем существительным. В этом случае уточняющая часть, выполняющая атрибутивную функцию, следует за основной и выражает следующие смысловые отношения: а) пояснение: Тəгўр мəниң cawымны билгäлигä ай, Тынур қалы ататса қысрақ сини тай ‘Передай мои слова, скажи знатокам, Если жеребенок станет конем, то успокоится кобыла’ (ДЛТ, I, 214/178—179); б) характеристику: Нəгў тəр əшитгил бөгў бəк тили, Бу бəклик ишиңä ол урмыш улы ‘Слушай, что говорят уста мудрого князя, он заложил основание делам государства’ (КБ, XXXIX, 173/15); Өгўш көрдўм əлдä бəдўмиш əриг, Болун қылды боғзы, түшəнди йəриг ‘Теперь я повидал много высокопоставленных людей, жадность (букв.: глотки) которых сделала их рабами и низвергла’ (КБ, LV, 131/2); в) свойство, качество, характер: Бу ғафлät турур көр уδытур кишиг ‘Это и есть нерадивость, [которая] усыпляет людей’ (КБ, LX, 149/9).

Характерными среди бессоюзных сложных предложений, выражающих атрибутивные отношения, являются такие конструкции, в которых вторая, уточняющая часть, имеет показатель принадлежности третьего лица, указывающий на связь обеих частей сложного предложения: Бириси битигчи хаты бəлгўлўг, Бириси йалawач тили ўлгўлўг ‘Одно [лицо] — писец, [его дело], известно,—письма, Другое [лицо]—посол, его дело — искусная речь’ (КБ, XXXV, 98/34); Өлўм бир тəңиз ол учы йоқ тўби ‘Смерть — это море без дна и конца’ (КБ, XXIV, 48/26); Аты əрди Өгдўлмиш аслы арығ ‘Имя его было Огдюлмиш, его происхождение благородное (букв.: чистое)’ (КБ, XXV, 49/10).

Определяемый член основной части может быть выражен именем прилагательным или числительным в функции определения или сказуемого: Уқуш орны üстўн мəңäдä турур ‘Место разума — вверху, в мозгу’ (КБ, XXVIII, 70/27); Бу əки кишигä кəрäк сөзлäсä, Бириси битигчи бириси вəзир ‘Этим двум людям [они] должны сказать, Один — писец, другой — визирь’ (КБ, XXXV, 97/19—20).

Уточняющая часть бессоюзного сложного предложения с атрибутивной функцией может представлять собой неполное предложение: Көни тəп айўрлар қайу ол көни, Көнилик қылығлы äмäнät кўни ‘Говорят — справедливый, но где тот справедливый? Справедливость должна свершиться в судный день’ (КБ, XXVIII, 67/7); Тақы бир саран ол кишидä или ‘Еще одно — алчный, самый низкий из людей’ (КБ, XXVII, 67/13).

3) Бессоюзные сложные предложения, выражающие субъектные отношения. Уточняющая часть предложения может выполнять функции субъекта по отношению к основной части: Қамуғ

нәңгә вақт ол күни бәлгүлүг ‘Время для всего — тот известный день’ (КБ, XXV, 51/34); Киши барча игләр көр әбгү болур ‘Все люди заболеют, будет хорошо’ (КБ, XXIV, 47/2); Йана айды Әлиг масалда кәлир: Уруғлуқ киши өлсә урғы қалыр ‘Снова сказал Элик: есть пословица: Если умирает человек, имеющий потомство, то потомки его остаются’ (КБ, XXVII, 64/6); Масалда кәлир қавуғ нең сәwүг болса ъайбы барыр ‘В пословице говорится, что если вещь любима, то ее недостатки не замечаются’ (КБ, 130а/3).

Как видно из примеров, уточняющая часть указанных конструкций может предшествовать основной или следовать за ней.

4) Бессоюзные сложные предложения, выражающие релятивные отношения. Уточняющая часть бессоюзного сложного предложения может выражать, как, каким образом осуществляется действие (или состояние), выраженное основной частью. Уточняющая часть может предшествовать основной или следовать за ней. Расположение частей имеет стилистико-смысловое назначение: если уотчняющая часть следует за основной, выражается дополнительный смысловой оттенок обобщения того, о чем сообщается в предыдущей части; если же уточняющая часть предшествует основной, выражается пояснительное отношение: а) Чықып әбгү йарлығ тәгүрсә тилин, әр ат көңли мундағ иситсә ҳалын * ‘Войдя, пусть объявляет добрые (букв.: хорошие) приказы, Пусть таким образом он согревает душу отряда’ (КБ, XXXIII, 93/38); б) Мәңа мундағ айды билиглиг бөгү ... ‘Так мне сказал мудрец...’ (КБ, XXII, 44/38).

Основным лексико-грамматическим средством, указывающим на релятивное отношение, является местоимение-наречие *мундағ*, употребляемое в составе главного предложения; оно выполняет функцию обстоятельства образа действия. В некоторых случаях указанное местоимение-наречие может быть опущено (но легко восстановлено по контексту). Вторая часть сложного предложения уточняет содержание местоимения *мундағ*.

Первая часть бессоюзного сложного предложения может выполнять обстоятельственную функцию по отношению к сказуемому второй части: Көңүл тил кичиг тутты, қылқы оңай, Йарашты қамуғ бирлә, кәчти күн ай ‘Язык и чувства его были безропотны, характер его приветлив, Со всеми он жил в мире и согласии, так проводил он [свою] жизнь (букв.: дни и месяцы)’ (КБ, XXVII, 66/9); Киши бол, кишигә кишилик қылын, Киши аты өгди өзүңгә алын ‘Будь человеком, поступай с людьми по-человечески, Добивайся таким образом [доброго] имени и похвалы человека’ (КБ, LXIII, 164/24); Йашы қысқа әсиз көрунмәс бу күн ‘Сегодня еще не видно, что у злодея короткая жизнь’ (КБ, XXI, 37/23).

---

* R. Arat: alin (стр. 267).

V. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ

В языке памятников употребляются бессоюзные сложные предложения, в которых одна из частей, обычно вторая, выражает дополнительное сообщение, связанное с содержанием первой, главной части. По смысловым отношениям составляющих их частей бессоюзные сложные предложения подобного типа имеют следующие разновидности.

1. Уточняющая часть выражает дополнительное сообщение или замечание, связанное с семантикой определенного члена основной части; этот определяемый член может наличествовать также в составе уточняющей части (или заменен местоимением), выполняя ту же функцию, которую он выполняет в основной части, или же выступать в другой функции. Если определяемый член опущен, его легко восстановить по контексту: Муңар мәңзätӱ сөзläди көр *уқуш*, *Уқуш* ишкä тутса көр асғы өкӱш ‘Разум произносит очень подходящие слова, Если возьмется за дело разум, то будет много пользы’ (КБ, XXVIII, 71/7); Муңар мәңзäйӱ кәлди * шаир *сөзи*, *Мунуң* маънысы уқса ачлур көзи ‘Соответственно этому дошли слова поэта, Если понять их смысл, то откроются глаза’ (КБ, XXIV, 48/24); Мәниш қылғучы мән, сән *иш көргӱчи*, *Ишиг көргӱчидин* билӱр қылғучы ‘Я исполнитель, ты — ведущий дело [или присматривающий за делом], Исполнитель учится у ведущего [присматривающего]’ (КБ, XXX, 74/27); Бу йалған кишиläр *вафāсыз* болур, *Вафāсыз* киши халққа тәңсиз қылур ‘Эти лживые люди бывают неверными, А неверный человек относится к народу по-разному’ (КБ, XXXI, 82/20); Муңар мәңзätӱ айды шаир бу *сөз*, Әшитгил *уны* сән айа әдгӱ өз ‘Соответственно этому сказал поэт это слово, послушай же его хорошенько’ (КБ, XXIV, 47/26); Нәгӱ тәр әшитгил бағырсақ киши, Бағырсақлық ол көр кишилик башы ‘Слушай, что говорит милосердный человек, милосердие — глава человечности’ (КБ, XXVI, 56/6); Йәмä йақшы аймыш билиглиг бәдӱк, Билигликкä тәкти өз ӱлги кәд өк ‘Очень хорошо сказал один знающий великий человек: у знающего своя хорошая мера’ (КБ, XXXII, 91/3); Ачығ cyw тәк көр ол бу дӱнйа нәңи, Нәчä ичсä, қанмас, өлӱмäс тили ‘Соленой водой считают богатство этого мира; Как бы много ты ни пил ее, она не утолит жажды, не увлажнится язык’ (КБ, XXV, 57/29).

Присоединительная часть в указанной разновидности бессоюзного сложного предложения может выражать дополнительное сообщение, связанное с семантикой подлежащего или сказуемого первой части: Әкинчи ywyt ол, ӱчинчи көни, Бу ӱч нәң билä әр булур қут кӱни ‘Второе — это стыд, третье — справедливость, Через эти три вещи человек найдет день счастья’ (КБ, XXVIII,

* R. Arat: mengzetü aydı (стр. 131).

65/6); Ким әбгү тилäсä ағыр йүк йүбäр, Ағыр йүк йүбүкли тилäкин күбäр 'Кто стремится к добру, тот берет тяжелый груз на себя, Кто переносит большой груз, тот заботится о своем желании' (КБ, XXIX, 72/10); Бу соқлуқ ик ол бир оты йоқ әми, Аны әмлäйүмäс бу ажун * қамы 'Алчность — это болезнь, против нее нет средства, Ее не мог бы вылечить шаман этого мира' (КБ, XXX, 76/31); Көңүл тутса қобқи ҳам елги ақы, Буларқа йарашы барырсақлықы 'Пусть чувство его будет смиренным, а рука щедрой, Что подходит ему, так это милосердие' (КБ, XXXI, 83/24).

Характерной особенностью бессоюзного сложного предложения, вторая часть которого выражает дополнительное сообщение, является соотношение временных значений сказуемых обеих частей. Сказуемое первой части сложного предложения указанного типа в основном выражается именем с абстрактной семантикой, требующей конкретизации и уточнения. Действия (состояния), выраженные сказуемыми обеих частей, осуществляются одновременно или последовательно.

2. Уточняющая часть сложного предложения выражает сообщение, связанное с семантикой глаголов восприятия *бақмақ, көрмäк*: Тәлим көрдүм әмди ағыр болмыш әр, Тыбумады боғзы үчүн болды йәр 'Я видел много признанных людей, Они не могли воздержаться и из-за своей жадности (букв.: глотки) умирали' (КБ, LV, 131/4); Тәлим байны көрдүм боғуз болнады, өзи болды мүфлис чығайлық йәди 'Я видел богатых, их глотка взяла верх, [Поэтому] они обеднели и жили в нищете' (КБ, LV, 131/3).

3. Вторая часть бессоюзного сложного предложения с присоединительной конструкцией может раскрывать отношение автора к содержанию первой части сложного предложения. При этом реализуются следующие модальные отношения:

1) пожелание: Ажун әрки болдуң, узун болсу йаш, әриж арзу** бирлä әсан болсу баш 'Ты стал волей мира, живи много лет, Да будет здорова твоя голова вместе с желанным покоем!' (КБ, XXI, 38/6); Әлик кәд йашасу қутабсу қутун, Йолуғ болсу жаным täним өз бүтүн 'Пусть Элик живет долго, будет счастлив, Да будет ему жертвой вся моя душа и мое тело' (КБ, LXVIII, 179/6);

2) уверенность: Көлүм қумы қопса қалы тамығ итäр, Көрсä аны билгä киши сөзгä бүтäр 'Если волны моего озера поднимутся, они разрушат дом, Если увидит это мудрый человек, поверит [моим] словам' (ДЛТ, III, 151/100);

3) оценка: Ҳавā бас уқуш бирлä нäфс бойнысы, Бу ол әр нышаны уқуш бөлгүси 'Подавляй гордость разумом, сломи шею страсти, Это приметы мужчины, признак рассудка' (КБ, LXVII, 176/1); Туруб чықты Одғурмыш ыбты тапуғ 'Тут стал Одгурмыш выше, [и этим] оказал услугу' (КБ, XLI, 190/17);

---

* R. Arat: dünya (стр. 218).
** R. Arat: edgu (стр. 111).

4) несоответствие, противопоставление: Ажун барча бӱтрӱ тӱгӓл артады, Көрӱп таңладачы қаны бир муны ‘Весь мир полностью испортился, Где тот, который это видит и удивляется?’ (КБ, LXX, 183/13);

5) заключение, вывод: Әкӓгӱн тоδуп көр кэчӓ йэттимиз, Кэчиб барды кэлмиш кӱнӱм сааты ‘Оба мы, насытившись, дождались вечера, Так прошли часы дней моих’ (КБ, XLIII, 103/8);

6) предупреждение: Бири әгрилик ол, қылынса өзи * ‘Первое— когда человек поступает несправедливо’ (КБ, XXXII, 92/31); Бириси әwӓклик бириси саран, ӱчинчи бушылық, сӓрин өз тиран ‘Одно — поспешность, другое — жадность, третье — гнев, терпи и сопротивляйся’ (КБ, XXXI, 83/12);

7) пояснение: Қылыч баш ӱзӓлӓ, масал бэклик ол ‘Меч над головой — это символ [образ] господства’ (КБ, XXX, 77/16);

8) отношение к объекту: Әлигкӓ тэгӱргил мэниңдин салам, Бу ахыр салам ол, ай билги тамам ‘Передай Элику от меня привет! Это мой последний привет, о ты, с совершенными знаниями’ (КБ, LXVII, 176/25); Өгӱм йэтмиши сөз битидим тӱгӓл, Оқығлы уқуғлы өзӱң ӱлги ал ‘Я записал полностью слова, на которые хватило моего разума, читающий и понимающий возьмет свою долю’ (КБ, LXX, 183/29); Әлигкӓ тэгӱргил қумарум бу ол ‘Передай [письмо] Элику, это мое завещание’ (КБ, XXVI, 60/17);

9) отношение к собственному высказыванию: Кишилик қылурқа киши бол туши, Киши мундағ урды кишилик улы ‘Будь полноценным человеком, чтобы поступать по-человечески, Так установил человек основу человечности’ (КБ, XXXI, 86/21); Ош ол йаңлуқсуз из барайын тэсӓ, Арылма, сөзиңӓ ош айдым кэсӓ ‘Не уставай бродить по той безошибочной тропе — это я сказал [в ответ] на твои слова’ (КБ, XXV, 52/6).

Модальное отношение между частями сложного предложения устанавливается смысловым соотношением частей сложного целого. В некоторых случаях для присоединения частей сложного предложения используются местоимения *аны*, *муны*, которые указывают на содержание предыдущей части сложного предложения и служат средством логической связи обеих частей сложного предложения: Төрӱттӱң әгиδтиң бэδӱттӱң мэни, Сэниң фазлың әрди, билир мэн аны ** ‘Ты сотворил меня, воспитал и вырастил, Это была твоя милость, это я знаю!’ (КБ, XXIV, 49/2); Ҷафā қылды дӱнйа қарытты *** бу қут, Сэни армасуни, муну сөзгӓ бӱт ‘Мир причинил страдания, построил это счастье, Пусть не препятствует тебе, поверь этим словам’ (КБ, XXV, 49/24).

---

* R. Arat: sikirtse özin (стр. 264).
** R. Arat: muni (стр. 132).
*** R. Arat: karidı (стр. 134).

Часть II

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ СРАВНЕНИЯ ЯЗЫКА «ҚУТАДҒУ БИЛИГ» СО СТАРОУЗБЕКСКИМ И СОВРЕМЕННЫМ УЗБЕКСКИМ ЯЗЫКОМ [1]

Для определения частоты употребления тех или иных сложных синтаксических конструкций и средств связи внутри них взяты в одинаковом объеме (8 п. л.) тексты из «Қутадғу билиг» (XI в.), «Бабурнамэ» (XVI в.) и «Синчалак»[2]. Сравнительный анализ этих текстов (статистические данные этого анализа даны в таблицах в конце книги) свидетельствует о постепенном развитии и совершенствовании синтаксической структуры узбекского литературного языка. Сравниваемые тексты представляют собой образцы различных литературных жанров, что, естественно, предопределяет не только стиль каждого из них, но и лексико-грамматическую структуру синтаксических конструкций и средства их грамматической связи. И хотя в этом отношении наши подсчеты в известной мере носят условный характер [3], они все же дают более или менее пра-

[1] На данном этапе развития тюркологии не представляется возможным делать конкретные выводы о закономерностях развития тюркского синтаксиса в целом. Приходится говорить лишь о синтаксической структуре языка определенного памятника, о некоторых тенденциях и направлении развития тюркского синтаксиса.

[2] «Синчалак» («Птичка-невеличка») — повесть известного узбекского прозаика Абдуллы Каххара — считается образцом современного узбекского литературного языка, отражающего в то же время богатство и своеобразие живой речи.

[3] Например, в написанном так называемым тюркским арузом КБ сумма простых и сложных предложений оказалась больше, чем в языке прозаических произведений БН (Бабурнамэ) и Синч (Синчалак) — 4323 : 3957: 3828 (см. ниже сноску 5), в то время как простых предложений — меньше (557:1761:1487), чем сложных (3767:2196: 2319).

вильное представление о формировании и развитии сложных синтаксических конструкций одного из тюркских языков — узбекского [4].

На основании сравнительного изучения языка названных выше произведений мы пришли к следующим выводам.

1. Бессоюзные сложные предложения представляют собой самую употребительную конструкцию в языке «Қутадғу билиг» (2398 : 657 : 1225)[5]. Это объясняется не столько своеобразным стилем памятника, сколько слабым развитием лексических и лексико-грамматических средств языка XI в. Значительно меньшее количество конструкций бессоюзных предложений по сравнению с современным узбекским языком в языке БН (657 : : 1222) объясняется следующими факторами. В языке БН большое место занимают сложные предложения с подчинительными и сочинительными союзами и союзными словами. В современном узбекском языке широкое употребление получили сложно-подчиненные предложения, сказуемое зависимой части которых выражено причастной формой.

Самым распространенным типом бессоюзных сложных предложений в языке КБ были предложения с пояснительным смысловым отношением (828 : 197 : 609), а также бессоюзные сложные предложения со смысловым отношением перечисления (615 : 131 : 127). Употребление сложного предложения, в обеих частях которого сказуемое выражалось глагольными и именными формами, не идентичными в отношении времени,— было одной из характерных особенностей языка XI в.

В современном узбекском языке дальнейшее развитие по сравнению со староузбекским получили бессоюзные сложные предложения, вторая часть которых выражает причину (15 : 113), а также предложения с пояснительными (197 : 609) и сопоставительными (97 : 187) смысловыми отношениями. Почти в два раза сократилось употребление предложений с причинно-следственным семантическим отношением (159 : 74). Предложения со значением следствия и уподобления в современном языке встречаются значительно реже, чем в староузбекском и старотюркских языках.

Сравнительный анализ показывает, что наиболее продуктивной конструкцией в языке памятников было бессоюзное сложное предложение. Сравнительно меньше таких предложений в современном узбекском языке, что объясняется широким развитием союзных синтаксических конструкций.

---

[4] Некоторые синтаксические конструкции и средства их связи могли не встретиться в сравниваемых частях исследуемых произведений.

[5] Первая цифра в скобке указывает, сколько раз встречается та или иная конструкция в КБ, вторая — в БН и третья—в Снч.

2. Сложносочиненное предложение употребляется реже, чем другие типы сложных предложений (2,9%:10,8%:9,8%). Сравнительное изучение сложносочиненных предложений показывает постепенно растущую продуктивность и совершенствование этого типа сложного предложения (107 : 239 : 230). Более широкое функционирование конструкций сложносочиненных предложений в староузбекском языке (БН) по сравнению со старотюркским языком (КБ) объясняется использованием конструкций с противительным союзом *вäле* (3 : 30), присоединительными союзами *вä* (0 : 24) и *ҳäм* (25 : 84), а также конструкций с союзным словом *йана* (10 : 74). С другой стороны, в староузбекском языке выходят из употребления некоторые союзы, используемые в языке КБ. В современном узбекском языке полностью оформляются сложносочиненные предложения с союзами *лəкин* (0 : 0 : 94), *бирāқ* (0 : 0 : 37) и особенно с частицами *-у// -ю*, *-да* (0 : 0 : 65). Следовательно, в употреблении сочинительных союзов (68 : 146 : 155) наблюдается исчезновение одних союзов (*азу*, *ара//арала*, *ма*), сужение функций других (*мäгäр*) и расширение функций и частоты употребления третьих — *вäле*, *лəкин*, *бирāқ*, *аммā*. При сравнении современного узбекского языка с языком БН наблюдается ограничение употребления сочинительных союзов *вä* (24 : 17) и *ҳам* (84 : 1). В частоте употребления разделительных союзов *йā*, *йāки*, *нə* не наблюдается существенных изменений. Союз *йā* в языке КБ образует сложные предложения как с разделительными, так и с перечислительными смысловыми отношениями.

В староузбекском языке употребление сложносочиненных предложений, образованных союзными словами, намного увеличивается (39 : 93). Это увеличение происходит за счет широкого использования союзного слова *йана* (10: 74). Между тем, исчезают из употребления *йəмä*, *кəрäк*, которые уже в языке БН не используются в указанной функции. В современном узбекском языке крайне ограничено употребление сложносочиненных предложений с союзными словами. Так, например, совершенно не встречаются союзные слова *тақы//дағы*, *йəмä*, *йоқ эрсä*; союзные слова *йана* и *кəрäк* употребляются в функции наречий или модальных слов. С другой стороны, наблюдается увеличение сложносочиненных предложений, образованных союзными словами *эсä*, *болса*, *болмаса*.

В современном узбекском языке широко употребляются и сложносочиненные предложения, образованные частицами *-у// -ю*, *-да* (65), функции которых ограничены в языке КБ и БН.

3. Сложноподчиненное предложение. Количество конструкций сложноподчиненных предложений в староузбекском языке (БН) по сравнению со старотюркским языком (КБ) увеличивается. В тексте БН наблюдается широкое употребление придаточных предложений, присоединяемых к главному союзом *-ким* и *-ки* (9 : 648). Однако другие типы сложноподч-

чиненных предложений в языке КБ встречаются чаще, чем в БН. Например, придаточные предложения со сказуемым, выраженным условной формой глагола, и придаточные предложения с относительным местоимением в КБ употребляются шире не только в сравнении с языком БН, но и в сравнении с современным узбекским языком (683 : 66 : 235; 320 : 111 : 38).

В современном узбекском значительно увеличился удельный вес придаточных предложений, сказуемые которых выражены причастием на *-ған//-қан//-кән* (0 : 171 : 272), и придаточных предложений, присоединяемых к главному посредством союзного слова *де-* (32 : 12 : 146). Эволюция придаточных предложений со сказуемым, выраженным причастием в основном падеже— 32 : 31 : 36. Выходят из употребления придаточные предложения, сказуемое которых выражено глагольным именем на *-дуқ*, *-ғу//-қу//-гӱ*, *-мыш//-миш*, *-с*, *-ды* (19 : 0 : 0), и падает употребление придаточных предложений со сказуемым, выраженным именем с недостаточным глаголом *әркән//әрди* (11 : 0 : 0). Употребление придаточных предложений со сказуемыми, выраженными причастием на *-ған//-қан//-гән//-кән*, характеризуется отношением 0 : 25 : 22. В современном языке в функции сказуемого придаточных предложений используются новые причастные формы — на *-(а)ётган*, *-дигән* (0 : 0 : 12).

Возросло употребление придаточных предложений, сказуемое которых выражено причастием (главным образом на *-ган*) с послелогами (12 : 17 : 55). Однако частота употребления причастия-сказуемого, управляемого служебными словами, в современном языке почти не отличается от частоты его употребления в языке БН, но значительно превосходит язык КБ (9 : 61 : 66). Это объясняется тем, что многие слова, выполнявшие функции служебных слов (*өдтӓ*, *аййӓм*, *йосунлуқ*, *ашну* и др.), а также причастная форма на *-р*, управляемая союзными словами, вышли из употребления.

Значительны изменения в употреблении придаточных предложений, сказуемые которых выражены причастием (глагольным именем) в форме пространственных падежей (16 : 105 : 119), главным образом причастием в форме местного падежа (14 : 96 : : 109). Большой интерес представляет применение аффикса принадлежности в составе причастия. Употребление в БН причастия на *-ган...* с аффиксом принадлежности значительно уступает современному языку (БН: с аффиксом принадлежности — 2, без них — 71; Снч: с аффиксом принадлежности — 27, без них — 82).

Причастие (глагольное имя) с недостаточным глаголом *әрди* или *ә(р)кән* выступает в функции сказуемого как в языке КБ, так и в языке Снч (6 : 8). Однако в языке БН указанную форму мы не встретили в функции сказуемого придаточного предложения.

Если в современном узбекском языке в функции сказуемого придаточного предложения выступает в основном причастие на *-ган...*, то в языке КБ в указанной функции выступают глагольные имена на *-гу*, *-дуқ//-дўқ*, *-мыш//-миш* (20 : 0 : 0) и в отдельных случаях — на *-р*. Последняя форма очень часто используется в функции сказуемого придаточного предложения в языке БН (18 : 27 : : 0).

В староузбекском языке значительно возросло по сравнению со старотюркским употребление придаточных предложений, сказуемые которых выражены деепричастием (главным образом, деепричастиями на *-гач*, *-ма* + *й*, *-а//-ä*, *-галы* — 17 : 113). В тексте КБ не встретилось ни одного примера, где сказуемое придаточного предложения было бы выражено указанными формами деепричастий. В современном узбекском языке наблюдается значительное уменьшение числа придаточных предложений с деепричастным сказуемым, например на *-гунча//қунча//-гўнчä* — (28: : 11), на *-гач//-қäч//-гäч/ /-қäч* (46 : 6), на *-а//-ä* (13 : 0), на *-галы* (1 : 0). Более широко употребляются в функции сказуемого деепричастия на *-(и)б* (42 : 68).

В языке КБ часто используются придаточные предложения, сказуемое которых выражено условной формой глагола, что в значительной степени объясняется своеобразием стиля этого произведения. Употребление таких предложений в языке БН значительно сокращается за счет широкого использования подчинительных союзов. В современном узбекском языке количество придаточных предложений со сказуемым, выраженным условной формой глагола, значительно возрастает (683 : 66 : 235). Это объясняется широким функционированием уступительной конструкции со сказуемым, выраженным условной формой глагола с союзом-частицей *ҳам* (*-са ҳам*), которая не встречается в КБ и крайне редко используется в языке БН (0 : 1 : 62). Своеобразная условная форма, употребляемая в КБ (*-ди эрсä*, имя + *эрсä*, *-сä эмиш*), в языке БН не встречается (80 : 0 : 0).

В современном узбекском языке употребляются придаточные предложения, сказуемое которых выражено глаголом повелительного наклонения и именем действия на *-(и)ш* с послелогами *билäн* и *қарамай*. Придаточные предложения первого типа в языке КБ и БН встречаются крайне редко (1 : 1 : 16); придаточные предложения второго типа — не встречаются (0 : 0 : 16). В КБ нам встретилось только одно придаточное предложение, сказуемое которого выражено именем действия на *-мäк* с аффиксами принадлежности и винительного падежа.

Предпринятое нами сравнительное исследование свидетельствует о постепенном уменьшении употребления придаточных предложений с относительными и указательными местоимениями (320 : 111 : 38). Отдельные относительные и указательные ме-

стоимения вышли из употребления еще в языке БН (*ким эрсä, нəгӯ тəк, нə тəк, нəгӯ ким, нə, тəк ким*).

Придаточные предложения с относительными и указательными местоимениями существенно отличаются не только частотою употребления, но и формами выражения сказуемых. Если в языке КБ сказуемые предложений указанного типа в основном выражены глаголом условной формы (259 примеров) или имеют самостоятельную форму (60 примеров), то в языке БН они имеют главным образом самостоятельную форму и присоединяются к главному предложению союзами *-ким* и *-ки* (62 примера). В КБ конструкции, сказуемые которых присоединяются союзами *-ким* и *-ки*, встречаются лишь по одному разу. Относительные придаточные предложения с самостоятельной формой сказуемого или сказуемым, выраженным условной формой глагола, в языке БН встречаются приблизительно в равных количествах (25 и 24 примера). В современном узбекском языке сказуемые относительных придаточных предложений в основном выражаются условной формой глагола (22 примера) или присоединяются к главному посредством союза *-ки* (16 примеров). Почти не употребляются относительные придаточные предложения, сказуемые которых выражены личной формой глагола или именными частями речи.

Придаточные предложения, присоединяемые к главному предложению посредством подчинительных союзов, в современном языке употребляются реже, чем в языке КБ и БН (119: 757: 56). Это объясняется тем, что отдельные подчинительные союзы (*қалы, абаң, кəрäк, чӯн*) вышли из употребления. Особенно заметное уменьшение по сравнению со староузбекским языком (648 : 11) наблюдается в употреблении союзов *-ким* и *-ки*, хотя их функции в старотюркском языке также были ограничены (всего 9 примеров). Основную часть придаточных предложений в языке БН занимают придаточные, присоединяемые к главному посредством союзов *-ким* и *-ки* (соотношение придаточных предложений без союзов *-ким* и *-ки* составляет 110 : 109 : 45).

Наблюдается постепенное увеличение удельного веса придаточных предложений, присоединяемых к главному посредством союзных слов (36 : 62 : 184). Рост продуктивности подобных придаточных предложений идет за счет союзного слова *де-* (32 : 12 : 146), разнообразные формы которого широко употребляются в современном узбекском языке. В БН союзное слово *де-* встречается значительно реже по сравнению не только с современным языком, но и со старотюркским. В современном узбекском языке вышли из употребления союзные слова, употребляемые в староузбекском (*нəчӯкким, нə ӯчӯнким, нəчӯнким, бāвуҷуди ким*); одновременно расширилась функция союзных слов *шӯнинг ӯчӯн, мāдāмики* и появилось новое союзное слово *нəгä дəсäнгиз*.

Сравнительный анализ языка рассмотренных памятников го-

ворит о постепенной дифференциации и конкретизации как смысловых отношений частей сложного предложения, так и лексико-грамматических средств, служащих для их связи. Развитие синтаксической структуры непосредственно связано с изменениями в области морфологии и лексики языка. Определенную роль в развитии синтаксической структуры играет влияние других (родственных и неродственных) языков. Однако эта роль не является решающей в развитии синтаксической структуры: заимствованные средства связи и конструкции, аналогичные конструкциям неродственных языков, постепенно вытесняются и заменяются средствами связи и конструкциями родного языка.

Таблица № 1

Простые и сложные предложения

Вид предложения	КБ			БН			Снч		
	Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
		а *	б *		а	б		а	б
Простые и сложные	4323			3957			3855		
Простые	556	12,8	14,7	1761	44,5	80	1487	38,6	62,7
Сложные	3767	87,2		2196	55,5		2368	61,4	
1. Бессоюзные	2398		63,6	657		29,9	1222		51,2
2. Сложноподчиненные	1262		33,5	1325		60,3	916		38,7
3. Сложносочиненные	107		2,9	239		10,8	230		9,8

* а) к простым и сложным предложениям, б) к сложным предложениям.

Таблица 2

Бессоюзные сложные предложения

Значение	Время сказуемых частей предложения	КВ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а *	б *		а	б		а	б
Перечисление		**615**	16,3	25,5	**131**	5,9	20	**127**	5,3	10,4
	1. Одинаковые временные значения:	579			128			123	5,34	11
	прошедшее время	110			69			72		
	настоящее время	338			54			47		
	будущее время	131			5			4		
	2. Разные временные значения	36			3			4	0,17	0,35
Сопоставление		**412**	10,9	17,2	**97**	4,4	14,7	**189**	8	15,4
	1. Одинаковые временные значения:	385			94			125		
	прошедшее время	77			58			81		
	настоящее время	244			27			38		
	будущее время	64			9			2		
	2. Разные временные значения	127			3			14		
Причина и следствие		**228**	6	9,5	**159**	7,2	24,2	**74**	3,1	6
	Одинаковые временные значения:	118			141			58	2,4	4,7
	прошедшее время	59			124			41		
	настоящее время	45			17			8		
	будущее время	14			—			9		
	2. Разные временные значения	110			18			16	0,7	1,43

Таблица 2 (продолжение)

Значение	Время сказуемых частей предложения	КБ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а *	б *		а	б		а	б
Причина-следствие-время (*-иб, -р~ -с эди*)	Одинаковые временные значения:									
	прошедшее время	**1**			**32**	1,46	5	—		
Вторая часть — причина		**211**	5,7	8,8	**15**	0,7	2,2	**113**	4,8	9,3
Пояснение		**828**	22	34,5	**197**	9	30	**609**	25,7	50
	1. Дополнение:	364			13	0,6	2,28	453	2,55	5,26
	пояснение сказуемого	106			7			53		
	пояснение местоимения	101			—			6		
	прямая речь	257	6,8	1	6			394	17	35,24
	2. Определение:	250	6,6	10,4	130	5,9	20	99	4,2	8
	пояснение существительного	80			68			75		
	пояснение местоимения	54			39			15		
	пояснение прилагательного и числительного	39			2			—		
	особые конструкции	77			21			9		
	3. Подлежащее	8			2			2		
	4. Обстоятельство	11			2			1		
	5. Общее пояснение	195	5,2	8,1	40	1,14	6	54	2,3	4,5
Условие-время		**32**	0,9	1,3	4	0,18	0,6	6	0,26	0,5
Цель		**43**	1,3	1,8	6	0,27	1,05	4	0,173	0,353
Время		**7**			**15**	0,68	2,64	—	—	
Уподобление		**11**			—			—	—	
Следствие		**15**	0,4	0,6	—			—	—	

* а) к сложным предложениям, б) к бессоюзным сложным предложениям.

Таблица 3

Сложносочиненные предложения

Средства связи в сложносочиненных предложениях

Средство связи	Значение	КБ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а *	б *		а	б		а	б
I. Сочинительные союзы		68	2,8	62,2	146	6,6	61	155	6,5	67
1. азу	Разделение	5			—			—		
2. ара//арала	»	6			—			—		
3. ма	Присоединение	17			—			—		
4. мәгәр	Присоединение и противопоставление	7			—			—		
5. вәләкин (КБ),валә(БН)	Сопоставление	3			30	1,37	12,6	—		
6. ләкин	»	—			—			94	4	40,5
7. бирәк	»	—			—			37	1,5	16
8. аммә	»	—			—			1		
9. бәлки	»	—			4			—		
10. вә		—			24	1,1	10	17	0,7	7,3
	Перечисление	—			13			12		
	Причина и следствие	—			2			3		
	Пояснение	—			9			2		
11. йә	Перечисление	2			—			—		
	Разделительные	3			1			2		
12. йәки	Разделение	—						2		

Таблица 3 (продолжение)

Средство связи	Значение	КБ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а *	б *		а	б		а	б
13. ҳам	Присоединение	25	0,66	23	84	3,83	35	1		
14. пә//на	Присоединение и разделение	—			3			1		
II. Слова в роли сочинительных союзов		30	1,03	36,4	93	4,24	6,7	10	0,4	4,4
1. тақы//дағы	Присоединение и перечисление	14	0,36	13	15	0,7	6,3	—		
2. йәмә	То же	9			—			—		
3. кәрәк	Разделение	2			—			—		
4. йана	Присоединение и перечисление	10	0,3	9,3	74	3,37	31	—		
	Разделение	1			—			—		
5. йоқ, әрсә (КБ, БН), йоқса (Снч)	Сопоставление	3			4			1		
6. болса, болмаса	»	—			—			4		
7. эса	»	—			—			5		
III. Частицы		—			—			65	2,8	28,7
1. -у//-ю	Сопоставление, причина и следствие, перечисление	—			—			55		
2. -да	Перечисление, причина и следствие	—			—			10		

* а) к сложным предложениям, б) к сложно-сочиненным предложениям.

Таблица 4

Сложноподчиненные предложения

Причастие в функции сказуемого придаточного предложения

Форма	Оформление	КБ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а *	б *		а	б		а	б
	I. В форме основного падежа	32	0,85	2,5	31	1,37	2,3	36	1,1	3,9
1. -дуқ		2			—			—		
2. -ғу//-қу//гӱ		4			—			—		
3. -мыш//-миш		9			—			—		
4. -с		3			—			—		
«. -ди		1			—			—		
6. -ған//-қан//кән//-гән		—			25			22		
7. -(а)ётган		—			—			4		
8. -дигән		—			—			8		
9. -(у)р		2			6			—		
10. -р-мас		—			—			2		
11. ркән, әрди	(в составе именного сказуемого)	11			—			—		
	II. С послелогами	12	0,3	1	17	0,77	1,3	55	2,3	6
1. -дуқ	тәк	1			—			—		
-дуқуң	ӱчӱн	1			—			—		
2. мишиндән	бәру	2			—			—		
	көрӱ	1			—			—		
-мыш//миш	ӱчӱн	4			—			—		
	тәк	1			—			—		

Таблица 4 (продолжение)

Форма	Оформление	КБ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а *	б *		а	б		а	б
3. -(у)р	ўчўн	1			1			—		
	тәк	1			—			—		
4. -ған//-қан//-кән//-гән	ўчўн:									
	с афф. принадлежн.	—			2			19		
	без афф. принадлежн.	—			4			—		
	тәк//дай	—			2			15		
	-ча	—			—			4		
	билә	—			5			—		
	сари	—			1			—		
	бәри	—			1			6		
	сайин, қарамай, көрә, сингари	—			1			11		
	III. Со служебными словами	9	0,23	0,7	61	2,77	4,6	66	2,7	7,2
1. -мыш//-миш	өдиндә	1			—			—		
2. -ған//-қан//-кән-гән	пайт, вақт, тақдир(-да)	—			—			18		
	ҳәл(-да)	—			—			4		
	күн, йил, жәй	—			—			6		
	кәйин	—			25			37		
	маҳал(-да)	—			3			1		
	жиҳат(-дин)	—			7			—		
	бурун	—			1			—		

Таблица 4 (продолжение)

Форма	Оформление	КБ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а *	б *		а	б		а	б
	фурсат(-да)	—			3			—		
	чāғ//қ(-да)	—			2			—		
	аййāм, йили, йусунлуқ, сабабли	—			4			—		
3. -(у)р	өдтä	3			—			—		
	жиҳат(-дин)	—			2			—		
	маҳал(-да)	—			10			—		
	фурсат(-да)	—			1			—		
	чағ//қ(-да)	—			1			—		
	вақт(-да)	—			1			—		
4. -сдан	ашну	5			—			—		
	бурун	—			1			—		
	IV. В форме падежей	16	0,42	1,26	105	4,8	7,5	119	5,13	13
1. -мыш/-миш	1) дательно-направит.	2	—	—	—	—	—	—		
	2) местно-временной	14	0,37	1,1	96	4,3	7	109	4,6	11,9
2. -дуқ	с афф. принадлежн.	1			—			—		
	без афф. принадлежн.	4			—			—		
3. -мыш//-миш	то же	1			—			—		
4. -(у)р	то же	8			10			—		
5. -ған//-қан//-кän//-гän	то же	—			71			82		
6. әкän	с афф. принадлежн.	—			2			27		
	без афф. принадлежн.	—			13			—		

Таблица 4 (продолжение)

Форма	Оформление	КБ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а *	б *		а	б		а	б
	3) исходный	—			9			10		
7. -ған//-қан//-кän//-гän	без афф. принадлежн.	—			7			—		
	с афф. принадлежн.	—			2			8		
8. -масдан	без афф. принадлежн.	—			—			2		
	V. С частицей *-му*									
1. -(у)р		—			1			—		
	VI. С недостаточным глаголом	6			—			8		
1. -ди	әрди	1			—			—		
2. -(а, у) р	әркän	5			—			7		
3. -мас	экän	—			—			1		
Всего придаточных предложений, сказуемое которых выражено причастием:		75	2	6	215	9,78	16	284	12	31
1) -ған//-қан//-кän//гän		—			171	7,7	12,9	272	11,5	30
2) другие формы		75	2	6	44	2,01	3,1	12	0,5	1

* а) к сложным предложениям, б) к сложноподчиненным предложениям.

Таблица 5

Деепричастие в функции сказуемого придаточного предложения

Форма	Значение придаточного предложения	КБ				БН				Снч			
		Количество	Процентное отношение			Количество	Процентное отношение			Количество	Процентное отношение		
			а *	б *	в *		а	б	в		а	б	в
1. -(и) б		9	0,24	0,7	37	42	1,9	3	31,5	68	2,9	7,4	78
	Причина и следствие	3				11				29			
	Сопоставление	—				3				—			
	Уступительность	—				2				—			
	Образ действия	5				4				18			
	Время	—				4				9			
	Условие	—				1				—			
	Промежуточная конструкция	1				17				12			
2. -ғынча//-гинча (КБ), -ғунча//-қунча//-кӱнчә//-гӱнчә		18	0,5	1,5	63	28	1,28	2	21	11	0,5	1,2	12,6
	Время	18				26				11			
	Сопоставление	—				1				—			
	Определение	—				1				—			
3. -ғач//-қач//-кӓч//-гӓч	Время	—				46	2,1	3,4	34,6	6	0,26	0,7	7
4. -май							3				2		
	Условно-временное	—					1				1		
	Время	—					1				1		
	Промежуточная конструкция	—					1				—		
5. -а//-ӓ	Время	—					13	0,6	0,98	9,8	—		
6. -ғали	Причина	—					1				—		
Всего (придаточных предложений, сказуемое которых выражено деепричастием):			27	0,7	2,1		133	6	9,6		87	3,6	9,5

* а) к сложным предложениям, б) к сложноподчиненным предложениям, в) к сложноподчиненным предложениям, в которых сказуемое придаточного выражено деепричастием

Таблица 6

Условная форма глагола в функции сказуемого придаточного предложения

Форма	Значение придаточного предложения	КБ				БН				Снч			
		Количество	Процентное отношение			Количество	Процентное отношение			Количество	Процентное отношение		
			а *	б *	в *		а	б	в		а	б	в
1. -са		601	16	47,7	88,3	57	2,6	4,5	86	173	7,3	18,8	73,6
	Условие	487				27				84			
	Условно-временное	56				12				25			
	Сопоставление	9				4				17			
	Время	9				2				2			
	Пояснение	16				7				45			
	Уподобление	1				—				—			
	Уступительность	9				5				—			
	Ирреальное условие	14				—				—			
2. -са ҳам		—				1				62	2,6	6,7	26
	Уступительность	—				1				61			
	Условие	—				—				1			
3. -ди әрсä	Время	31	0,8	2,4	4,5	—				—			
	Ирреальное условие	4				—				—			
4. имя + әрсä	Условие	44	1,1	3,5	6,4	—				—			
5. -са әмиш	»	1				—				—			
6. -са әди	Ирреальное условие	—				8				—			
Всего:		681	17,9	53,6	99,2	67	2,6	4,5	86	235	9,9	25,5	99,6

* а) к сложным предложениям, б) к сложноподчиненным предложениям; в) к сложноподчиненным предложениям, в которых сказуемое придаточных выражено условной формой глагола.

Таблица 7

Форма повелительного наклонения и имя действия в функции сказуемого придаточного предложения

Форма	Оформление	Значение придаточного предложения	КВ			БН			Снч		
			Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
				а *	б *		а	б		а	б
Повелительное наклонение глагола			1			1			16	0,67	1,7
1-е л.		уступительность,	1			—			—		
2-е л.		сопоставление	—			1			8		
3-е л. (-син)	С послелогом ўчўн	Цель	—			—			4		
Имя действия			1			—			16	0,67	1,7
1. -мақ	С афф. принадлежности и винительного пад.	Дополнение	1			—			—		
2. -(и)ш	С притяжательным афф. + *билäн*	Время	—			—			12		
	Без притяжательного афф. + *билäн*	Время	—			—			1		
	Притяжательный афф. + *қарамай* (-ишигä *қарамай*)	Уступительность	—			—			3		

* Здесь и далее см. сноску к предыдущей таблице.

Таблица 8

Относительные и указательные местоимения в придаточных предложениях

Местоимения	Сказуемое и средства связи	КБ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а	б		а	б		а	б
	I. Самостоятельная форма глагола	60	1,6	4,7	24	1	1,7	—		
1. ким		1			—			—		
2. нә		7			—			—		
3. нәтәк		1			—			—		
4. нәгүй		48			—			—		
5. нәгүй тәк		2			—			—		
6. қайу		6			—			—		
7. нә тәк ким		2			—			—		
8. ҳар ким, ҳар кимни ким, ҳар кимгә ким		—			7			—		
9. нә ким, ҳар нимә ким		—			4			—		
10. нәчүк ким		—			1			—		
11. ҳар нәчә		—			3			—		
12. андāқ ким, андақә		—			8			—		
13. ул		3			—			—		
14. ул мартабада ким		—			1			—		
	II. С союзом *-ким//-ки*	1			62	2,8	4,6	16	0,7	1,7
1. аны тәк		1			—			—		
2. андақ		—			27			—		
3. мундāқ		—			4			—		
4. бу, ол		—			14			—		

Таблица 8 (продолжение)

Местоимения	Сказуемое и средства связи	КБ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а	б		а	б		а	б
5. мунча (уш мунча)		—			17			—		
6. нимä		—			—			1		
7. нəчук		—			—			2		
8. шу		—			—			5		
9. шундай		—			—			6		
10. шўнчä, шу қадар		—			—			2		
	III. Условная форма глагола	259	6,8	2,5	25	1,1	1,8	22	0,9	2,4
1. ким		18			1			—		
2. ким	С падежными формами	58			—			—		
3. ким эрсä		8			—			—		
4. нəгў		24			—			—		
5. нəгў тəк		1			—			—		
6. нə тəк		1			—			—		
7. қайу		57			—			—		
8. қайу (с падежными аффиксами)		30			—			—		
9. нə		5			—			—		
10. нəчä		45			—			—		
11. қачан		5			—			—		
12. қанча		2			—			—		
13. нə ким		1			—			—		
14. нəгў ким		1			—			—		

Таблица 8 (продолжение)

Местоимения	Сказуемое и средства связи	КБ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а	б		а	б		а	б
15. нә тәк ким		1			—			—		
16. нәчә ким		1			—			—		
17. қайу ким		1			—			—		
18. ҳар ким, ҳар кимки, ҳар кищи		—			13			—		
19. ҳар нә		—			3			—		
20. ҳар қайси		—			1			—		
21. ҳар йәрдә, ҳар сариға		—			4			—		
22. ҳар қачан		—			2			—		
23. ҳар қанча		—			1			—		
24. нимә		—			—			8		
25. қанчалик		—			—			3		
26. шунчалик, қайәрга, қачан, қайсы, қандай, қанақа, нақадар, бирав		—			—			11		
Всего относительных и указательных местоимений:		320	8,5	25,3	111	5	8,4	38	1,6	4,1

Подчинительные союзы в сложноподчиненных предложениях

Таблица 9

Союзы	Особенности сказуемого придаточного предложения	Значение придаточного предложения	КВ			БН			Сич		
			Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
				а	б		а	б		а	б
1. қалы	Условная форма глагола	Условие-время	98			—			—		
2. абаң	»	»	4			—			—		
3. кәрәк	Самостоятельная форма	Уступительность	2			—			—		
4. чӱн	»		—			56	38,3	60	—		
		Причина				51					
	»	Уступительность				2					
	»	Время				3					
5. чӱнки	»	Причина	—			—			27		
6. ägär, ägärči, gärči			4			48	2,65	4,15	18		
а) ägär	Условная форма глагола	Условие	4			13			17		
б) ägärči, gärči	Самостоятельная форма	Уступительность	—			35			1		
7. tā	*Изъявительное наклонение на -gaй...*	Время	—			1			—		
		Цель	—			3			—		
	Деепричастие на -gӱnčä	Время				1			—		
8. -ким (-ки)	Самостоятельная форма		9			648	30	48,9	11	0,4	1,2
		Определение	3			330	15	23,8	2		
		Сказуемое	2			37	1,68	2,66	5		
		Подлежащее	1			31	1,41	2,24	1		
		Дополнение	1			93	4,24	6,7	2		
		Цель				56	2,56	4	—		
		Время				35	1,6	2,5	—		
		Следствие				22	1	1,58	—		
		Причина				17	1,776	1,22	—		
		Уступительность				2	0,091	0,144	1		
		Место				4	0,182	0,067	—		
		Условие	1			2	0,091	0,144	—		
		Конструкции, близкие к сложносочиненным предложениям	1			19	2,24	3,5	—		
Всего (придаточных предложений с подчинительными союзами):			119	3	9,4	757	34,4	57	56	2,3	6,2

Таблица 10

Слова в роли подчинительных союзов в сложноподчиненных предложениях

Слова	Особенности сказуемого придаточного предложения	Значение придаточного предложения	КБ			БН			Снч		
			Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
				а	б		а	б		а	б
1. нәчӱкким	Самостоятельная форма	Пояснение-причина	—			22			—		
2. нә ӱчӱнким	То же	То же	—			4					
3. нәчӱнким, нәгаким	»	»	—			2			—х		
4. бāвуҗуди (ким)	»	Уступительность	—			—12			—		
5. шунинг ӱчӱн	»	Причина	—			—х			26		
6. мāдāмики	Причастие + недостаточный глагол (*-р экāн*)	Условие, определение, подлежащее, уступительность	—			—х			10		
7. нәгä дәсāҥиз	Самостоятельная форма	Причина	—			—			2		
8. ӱчӱн	Именное сказуемое	Причина	3			5			—х		
9. -му	Самостоятельная форма	Условие-время	1			—х			—х		
10. ёйи ишāрат	»	Определение	—			5			—		

Таблица 11

Союзное слово тә-//де- в сложноподчиненных предложениях

Союзное слово	Вид придаточного предложения	КВ			БН			Снч		
		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение		Количество	Процентное отношение	
			а	б		а	б		а	в
1. тәйӯ	Дополнение	10			—			—		
2. тәдӯкӯң	Подлежащее	1			—			—		
3. тәкӯчи	Дополнение	2			—			—		
4. тәб//дәб	Дополнение	16			12			47		
	Причина	—			—			3		
5. тәсä//дәсä	Время-условие	16			—			8		
6. дәгän	Определение	—			—			74	3,2	7,6
7. дәгäни	Дополнение	—			—			3		
8. дәгäнгä	»	—			—			2		
9. дәгändä	Время	—			—			4		
10. дәгändäй	Сопоставление	—			—			2		
11. дәгӯнчä	Время	—			—			1		
12. дәйишни	Дополнение	—			—			1		
13. дәйишдä	»	—			—			1		
Всего (придаточных предложений с союзным словом *тә-//де-*):		45			12			146		
Всего (придаточных предложений с союзными словами):		49	1	3	62	2,8	4,6	184	7,7	2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Часть I 7

Глава 1. *Члены предложения* 7

Главные и второстепенные члены предложения 7

Порядок расположения членов предложения 9

Обособленные члены предложения 13

Конструкции и слова, грамматически не связанные с членами предложения 17

Глава 2. *Способы синтаксической связи и речевые конструкции* 20

Примыкание 20

Управление 22

Имена и именные конструкции. 22

Местоимения и конструкции с местоимениями 79

Функциональные формы глагола и конструкции с ними . . . 91

Конструкции с вспомогательными глаголами и модальными словами 110

Согласование 117

Согласование в лице 117

Согласование в числе 124

Тюркская изафетная конструкция 125

Глава 3. *Союзные слова и союзы* 131

Слова в роли сочинительных союзов и сочинительные союзы . . 131

Союзные слова 131

Сочинительные союзы 136

Сочетание соединительных союзов и союзных слов 143

Подчинительные союзы 144

Конструкции с союзными словами *тәп//тәйү//тәбән*, *тәсә*, *тәдүктә* 149

Глава 4. *Простые предложения* 153

Неполные предложения 153

Односоставные предложения 155

Глава 5. *Бессоюзные сложные предложения* 159

Особые предикативные конструкции 159

Типы бессоюзных сложных предложений 162
I. Бессоюзные сложные предложения, выражающие временные отношения 163
II. Бессоюзные сложные предложения, выражающие сопоставительные отношения 166
III. Бессоюзные сложные предложения, выражающие причинно-следственные отношения 169
IV. Бессоюзные сложные предложения, выражающие пояснительные отношения 171
V. Бессоюзные сложные предложения с присоединительной конструкцией 182

Часть II 185

К некоторым вопросам сравнения языка «Қутадғу билиг» со староузбекским и современным узбекским языком 185

Гани Абдурахманович Абдурахманов

Исследования по старотюркскому синтаксису

Утверждено к печати Институтом языкознания

Редактор Издательства *Р. М. Ижбулатова*
Технические редакторы *И. Л. Макагонова*,
Ю. В. Рылина

Сдано в набор 3/V 1967 г. Подписано к печати 13/X 1967 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 13,25 Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 2100. Тип. зак. 2825. Т-14714

Цена 83 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10